

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
Учреждение образования
«Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»

ИСТОЧНИКИ ПРАВА: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Материалы республиканской
научно-практической конференции
(Минск, 27 февраля 2013 г.)

Минск
Академия МВД
2013

УДК 34
ББК 67
И89

Редакционная коллегия:

В.И. Павлов (ответственный редактор),
А.И. Мурашко, О.Н. Сувалов

Источники права: проблемы теории и практики : материалы респ. науч.-практ. конф. (Минск, 27 февр. 2013 г.) / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2013. – 190, [2] с.
ISBN 978-985-427-822-3.

Сборник содержит доклады ученых и практических работников органов внутренних дел, посвященные актуальным теоретико-правовым и историко-правовым проблемам источников права.

Адресуется специалистам в области правоведения, общей теории права, философии права, истории государства и права и всем тем, кто интересуется проблемами источников права. Может быть использован в процессе преподавания теоретико-правовых и историко-правовых дисциплин в учреждениях образования юридического типа.

УДК 34
ББК 67

ISBN 978-985-427-822-3

© УО «Академия Министерства внутренних дел
Республики Беларусь», 2013

ПРЕДИСЛОВИЕ

Исследование источников права в теоретическом правоведении всегда представляло собой одно из актуальнейших направлений правовых изысканий. Фиксация начал права, обнаружение критериев подлинности правового, акцентирование внимания на месте рождения права всегда интересовало как ученых-теоретиков права, так и специалистов отраслевых юридических дисциплин. Несмотря на, казалось бы, тщательную разработку проблемы источников права в дореволюционном, и особенно в советском, правоведении современная правовая реальность и прежде всего юридическая практика порождают проблемные вопросы в области теории источников права – вопросы, на которые нередко современная теория права не может дать надлежащие ответы. Фактичность правовой жизни опытным путем подсказывает те или иные варианты разрешения правовых ситуаций в плане отыскания критерия правового, причем нередко делает это на ощупь, «от жизни», руководствуясь при этом аргументом эффективности разрешения той или иной правовой ситуации на практике – и в этом с позиции практики есть определенный резон. Однако такой путь развития юридической практики нередко конфликтует с устоявшейся правовой теорией, которая предлагает каноническое изложение учения об источниках права и настаивает на аксиоматичности своих теоретических положений. В этой связи следует сказать, что для юриспруденции в целом предпочтительным является такое развитие правовой науки и практики, при котором они не конфликтуют, не изолируются друг от друга, а находятся в состоянии постоянного диалога, взаимной чувствительности, соработничества как в отношении осмысления теорией актуальных проблем юридической практики, так и в отношении адаптации юридической практикой теоретических разработок.

Среди многочисленных дискуссионных проблем источников права, с которыми сталкивается и правовая доктрина, и юридическая практика, следует отметить юридическую природу правовых актов высших органов судебной власти, значение правовой доктрины как источника права в современном законодательном процессе, возможности включения в континентальную правовую систему такого нехарактерного для нее источника права, как юридический прецедент, соотношение источников общего и индивидуального правового регулирования, рассмотрение правоприменительной практики и вырабатываемых ею правовых образований (обычаев, обыкновений, правоположений и т. п.) как нетрадиционных источников права и т. д.

На наш взгляд, адекватная постановка и теоретическое решение этих и многих других проблем зависит не столько от разрабатываемой частной теории источников права, сколько от эпистемологического ядра правовой концепции (концепции в самом общем смысле), в рамках которого эти проблемы ставятся и разрешаются. Иными словами, сама общая теория, остовом которой, безусловно, является тип правопонимания, задает направление и формат постановки ее региональных, или частных, проблем, в том числе проблемы источников права. Общая теория определяет способ или тип представления правовой реальности, который используется и при построении отраслевых правовых образований, при решении этой теорией отраслевых проблем. Однако если на уровне общей теории еще можно различить тип правового представления, то на уровне отрасли права, как правило, этот тип берется как единственно данный (например, позитивистский тип правопонимания). Следствием этого могут быть ситуации, когда успешное решение той или иной научной или практической проблемы, связанной с источниками права, требует обязательного выхода за пределы типа правового представления, особенно в этом отношении богата современная юридическая практика. Но эту проблему пытаются решить средствами и внутри одного типа правового представления, который полагается единственно возможным, что, естественно, приводит лишь к конфликту между теорией и практикой, каждая из которых остается при этом на своих позициях.

Сегодня в мировой юриспруденции в этом отношении серьезное внимание уделяется развитию новых правовых теорий, среди которых особенно следует выделить постклассические концепции права (коммуникативно-феноменологическую, диалогическую, антропологическую и иные концепции права), которые, изменяя общее представление о праве и правовой реальности, предлагают и собственные, отличные от классических, варианты решения проблемы источников права. Несмотря на то что реализация на уровне юридической практики предложений, выработанных в рамках постклассических правовых теорий, затрудняется слабо разработанным в рамках этих концепций рабочим аппаратом (т. е. собственно догматикой права), развитие иных, альтернативных типов правового представления возможно только через трансформацию догматической ткани – понятийно-категориального и институционального инструментария отраслевых источников права.

Учитывая актуальность для современной юридической науки этих и иных вопросов, связанных с источниками права, кафедрой теории и истории государства и права Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь 27 февраля 2013 г. была проведена научно-

практическая конференция на тему «Источники права: проблемы теории и практики», по итогам которой и был сформирован настоящий сборник. Тематические доклады, представленные в нем, являются результатом научного осмысления и обсуждения на конференции обозначенных выше проблем источников права. Несмотря на то что проблемы на конференции ставились на теоретико-правовом, историко-правовом и отраслевом уровнях, так или иначе они были направлены на решение актуальных вопросов правовой теории и практики, связанных с источниками права.

Представленные на конференции доклады, которые нашли отражение в сборнике, выражают личные научные позиции их авторов, причем иногда эти позиции носят дискуссионный, полемический характер. Однако научно-практическая конференция, которая как раз и преследует цель обсуждения научным сообществом наиболее острых проблем, в этом отношении имела конструктивный характер.

В конференции приняли участие профессорско-преподавательский состав, адъюнкты и магистранты Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь, представители Академии управления при Президенте Республики Беларусь, Конституционного суда Республики Беларусь, Санкт-Петербургского военного института внутренних войск Министерства внутренних дел России, Национальной академии внутренних дел Украины, Могилевского высшего колледжа Министерства внутренних дел Республики Беларусь, Военной академии Республики Беларусь, Института пограничной службы Республики Беларусь, Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники и ученые из других вузов.

*В.И. Павлов,
кандидат юридических наук, доцент*

ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВ ПРАВА В ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

УДК 340.13(043.3)

В.И. Павлов

СХОЛАСТИЧЕСКО-МЕТАФИЗИЧЕСКИЕ ИСТОКИ КЛАССИЧЕСКОЙ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ПРАВА: К ВОПРОСУ НАЧАЛ РЕЦЕПЦИИ РИМСКОГО ПРАВА НА ЗАПАДЕ

Вопрос об источниках права, которому была посвящена конференция, организованная кафедрой теории и истории государства и права Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь 27 февраля 2013 г., в современной юриспруденции нельзя признать разрешенным положительно. Несмотря на традиционное выделение типичных источников права в рамках общей теории права, в национальных правовых порядках иногда возникают проблемы квалификации того или иного правового акта относительно его юридической природы, в том числе касательно отнесения либо не отнесения этого акта к источникам права. И дело даже не в том, что в современной правовой реальности усилились тенденции интеграции правовых систем, глобализации национальных правовых порядков – дело в том, что в условиях стремительно меняющейся социальной практики возникает необходимость обновления классического аппарата правоправедения, как минимум пересмотра нашего отношения к его устройству, регулятивной ценности, в том числе и к истокам, генезису классического аппарата правовой теории. В связи с этим исследование посвящено не конкретному источнику права, а анализу условий складывания общей почвы классической правовой теории, в рамках и на основе которой было сформировано учение об источниках права.

Разумеется, что, поскольку поставлена такая общая задача, необходимо рассмотреть такие ключевые для генезиса общей теории права понятия, как юридическая догматика и нормативность, а также проследить общий процесс формирования корпуса юридических средств континентальной правовой семьи.

Генеалогия нормативности: от юридической догматики – к общей теории права. Общеизвестно, что в континентальной правовой семье строение нормативности было исторически обусловлено так на-

зываемым феноменом рецепции римского права, который окончательно приобрел свою каноническую форму в школе немецкого концептуализма (школа «юриспруденция понятий», *Begriffsjurisprudenz*) и выразился в сложившемся органоне юридической догматики. Как справедливо отмечает А.М. Михайлов, «именно догматическая юриспруденция, развивавшаяся на континенте в течение восьми веков, сформировала стиль мышления романо-германских юристов... [она] до сих пор остается одним из основных способов мыслимости права» [1, с. 453]. Современная классическая общая теория права¹ поэтому есть не что иное, как плод догматической традиции в правоведении. Вместе с тем нельзя не указать на те трансформации, которые претерпела юридическая догматика на своем пути к воплощению в общей теории права.

Аутентичная юридическая догматика (*Begriffsjurisprudenz*) предполагает возвышение, надстраивание догмы не над жизненным фактом, а над законодательством, всегда конкретным и привязанным к месту. Классическая же общая теория права уже не различает связку законодательства, с одной стороны, и догматики – с другой, как парадигмальный метод работы с законодательством. Сегодня догматика рассматривается теорией исключительно в качестве технического средства обработки нормативного материала (юридическая техника), но не как системно-конструктивный общеюридический (и даже философско-правовой) метод обработки правовых положений (норм права), закрепленных в нормативных правовых актах, приводящий к созданию самостоятельного мира (этажа) понятий и юридических конструкций. Ранний Р. Иеринг в своей «Юридической технике» отмечал, что юридическая конструкция в отношении норм законодателя должна быть «совершенно свободна, собственные конструкции законодателя не обладают над ней обязательной силой. Законодатель не должен конструировать – он этим переходит в область науки, лишает себя авторитета и силы законодателя и становится с юристом по одну линию» [4, с. 82]. Задача юридического конструирования, по Р. Иерингу, представляет специфическое «художественное творчество». В своей программной статье (1857 г.) он поясняет: «Мы... сами создаем те объекты, природу и сущность которых определяем. Конечно, материал для нашего творчества дан (законодательство. – *В.П.*), но то, что мы делаем из него, составляет в действительности нашу собственную продукцию, так как мы не только сообщаем другой порядок

¹ Речь будет идти преимущественно о русскоязычной классической теории права, окончательно сформировавшейся в 50-х гг. XX в. и в своем конструктивном аппарате оставшейся неизменной до наших дней. К классической теории права не относятся постклассические правовые теории, сформированные на основе постклассической методологии (см., например, [2, 3]).

этому материалу, но и специфицируем его – *конструируем* из него специфически *юридические* тела» [5, с. 540].

Догматический аппарат юридической науки, который в концептуализме использовался в качестве метода обработки законодательства, в рамках общей теории права стал постепенно ассоциироваться с самим процессом обобщения правовых положений, с техникой правотворческой и правоприменительной деятельности. Впитавшись в поры самой этой деятельности, догматический аппарат, став своего рода языком права, создал предпосылки для догматического правового представления как единственно возможного и аутентичного способа понимания правовой реальности и работы с ней. В особенности это касается отраслевого юридического мышления, ориентированного на практику. Согласно этому способу понимания правовой реальности правоположение всегда фиксируется в догме и возможно только как догма, и советская теория права окончательно приняла это положение, разместив его на платформе нормативизма диалектико-материалистического типа. Сам же Р. Иеринг во второй период своего творчества (с 60-х гг. XIX в.) разочаровался в концептуализме и перешел на позиции социолого-правового метода обработки правовых положений, начав представлять правовую реальность не через догму как логическую систему «юридических тел», а через факты жизни, в основе которых лежит личностная, субъективная воля лиц, субъектов права.

Генеалогия догматической юриспруденции и влияние последней на становление общей теории права обращает внимание еще на одну существенную деталь. Трансформация догматического метода в классической общей теории права, с одной стороны, редуцировала этот метод и свела его лишь к частному техническому приему обработки законодательства, причем к приему, используемому в самом процессе правотворчества (на что концептуалистами, кстати, налагался запрет [4, с. 82]). Политико-правовой и философский слои юридической догматики как полноценной правовой доктрины (а догматика представляет собой именно полноценную правовую доктрину¹) остались за рамками общей теории права (в советской общей теории права место политики права занял общеправовой диалектико-материалистический метод). Однако, с другой стороны, такая трансформация избавила советскую, а главное постсоветскую, современную теорию права от привязки к мощному политико-правовому слою догматического «юридического художества», хотя после распада

¹ В.М. Нечаев отмечает, что как во времена глоссаторов, так и в современном ему догматическом направлении немецкого правоведения «практические задачи догматика отождествлялись с философскими» (см. [6]).

СССР в постсоветской теории права философия права в большинстве своем переориентировалась на либеральные позиции (наиболее яркий пример – правовая концепция В.С. Нерсисянца). Тем не менее современная юридическая наука сохраняет догматику в качестве инструментального каркаса и теоретического, и практического правоведения.

Положительное значение догматики, на наш взгляд, заключается в том, что в некотором смысле она, выступив только в качестве юридической техники, оставила место для философско-правового и политико-правового наполнения постсоветской теории, топологически сделав политико-правовой слой уже постсоветской юридической науки открытым. Однако рискуем утверждать, что это, казалось бы, сугубо положительное значение содержит в себе и препятствие для преодоления догматического способа правового представления и, следовательно, преодоления несоответствия современной правовой теории уже качественно иной, [пост]современной социальной практике, которая не может быть полноценно, точно и эффективно отражена через догму. Парадоксально, но, несмотря на то, что догматика в общей теории права «есть только как техника», она неявным образом транслирует структуры политики и философии права юридического концептуализма, что обусловлено жесткой сцепкой техники и политики права. Следует помнить, что «сущность техники вовсе не есть что-то техническое» [7, с. 221]. Как бы ни менялась политика и философия права, аппарат теории права обеспечивает стабильное воспроизводство догматического стиля правового мышления, по крайней мере, юридическая практика полностью полагается именно на него.

Догма как скрытая правовая политика классической общей теории права. В чем заключается скрытое, неявное, однако действенное влияние политики и философии юридической догматики, якобы нейтральной юридической доктрины, восходящей через глоссаторов к классическому римскому праву? Дореволюционный правовед В.М. Нечаев так оценивал значение юридического концептуализма: «На самом деле, – писал он, – юридическая конструкция – прием условный, имеющий значение только по отношению к тому праву, к анализу которого она применяется... Изолирование юридических норм от жизненных отношений, их вызвавших, полезное как технический прием, не должно идти до забвения исходных моментов каждого права: потребностей жизни и необходимой, в данный период развития, комбинации частных и общественных интересов» [6].

Забвение жизни и ее потребностей, приоритет системно-логического над жизненно-практическим является тем невидимым на первый взгляд догматическим остатком, который рассеян в аппарате современной юри-

спруденции, в ее догме. Именно сам аппарат (органика принципов, институтов, норм, их конструктивные особенности, классификации, иерархии и т. п.) своим «юридическим телом» устанавливает приоритет отвлеченного «юридического художества» над жизнью и создает препятствие в виде канонизированного компендиума догматических положений как на уровне общей теории права, так и в отраслевых теориях (теории уголовного права, процесса, гражданского права и т. д.). Своей органикой, которая, на первый взгляд, представляется в качестве естественной и единственно возможной формы схватывания реальности права, аппарат догмы блокирует, ставит запрет на выход за пределы догматического представления правовой реальности. Вопросы незыблемости самого правового представления – о различении абсолютного и относительного правоотношения, моменте начала и окончания того или иного правового явления (ответственности, правоотношения и т. д.), конструкции фактических составов, фикции, презумпции, дефиниции, незыблемости принципов права, иерархии, моделей процессов, а также иные теоретические фигуры незримо под прикрытием аксиоматичности этих конструкций нередко препятствуют становлению новых юридических форм фиксации динамичной правовой жизни. Можно признать обоснованными те претензии к общей теории права со стороны специалистов отраслевых дисциплин, которые основаны на констатации явного несоответствия динамично развивающихся отраслевых отношений, современных юридических практик существующей канонической форме их фиксации и прочтения. И в то же время само отраслевое юридическое мышление нередко не способно фиксировать и понимать правовую реальность недогматически, отождествляя ее с реальностью догмы (см., например, [8]).

Для того чтобы выяснить столь притягательное и мощное фундирование догмой классического правового представления, необходимо обратиться к генеалогическому рассмотрению континентальной юридической догматики, начала которой закладываются в западноевропейском Средневековье в недрах схоластического мышления католицизма.

Схоластика – юридическая глосса – догматический метод. Несмотря на то, что восточнославянский регион в плане построения системы права и его источников оказался под влиянием романо-германской правовой традиции и сегодня мы считаем эту традицию аутентичной нашему цивилизационно-культурному организму, анализ начал становления догматики права в недрах школы глоссаторов заставляет нас если не отказать, то, по крайней мере, серьезно пересмотреть отношение к континентальной правовой традиции (в ее догматическом изводе) как к аутентичной.

Как утверждает теоретик догматической традиции А.М. Михайлов, «исследовательский инструментарий, используемый для изучения *Corpus Iuris Civilis* школой глоссаторов, соответствовал культурным нормам схоластики... „Картина мира“, в рамках которой формировалась континентальная догматическая традиция, была сформирована религиозной схоластической культурой XII–XIII столетий. Для сознания средневековой интеллектуальной элиты характерно восприятие авторитетных текстов как *ratio scripta*, неизменных и универсальных канонов, содержащих истину, законченную систему знания. Для юристов-схоластов действительность права конституируется его письменной текстуальной формой и рациональностью содержания...» [1, с. 444].

Уже из этой характеристики следует, насколько важно уметь различать не только правовые школы и направления, но и религиозные традиции, в лоне которых эти школы и направления формировались, особенно когда речь идет о Средних веках. Место схоластики в стиле мышления континентальной правовой традиции обязывает понимать, что начало становления континентальной традиции фундировано римокатолицизмом. Схоластика, по замечанию Г.Ф. Шершеневича, имеет целью «доказать посредством логических рассуждений истинность догматов христианской религии, иначе, обязана объяснить разумом то, что предполагает вера» [9, с. 152]. Схоластика – это пружина западного Средневековья. Основная опора схоластов (особенно с XIII в.) – это Аристотель (в основном в арабской и еврейской интерпретациях) [10, с. 265–296]. Метод, которым пользовались схоласты – это силлогизм, заключающийся в дедуктивном выведении следствия из основного положения (большей посылки). Исходное положение не подвергалось критике и не добывалось опытным путем – оно было дано как аксиома. «Все остроумие схоластика, – отмечает историк права, – было направлено на то, чтобы выводы были логичны и в то же время не стояли в противоречии с христианским вероучением... благодаря такому методу, система схоластической философии представляла собою ряд бесконечных и бесполезных делений, подразделений, сопоставлений, соподчинений, противоположений» [9, с. 153]. Главная роль схоластики для средневекового Запада, таким образом, заключалась не в добывании нового знания, но в изощрении мысли независимо от ее содержания.

Как справедливо утверждал Г.Ф. Шершеневич в отношении глоссаторов, «дух времени не мог не отразиться на юристах... пандекты для юристов были тем же, чем для церкви Откровение. Их знания были потому ценны, что за ними стоял авторитет великого Рима. Их взгляды были настолько убедительны, насколько опирались на *ratio scripta*, како-

вым представлялось молодому западноевропейскому обществу римское право» [9, с. 181]. С.А. Муромцев также указывал на серьезную методологическую ошибку глоссаторов, связанную с пониманием римского права. «Совершенно искренно, – писал дореволюционный правовед, – глоссатор признавал идеалом своего времени право... столь же искренно он верил в полную внутреннюю гармонию этого [римского] права, не подозревая возможности противоречий в нем, и каждое видимое противоречие старался устранить путем толкования...» [11, с. 28–29]. Высокое Средневековье, в рамках которого впервые серьезно обозначилось противоборство римских пап и королей, дало начало тематизации величия античного мира, ведь не стоит забывать, что светские юристы в Средние века прежде всего представляли интересы государей и были выгодны последним в их использовании против католической церкви (как верно заметил Г.Ф. Шершеневич, в Средние века «одни легисты представляли светскую науку» [9, с. 187]). Если пока еще не Аристотель, переведенный с аутентичного греческого источника и адаптированный в каноне схоластики через томизм только в XIII в., то, по крайней мере, греко-римское право, Свод Юстиниана в эпоху глоссаторов должен был поддерживать смутно зарождающуюся тягу к величию античности, а на самом деле – стремление к независимости, прежде всего от католической церкви.

Работа глоссаторов уподоблялась работе католических схоластов. Она заключалась в построении силлогизмов: большей посылкой было правило из текста римского источника (однако очень скоро им стало мнение авторитетного глоссатора – известная средневековая юридическая поговорка об авторитетности комментариев глоссатора Аццо гласит: «*Chi non ha Azo, non vado a palazzo*»), меньшей – подлежащая разрешению фактическая ситуация. Главное – логичность вывода и его непротиворечие авторитету римского текста как правовой аксиоме. Вследствие множились, разделялись, противопоставлялись, классифицировались понятия по различным признакам, придумывались искусственные и нелепые казусы, для преподавателей вырабатывались схемы изложения, канонизировались авторитеты и умножались цитаты. Как неоднократно отмечалось в дореволюционной правовой науке, средневековые юристы, «преклоняясь перед глубоким смыслом римского права, относясь с благоговением к каждой строчке его, не задавались вопросом, соответствует ли существующий порядок идее правды. Такой вопрос был неуместен» [9, с. 185]. Немецкий романист XIX в. Ю. Барон также указывает, что «глоссаторам не доставало исторических познаний и исторического смысла: они не подозревают, что римские нормы развивались у римлян лишь постепенно

и что современные им жизненные отношения существенно отличны от римских; они не воспользовались для толкования юстинианова права ни до-юстиниановыми источниками права, ни после-юстиниановыми, ни прочею древнею литературой» [12, с. 46].

Комментаторы, продолжая дело глоссаторов, уже работали не с римскими источниками, а только с глоссами (комментировали их в основном *Glossa magna* Аккурсия), равно как и западноевропейские суды в качестве источника права признавали не римские источники, а глоссы на них. Оторвавшись от римского текста, комментаторы еще более усилили использование схоластических методов в работе с глоссой и одновременно попытались вывести из многочисленных глосс дедуктивные «общие положения, которые мыслились как универсальные, как позабытое в эпоху глоссаторов естественное право (*ius naturale*)» [13, с. 17], что было обусловлено потребностями развивающегося торгового оборота. Однако проблематичность метода комментаторов заключалась в том, что отыскиваемое ими для потребностей практики *ius naturale* не должно было подрывать авторитет глосс, что привело к росту судейского произвола, изощрению словесной эквилибристики, крючкотворству интерпретаторов – к еще большей путанице в такого рода «рецепции».

И.А. Покровский говорит, что господство комментаторов в XIV в. привело к негативной социальной оценке работы юристов: «Общество возненавидело юристов как крючкотворов, софистов и обманщиков» [14, с. 263]. Нередко на юристов смотрели как на плохих христиан («*Die Juristen sind böse Christen*»). П.Г. Виноградов приводит отношение к комментаторам немецкого гуманиста XV в. Ульриха фон-Гуттена, которое выражалось в презрительных нападках на «жадную, невежественную, педантичную толпу юристов, которые затемняют самые простые вопросы и пользуются своим претенциозным образованием, чтобы выжимать соки из бедного люда» [15, с. 260–261].

В XVI в. на смену догматике на Западе пришло гуманистическое направление, представленное филологическим и историческим методами, делавшими акцент на отказе от глосс и комментариев. Гуманизм ориентировался на живую и конкретно-историческую природу права, тем самым предвосхитив идеи исторической школы XIX в., однако, как и историческая школа права, не сумел развить рабочий аппарат юриспруденции. В то же время на Западе (преимущественно в Германии) ввиду активно складывающихся новых буржуазных отношений требовалось их практическое обеспечение и правовая защита. Уже к XVI в. в Германии римское право было реципировано окончательно [15, с. 260–261], но, с чем согласны все знатоки истории средневекового западноевропейского

права, рецепировано в том виде, в котором оно преподавалось с кафедр глоссаторами и комментаторами. Таким образом, вместе с рецепированными глоссами в западноевропейскую (т. е. романо-германскую) правовую традицию вошла не только техника, но и правовая политика юридической догматики.

По сути, только в 60-х гг. XX в., как отмечает Д.В. Дождев, ученые-романисты пришли к заключению о том, что аутентичное римское право в отличие от его рецепции представляло собой не формально-логический, силлогистический, а казуально-ситуативный тип регулирования. Не *ius civile*, а *ius controversum* «(право, по которому возможны и существуют разногласия среди знатоков) вело не только к признанию подлинности большинства текстов римских юристов, но и к адекватному методу исторического изучения римского права» [13, с. 18]. Отражение в классических текстах римских юристов (в основном в Дигестах) правовых положений, различных по смыслу, подчеркивает значительную автономию суждения и есть не что иное, как отражение живых споров по правовым вопросам, которые пронизывают всю историю римской юриспруденции. Именно поэтому «контroversы среди юристов-классиков подчас говорят больше о римских правовых институтах, чем свободные от сомнений, абстрактные правила и определения, которые в основном были выработаны в Средние века» [13, с. 18].

Рецепция римского права и византийский правовой вопрос. Вывод из предложенного анализа, который напрашивается сам собой, заключается в том, что *догматика современной классической теории права является не просто языком и нейтральным аппаратом права – она воспроизводит идейно-смысловые содержания общетеоретической догмы, которые выражаются, по сути, во все тех же схоластическо-метафизических способах правового представления и работы с правовым материалом, которые конституировались глоссаторами и комментаторами в Средние века.* Прав в своих оценках В.А. Томсинов, полагая, что рецепция римского права является на самом деле «процессом включения античных правовых текстов в духовное поле средневековой европейской культуры» [16, с. 277]. «Университетская» традиция римского права с ее опорой на авторитетный текст, – утверждает ученый, – не просто зародилась в рамках средневекового западноевропейского общества, она – эта традиция – была неотъемлемым элементом данной общественной системы и ее духовной культуры. Отсюда очевидно, что говорить применительно к ней о „рецепции римского права“ – значит говорить бессмыслицу» [16, с. 279].

Надежды современных правоведов на возрождение в восточнославянском регионе профессиональной культурной юридической традиции

на основе почтительного отношения к юридической догматике как аутентичной правовой доктрине (см., например, [1, с. 458–460]) как минимум вызывают сомнение. На наш взгляд, наряду с необходимым изучением генезиса континентальной юридической догматики для восточнославянского региона более значимой является еще предстоящая работа по внимательному изучению тысячелетнего византийского правового наследия, в котором схоластика как явление сугубо латино-христианское не нашла значительного употребления по историческим, религиозным и цивилизационно-культурным причинам¹. Ведь не западноевропейская, а именно византийская традиция стала первичной цивилизационно-культурной и правовой скрепой восточнославянского региона, главным фундирующим элементом которого выступило восточное христианство. Очевидно поэтому, что генетически тип правового представления на христианском Западе и на христианском Востоке отличается настолько, насколько католическая онт[тео]логия отличается от энергичной онтологии православия (подробно см. [18–20]), о которой еще предстоит говорить не одному поколению мыслителей.

Связь цивилизационно-культурного организма с религиозной традицией, особенно если говорить о Средних веках, накладывает гораздо более серьезные ограничения и прочерчивает более глубокие внутренние силовые линии притяжения и сцепления, чем это обычно принято считать. Влияние религиозной традиции на формируемые дискурсы задает последним некоторую установку, калькированную из самой религиозной традиции, особенно если мы говорим о Средневековье. Это в полной мере относится и к средневековому юридическому дискурсу. Как, например, отмечают исследователи византийского права, влияние на правовой быт древнерусских княжеств византийского церковного и светского права является несомненным, дискуссионным остается только вопрос относительно форм и глубины такого влияния (от пассивного влияния до полноценной рецепции) (обзор позиций см. в [21]). Исследователь рецепции византийского права О.В. Вербова отмечает, что помимо такого источника византийского права, как Номоканон (кстати, переведен на славянский язык еще до крещения Руси), на Русь из Византии помимо различных создаваемых юридических компиляций на основании византийского права («Книги законные» XII в., «Мерилы праведные» XIII в.) уже в XI–XIII вв. также «были привезены Эклога, Кодекс Константина (Закон Судный Людем), Прохирон (Закон Градский), которые вместе с Номоканонами входили в состав древних сборников, известных под на-

¹ О ключевом цивилизационно-культурном и церковном столкновении онтологических парадигм христианского Запада и Востока см. [17].

званием Кормчей Книги» [21, с. 17; 22, с. 235–254.]. И если оценивать ту работу по комментированию Свода Юстиниана (в версии латинской вульгаты), которая проводилась на Западе глоссаторами в XI–XIII вв., то она, несомненно, меркнет перед мощным прямым влиянием византийской правовой традиции на Русь, причем не только и не столько по линии светского, сколько по линии церковного, канонического права, которое, впрочем, содержало в себе земельные, уголовные, судебные, брачные правовые положения. В отличие от католического Запада, который начиная со второй половины XI в. уже формально не мог адаптировать византийское каноническое право по причине схизмы (1054 г.) и окончательного расстройств отношений с византийским государством (1204 г.), на Руси «рецепция византийского права... осуществлялась на высоком уровне творческой переработки через княжеское законодательство и церковную деятельность» одновременно [21, с. 22].

Нельзя в связи с вышесказанным не обратить внимания и на забвение в современном русскоязычном правоведении византийского правового вопроса, а ведь без его исследования понимание становления правовой традиции в Беларуси, России, Украине на основе одного лишь уяснения феномена рецепции римского права всегда будет неполным. Как небезосновательно отмечает А.М. Величко, «в западной науке (это же, как правило, относится и к русскоязычной науке. – В.П.) давно уже стало правилом хорошего тона говорить о римском праве только в контексте его *рецепции* германскими народами и забывать о том, что оно жило своей жизнью и развивалось в течение тысячелетия, с IV по XV век на Востоке» [23, с. 62]. И действительно, в работах по рецепции римского права редко можно встретить сравнительный анализ развития классической римской правовой традиции в средневековой Западной Европе и Византии. Но ведь правовая традиция последней помимо собственно Свода Юстиниана дала и многие другие памятники права, особенно уже в тот период, когда многие классические римские правовые разработки были переосмыслены в духе христианства (Эклога, Прохирон, Эпаногога, Базилики, Номоканоны, Шестикнижие Гарменупула). Для восточнославянской цивилизации цивилизационно-культурное родство с Византией и кризисное состояние самой современной западноевропейской культуры, на которую мы порой слепо ориентируемся, в том числе и по правовым вопросам, дает нам повод к освоению этого огромного культурного правового наследия.

Проблематизация начал и всей истории континентальной юридической догматики в связи с современным пониманием нормативности права и нормативного правового представления служит предваритель-

ным шагом к работе по переосмыслению современного догматического аппарата общей теории права. Деконструкция догматики как способ ревизии аппарата общей теории права заключается в высвобождении жизненного факта из-под власти догмы и в попытке по-новому зафиксировать ее – но уже не-догматически (что, однако, в большей степени относится не к языку, а к политике права). Деконструкция не означает отказа от самого языка догмы, но предполагает взламывание догматических структур мыслимости права, имеющей следствием смещение и реконфигурацию границ догматического правового представления. Это можно осуществить только на базе – недогматического эпистемического образования правового анализа, которое мы усматриваем в субъекте права – в новом образе человека в праве, развивающегося в рамках постклассической правовой антропологии (см. [24]).

Отказ от догматических структур мыслимости права в рамках классической теории права, в том числе и определения источников права, на базе постклассической правовой антропологии выдвигает целый ряд новых и ранее не задействовавшихся в общей теории критериев обнаружения правового. Основным фактором в выделении критерия правового, истока правовой регламентации в соответствии с логикой антропологической концепции права должна стать не догматическая определенность, а особое концептуальное образование – энергийно-правовой комплекс, который является основой антрополого-правового правового представления и лежит в основе антропологического типа правопонимания. Суть энергийно-правового комплекса заключается в том, что производство правового в нем осуществляется не в пространстве формально определенного текста закона (нормативизм), не в правовых идеях (юснатурализм) и не в социальных конвенциях (социологизм), а *на границе, пороге соприкосновения практик правовой субъективации и т.н. «сущностных правовых образований» (норм, идей, отношений)* (подробнее см. [25]). Главным фактором в предложенном варианте решения вопроса об источниках и истоках права является включение не только в политику и философию, но и в рабочий аппарат юриспруденции на правах значимого критерия юридической деятельности способа правового существования человека-в-праве, который всегда сопутствует юридической деятельности и является неустранимым фактором правовой жизни.

1. Михайлов А.М. Генезис континентальной юридической догматики : [монография]. М. : Юрлитинформ, 2012. 496 с.

2. Поляков А.В. Общая теория права. Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода : курс лекций. СПб. : С.-Петерб. гос. ун-т, 2004. 864 с.

3. Честнов И.Л. Постклассическая теория права : [монография]. СПб. : Алеф-Пресс, 2012. 650 с.

4. Иеринг Р. Юридическая техника. СПб., 1905. 105 с.
5. Иеринг Р. Задача современной юриспруденции // Юрид. вестн. 1883. Т. XIII. № 8. С. 533–573.
6. Нечаев В.М. Конструкция юридическая [Электронный ресурс] // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона (1890–1907) // Режим доступа: http://ru.wikisource.org/wiki/ЭСБЕ/Конструкция_юридическая (дата обращения: 25.01.2013).
7. Хайдеггер М. Вопрос о технике // Время и бытие : статьи и выступления : пер. с нем. М. : Республика, 1993. С. 221–237.
8. Данько И.В. Нужны ли УПК такие реформы? // Юстиция Беларуси. 2012. № 11. С. 28–30.
9. Шершеневич Г.Ф. История философии права. М. : Univ. тип., 1906. 588 с.
10. Жильсон Э. Философия в Средние века: от истоков патристики до конца XIV века : пер с фр. / общ. ред., послесл. и примеч. С.С. Неретиной. 2-е изд. М. : Культур. революция : Республика, 2010. 678 с.
11. Муромцев С.А. Рецепция римского права на Западе. М. : Тип. А.И. Мамонтова и К, 1886. 150 с.
12. Барон Ю. Система римского гражданского права : в 6 кн. / предисл. В.В. Байбака. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2005. 1102 с.
13. Дождев Д.В. Римское частное право : учебник / под общ. ред. В.С. Нерсисянца. 3-е изд., испр. и доп. М. : Норма : ИНФРА-М, 2011. 784 с.
14. Покровский И.А. История римского права / вступит. ст., пер. с лат., науч. ред. и коммент. А.Д. Рудокваса. СПб. : Лет. Сад, 1998. 560 с.
15. Виноградов П.Г. Очерки по теории права. Римское право в средневековой Европе. М. : Зерцало, 2010. 288 с.
16. Томсинов В.А. О сущности явления, называемого «рецепцией римского права» // Виноградов П.Г. Очерки по теории права. Римское право в средневековой Европе. М. : Зерцало, 2010. С. 262–279.
17. Мейендорф И. Жизнь и труды св. Григория Паламы: введение в изучение / пер. Г.Н. Начинкина ; под ред. И.П. Медведева и В.М. Лурье. 2-е изд., испр. и доп. для рус. пер. СПб. : Византинороссика, 1997. 480 с.
18. Хоружий С.С. Что такое православная мысль // О старом и новом / С.С. Хоружий. СПб. : Алетейя, 2000. С. 17–34.
19. Гиренок Ф.И. Патология русского ума. Картография дословности / Ф.И. Гиренок. М. : Аграф, 1998. 416 с.
20. Рожковский В.Б. Безмолвие русской религиозной философии: онтологический и культурный горизонты восточно-христианского опыта // Философия права. 2009. № 1 (32). С. 9–13.
21. Вербова О.В. История византийского права и его рецепция в русском государстве // Вестн. Гродн. дзярж. ун-та. Сер. 4, Правазнаўства. 2011. № 4 (121). С. 13–23.
22. Шапов Я.Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII веках. М. : Наука, 1978. 289 с.
23. Величко А.М. Идея права в Византии // Священная империя и святой император (из истории византийских политических идей) : сб. ст. М. : Юрлитинформ, 2012. С. 61–81.
24. Павлов В.И. Энергично-правовой дискурс как постклассическая антропология права. К началам деконструкции классической модели юридической ответственности // Правоведение. Изв. вузов. 2012. № 2. С. 14–39.
25. Павлов В.И. Антропологический тип правопонимания как открытие человекомерности права // Право в современном белорусском обществе : сб. науч. тр. / Нац. центр законодательства и правовых исслед. Респ. Беларусь ; ред. кол.: В.И. Семенов (гл. ред.) [и др.]. Минск : Бизнесофсет, 2012. Вып. 7. С. 71–78.

ПОНЯТИЯ ФОРМЫ И ИСТОЧНИКА ПРАВА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОПОНИМАНИЯ

Понятия «форма права» и «источник права» в современной научной и особенно учебной юридической литературе трактуются, как правило, однозначно. Предполагается, что, отражая особенности структуры содержания права, его системы, они представляют собой способы организации права вовне.

Однако, будучи действительно тесно взаимосвязанными, понятия «форма права» и «источник права» при гносеологическом их рассмотрении не совпадают. Если форма права на самом деле показывает, как содержание права выражается вовне, то источник права позволяет понять именно истоки формирования права, выявить совокупность объективных и субъективных факторов, предопределяющих его содержание и форму выражения [1, с. 329]. При этом источник права в юридической литературе определяется неоднозначно – и как объективно складывающиеся отношения в различных сферах общественной деятельности, и как воля законодателя, правотворческих органов государства, народа в случаях проводимых референдумов. Высказываются и иные точки зрения.

Тем не менее в современном правоведении принято выделять материальные, идеальные и юридические источники права.

Материальные истоки обусловлены прежде всего уровнем общественного развития – своеобразием исторически сложившегося способа производства. Так, существенные различия между буржуазным и феодальным правом коренятся главным образом в соответствующих базисных отношениях. Но чтобы воплотиться в правовые предписания материальные потребности должны быть осознаны и восприняты социумом, в том числе законодателем, стать их правосознанием. На общественное правосознание оказывают воздействие также международная и внутриполитическая обстановка, в том числе межэтнические, религиозные, социально-культурные и иные отношения. Такого рода обстоятельства в своей совокупности и составляют источник права в идеальном смысле.

Объективированное выражение материальных и идеологических источников права посредством правотворческих процедур в нормативных правовых актах и других средствах правового регулирования признается юридическим источником права. В последнем случае источник права в юридическом смысле и форма права фактически совпадают по своему

внешнему выражению, но в этом заключается и принципиальное отличие источника права от формы права.

В юридической литературе справедливо, на наш взгляд, отмечается, что названные три источника права лишь в самой общей форме выражают систему правообразующих факторов. В действительности она объединяет не только экономические, идеологические и юридические обстоятельства, но и политические, национальные, религиозные, внешнеэкономические и многие иные реально существующие условия. Они могут быть как объективными, не зависящими от воли людей, так и субъективными, проявляющимися, в частности, в действиях политических партий, давлении определенных слоев населения, лоббизме, непредсказуемой законодательной инициативе и т. п. [1, с. 330].

Степень влияния каждого из этих факторов на существующую правовую систему постоянно меняется. Особенно заметны эти изменения при смене политических режимов, нарастании кризисных явлений в экономике, игнорировании требования разделения властей, когда резко усиливается влияние субъективных факторов. В такой обстановке существенно снижается значимость принципа научности в законодательстве, место и роль законодательных актов заметно сокращается посредством использования нормативных правовых актов исполнительной власти. А это в свою очередь влечет ослабление действия такого принципа правового государства, как верховенство закона.

Правовое регулирование все более переносится в сферу правоприменительной деятельности, которая в научной литературе рассматривается как индивидуальное правовое регулирование [2, с. 96–112].

Все эти сдвиги в системе источников права, пусть даже временные, не могут не сказаться на научных представлениях о формах права. Так, например, стремление придать нормативное значение правоприменительным актам получило выражение в обосновании в качестве источников белорусского права некоторых судебных решений, т. е. придании им значения судебных прецедентов [3, с. 178–203]. Речь при этом идет о постановлениях высших судебных инстанций обзорного характера, публикациях наиболее характерных решений судов этих инстанций, о судебных решениях, принятых по аналогии. Но при этом упускается из виду, что судебный прецедент – это решение суда вышестоящей инстанции по конкретному юридическому делу, которое признается образцом (эталоном, нормой) для решения аналогичных юридических дел, а не вышеупомянутые акты.

В современном мире, когда происходит формирование правовых государств с присущими им требованиями верховенства закона, строгой

законности, непосредственного действия, в случае необходимости, норм Конституции, а также допущения аналогии в праве (анalogии закона и аналогии права), трудно понять устремленность некоторых правоведов к реставрации источников (форм) права, господствовавших в условиях рабовладельческих и феодальных отношений.

Следует учитывать, что сохраняющая еще свое определяющее значение в странах англосаксонской правовой семьи прецедентная форма права допускает по одному и тому же юридическому вопросу неограниченное количество прецедентных решений, что не способствует правовой стабильности в правоотношениях и не препятствует злоупотреблениям в праве.

Определенная объективно обусловленная динамика в развитии (зарождении, укреплении и отмирании) существовала и существует в отношении всех источников (форм) права. Так, в частности, случилось и с такой порожденной рецепцией римского права в Западной Европе формой права, как правовая доктрина (XIII–XIX вв.). В то время суды при рассмотрении сложных юридических дел обращались на юридические факультеты за получением официально значимых решений. Но уже в XIX в. такая практика была запрещена в связи с появлением достаточно разработанных кодификационных правовых актов. Едва ли целесообразно и в настоящее время возвращаться к правовой доктрине как форме права или к юридическому прецеденту, хотя некоторые субъективные аргументы на этот счет могут быть выдвинуты.

Как бы то ни было, большинство современных исследователей значимости и соотносимости источников и форм права признают их объективную обусловленность и нормативное выражение последних. Еще Ш. Монтескье видел основное назначение законодательной власти в том, чтобы «выявить право и сформулировать его в виде положительных законов, обязательных для всех граждан...» [4, с. 294].

Как уже отмечалось, своеобразие источников права (материальных, идеологических, политических, религиозных и иных) неизбежно сказывается на формах (внешнем выражении) права. В них наглядно проявляются исторические объективно сложившиеся особенности тех или иных общественных систем, разнообразные формы государственного воздействия на общественные отношения. Так, юридическими формами рабовладельческого права были обычаи, различные религиозные правила, решения судебных органов, распоряжения должностных лиц, а также доктринальные толкования юридических предписаний выдающимися правоведами того времени.

Особенности феодальных общественных отношений также обусловили множественность форм партикулярного феодального права,

закреплявшего сословное неравенство и произвол феодалов. Это и сохранившиеся нормы обычного права, и судебные прецеденты, основанные на практике закрепощения крестьянства, и статутное закрепление этой практики, и получившие широкое распространение религиозные нормы (каноническое право), и труды ученых-юристов. Столь широкое многообразие форм феодального права способствовало безграничной эксплуатации бесправных слоев населения.

Феодальное право во всех его многообразных формах со временем стало препятствовать общественному развитию. Его источники (экономические, политические, идеологические, религиозные) исчерпали себя и нуждались в замене, которая состоялась вследствие буржуазных революций. Пришедшая к власти буржуазия, сохранив в отдельных странах нормативную значимость судебной практики и обычаев, постепенно по мере укрепления рыночных отношений и государственных начал в управлении обществом в качестве основной формы права установила нормативный правовой акт (законодательство).

Среди материальных и идеологических источников права нередко в правовой науке предпочтение отдается вторым. Это нашло свое яркое выражение в естественно-правовой (нравственной) концепции права и договорно-правовой теории происхождения государства и права. Постепенно это привело к трактовке самого права как внешней справедливости, выражающейся в совокупности естественных и неотъемлемых прав и свобод человека, порожденных Богом или природой. Историческая обусловленность возникновения и развития этих прав и свобод социальными и прежде всего производственными отношениями полностью отрицается.

Такой односторонний подход к трактовке источников права неизбежно приводит и к отрицанию его нормативной формы и общеобязательности закона, его верховенства. Нередко утверждается, что «несправедливые» нормативные правовые акты не должны даже исполняться. Но при этом не поясняется, кем и как должна определяться их несправедливость и к чему может привести их неисполнение. К тому же общество неоднородно. Каким-то социальным группам населения определенные акты законодательства (о пенсионном обеспечении, об оплате коммунальных услуг, о налогах и др.) могут показаться несправедливыми. Так значит ли это, что кому-то их можно не исполнять?

Разрушительный характер таких допущений для правовой системы современного общества очевиден. В связи с этим следует полагать, что недопустимо источники права, и в первую очередь идеологические источники, какими бы привлекательными они ни представлялись, ото-

ждествлять с самим правом. Ведь право в первую очередь явление политическое, объективно существующее и формально выраженное в письменной форме. И любой закон в правовом государстве, пока он не отменен, не изменен или не признан неконституционным, должен исполняться. Подробно рассматривает, почему справедливость не может быть атрибутом права, и приводит философские обоснования этому В.М. Сырых [5, с. 434–442].

В результате сопоставления современных научных представлений о формах права есть все основания полагать обоснованным их рассмотрение как способов официального выражения, закрепления (объективации) правовых норм, придания им общеобязательной юридической силы. В Республике Беларусь в настоящее время к таким формам права относят прежде всего нормативные правовые акты, а также нормативные договоры и допускаемые в некоторых отраслях права правовые обычаи. Таким образом, как и в правовых системах других европейских стран, в Беларуси довольно отчетливо обнаруживается диалектическая взаимосвязь между источниками права и формами его выражения – нормативно выраженными и общеобязательными предписаниями, создаваемыми или признаваемыми государственной властью. В одних странах преимущественное распространение получили правовые акты парламентов и делегированное законодательство органов управления, в других – судебные прецеденты, в третьих – религиозные писания и традиции, но нигде не сами по себе источники права как материальные, идеологические или политические его предпосылки.

Таким образом, ни источники права, ни его формы не являются результатом произвольного конструирования законодателя. Их первопричины заложены в системе общественных отношений, исключающих монизм источников и предопределяющих многообразие форм внешнего выражения права.

1. Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М., 1997. 672 с.

2. Горбатов Н.А. Некоторые особенности индивидуального правового регулирования // Теоретические и практические проблемы правоприменения : сб. науч. тр. Минск, 2010. 324 с.

3. Василевич Г.А. Источники Белорусского права: принципы, нормативные акты, обычаи, прецеденты, доктрины. Минск, 2008. 218 с.

4. Монтескье Ш.Л. Избранные произведения. М., 1995. 730 с.

5. Сырых В.М. Логические основания общей теории права : в 3 т. Т. 3. Современное правопонимание. М., 2007. 512 с.

ДИАЛЕКТИКА РАЗГРАНИЧЕНИЯ КАТЕГОРИЙ «ИСТОЧНИК» И «ФОРМА» В ТЕОРИИ ПРАВА

Проблема определения содержания категории «источник права», а также соотношение понятий источника и формы права является предметом одной из самых давних научных дискуссий. В разные времена к ней обращались С.С. Алексеев, С.В. Бошно, Д.А. Керимов, С.Ф. Кечекьян, П.О. Недбайло, Н.Н. Пархоменко, В.М. Протасов, Р.О. Халфина и др., освещая тот или иной аспект вопроса.

В этом контексте актуальным и сегодня является высказывание С.Ф. Кечекьян о том, что понятие «источник права» принадлежит к недостаточно определенным в теории права, поскольку нет не только общепризнанного его определения, но спорным является само значение, в котором используются слова «источник права», а сам этот термин является не больше чем образом, который призван, в первую очередь, помочь пониманию, а не предоставить понимание того, что им определяется [1, с. 22]. В то же время термин «источник права» давно вошел в научное обращение.

Терминологическая неопределенность приводит к тому, что в украинской правовой доктрине можно встретить случаи, когда к слову «источник» добавляют в скобках уточнение «форма» [2, с. 451] или, наоборот, к слову «форма» в скобках добавляют «источник» [3, с. 192]. Авторы таким образом подчеркивают генетическую и функциональную взаимосвязь этих понятий. Но при дальнейшем анализе возникает потребность в уточнении, в каком именно значении (материальном, идеологическом, формальном и др.).

Плюрализм правопонимания дает возможность исследовать разные стороны, проявления и характеристики источников права. Так, представители юридического позитивизма источником права считают закон. Представители социологической школы права считают, что совокупность юридических норм в обществе всегда отображает лишь какую-то часть права как определенного порядка общественных отношений, которые сложились, а следовательно источники права надо искать в самом обществе. Представители естественно-правовой доктрины считают, что природа вписывает в сознание людей их основные права и свободы (такие права и свободы получили название неотчуждаемых от человека, естественных).

Другие ученые понимают источники права как факторы, которые творят право, в частности это психические переживания личности.

Таким образом, можно увидеть, что в случае нормативного подхода, когда происходит отождествление права и закона, понятия источника и формы права совпадают, и это есть одна из главных причин отождествления отмеченных понятий. Употребление термина «источник права» в аспекте юридически формализованного выражения как документального носителя правовых норм позволяет отождествлять его с понятием «форма права». Для естественно-правовой концепции и социологического подхода к сущности права многозначность термина «источник права» – это и недостаток, и преимущество, которое дает возможность учесть неполное совпадение права и закона, несовершенство формы, ее отрыв от источников и сущности [4, с. 60]. Отмеченный подход позволяет выявить эволюцию категории «источник права», качественно новым этапом которой стало возникновение основных концепций (школ) права.

По нашему мнению, методологически значимым аспектом разграничения понятий источника и формы права является определение разграничения между понятиями «правовая категория» и «категория правая».

Юридические определения, или существенные признаки явления, как правило, получают свое формальное закрепление в правовом акте, т. е., объективируясь в праве, соответствующие понятия выходят за пределы представлений и получают общественно-юридическое значение. Такая объективация выступает как момент перехода правовых категорий в категории права и является основанием для выявления различия между ними, которое закрепляется в юридической науке четким разделением понятий на правовые категории и категории права. Разное сочетание двух слов передает определенно понятийное содержание. Правовые категории – это научные понятия, которые выступают в качестве инструмента научного мышления и служат отображению объективной сущности правовых явлений. Категории права являются компонентами правовой нормативной структуры, инструментом правового регулирования [4, с. 40–41].

Форма права раскрывается через систему официально установленных правовых актов, которые содержат нормативно выраженную государственную волю. Нормативные правовые акты, правовые прецеденты являются типичными видами форм права. Но система официально установленных форм права фиксирует и закрепляет лишь конечный результат, является итогом нормотворчества. Процесс же спонтанного

развития правотворчества более полно и всесторонне находит свое выражение в понятии «источник права». Если форма права показывает, как содержание права организовано и выражено внешне, то источник права указывает на истоки формирования права, систему факторов, которые определяют его содержание и формы выражения. Таким образом, источник права является правовой категорией, а форма права – категорией права.

Проведенный анализ категорий «источник» и «форма» права дает основания отметить их нетождественность. Действительно, все формы права являются источниками, но не каждый источник права приобретает качества официальной формы права. Для того чтобы источник права приобрел качества государственной обязательности и всеобщности, необходимо его официальное признание, т. е. санкционирование органами нормотворческой власти. Другими словами, источники права стремятся приобрести статус официальной формы права, но по объективным причинам (особенности правовой системы) они не всегда трансформируются в формально закрепленные носители правовой материи. Что же касается форм права, то они, будучи официальными способами и средствами возведения в закон государственной воли, всегда выделяют из себя правовую энергию и сначала формируются как источники правовых норм [5, с. 3].

Другими словами, понятие «форма права» используется для объективации разных явлений правовой действительности, которые связаны с внешним проявлением права. Правовая категория «источник права» используется для того, чтобы отобразить истинное знание о правовой сфере общественной жизни. Категория «форма права» выступает как образец, государственный масштаб поведения людей и оценки их поступков. Объективируясь в категориях права, знания фиксируются, т. е., включаясь в правовые акты, они перестают развиваться как знание. Таким образом, в формах права происходит своеобразная объективация правового знания об источниках права.

1. Кечежян С.Ф. О понятии источника права // Учен. зап. Моск. гос. ун-та. Вып. 116. Тр. юрид. фак. Кн. 2. М., 1946. С. 3–25.

2. Скакун О.Ф. Теорія держави і права (енциклопедичний курс) : підручник. Харків : Еспада, 2006. 776 с.

3. Теорія держави і права : підручник / С.Л. Лисенков [та інш.]. Київ : Юрінком Інтер, 2005. 448 с.

4. Пархоменко Н.М. Джерела права: проблеми теорії та методології : [монографія]. Київ : Юрид. думка, 2008. 336 с.

5. Вовченко Н.Н. Источники и формы права : учеб. пособие. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2004. 102 с.

ФОРМЫ (ИСТОЧНИКИ) ПРАВА КАК СРЕДСТВО ЕГО БЫТИЯ (СУЩЕСТВОВАНИЯ)

В юридической науке право обычно определяется как масштаб, мера свободы, равенства и справедливости во взаимоотношениях между людьми, ограниченная нормами, установленными либо санкционированными компетентными органами государства. Эти нормы права живут, существуют, материализуются в правосознании людей, их основанных на законности правовых формах деятельности (правотворческой, правоприменительной, правоохранительной, научной, образовательной, общественной), а также в правовых актах. Формы (источники) права – одно из средств (форм) бытия (существования) права.

В юриспруденции существуют различные подходы к определению форм (источников) права. Их рассматривают в широком смысле, когда выделяют материальные, исторические, идеологические источники права, и в узком, понимая под формой права способ закрепления нормы (в законе, договоре, прецеденте и т. п.).

Материальный источник права. Им часто называют общественные отношения, объективная потребность в регулировании которых возникает в жизни общества и должна быть осознана законодателем. Упрощенно – источником права являются конкретные отношения, которые приводят к созданию правовой нормы. Например, с развитием науки и техники появилась возможность добычи полезных ископаемых со дна моря. Необходимость регулирования общественных отношений по поводу эксплуатации континентального шельфа привела к заключению Женевской конвенции о континентальном шельфе 1958 г. и Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.

Представитель доктрины международного права профессор Я. Броунли, обобщив мнения видных ученых англосаксонской школы права, понимает под материальными источниками права конкретные индивидуализированные документы – конкретное решение суда, в котором нашли выражение норма права, конкретный закон и конкретный договор [1, р. 3–4]. Я. Броунли рассматривает источники права в материальном смысле как доказательства существования нормы права [1, р. 742]. Очевидно, что данный подход серьезно отличается от понимания источников права в отечественной доктрине.

Идеологический источник права. Нормы права возникают как следствие появления новых и изменения старых общественных правоотношений. Однако нормы не появляются сами. Важно осознание теми, кто инициирует создание норм права, необходимости закрепления правила поведения в качестве именно правовой нормы. Иными словами, необходимость создания нормы права должна отразиться в правосознании.

Исторический источник права. Исторические особенности развития общества оказывают сильное влияние на развитие систем права. Эти специфические характеристики также можно рассматривать в качестве источника права.

В теории права чаще оперируют понятием «форма (источник) права» в узком или формально-юридическом (формально-логическом, формальном) смысле. Это конкретные способы закрепления (выражения) и существования норм права. Различают следующие виды источников права: правовой обычай, правовой прецедент, нормативный правовой акт, правовая доктрина, нормативный договор, общие принципы права, односторонние юридические акты.

Правовой обычай – форма закрепления нормы права, сложившаяся в течение длительного времени вследствие имевшей место единообразной практики субъектов права. Обычай носит неписанный характер. В ст. 38 Статута Международного суда ООН определено, что международный обычай – это «доказательство всеобщей практики, признанной в качестве правовой нормы».

Выделяют два составных элемента обычая: единообразная практика и признание такой практики в качестве правовой нормы (*opinio juris*). От обычая следует отличать обыкновение. Оно представляет собой определенную практику поведения субъектов, за которой не признан юридически-обязательный характер. Обыкновениями, например, являются *comitas gentium* (международной вежливости), дипломатического протокола, морского церемониала и т. п.

Существуют примеры возникновения обычной нормы права и в отсутствие длительно применяющейся практики. Например, в 1957 г. первый в истории спутник вышел на околоземную орбиту и совершил несколько витков вокруг земли. Ни одно государство не высказало протеста в адрес СССР по поводу пролета спутника над их территориями в космическом пространстве. Таким образом появились обычные нормы, закрепившие свободу исследования космического пространства и запрет на передачу какой-либо его части под суверенитет государств.

В современных правовых системах обычай санкционируется, как правило, парламентом, в некоторых федеративных государствах – на уровне законодательных легислатур штатов (США).

Правовой прецедент – норма права (*ratio decidendi*), содержащаяся в судебном решении и юридически обязательная впоследствии при рассмотрении аналогичных дел. Правовой прецедент широко применяется в странах англосаксонской правовой семьи, составляя существенную часть всей нормативной базы. Совокупность прецедентов сведена в *case law* (прецедентное право). Прецедент обязателен для судов той же инстанции, что и закрепивший прецедент, а также для нижестоящих инстанций.

Правовые прецеденты создаются только высшими верховными судами в пределах их компетенции. В некоторых странах прецедент длительное время считался строго обязательным для всех судов (Англия), в других допускалось отступление при изменившихся обстоятельствах (США), в третьих прецеденты стали использоваться в качестве убеждающего фактора в дополнение к основному источнику права (страны Содружества).

В современных условиях прецедент начинает занимать важное место в иных системах права. В настоящее время в Республике Беларусь в качестве источника права признаны, например, постановления пленумов Верховного и Конституционного суда [2].

Правовая доктрина – труды видных ученых в области права. Несмотря на то, что доктрина имеет большое значение для развития правовой науки, она редко рассматривается как источник права. В качестве примера особого значения доктрины можно привести ст. 38 Статута Международного суда ООН, в которой доктрина рассматривается как вспомогательный источник права, применяемый судом для разрешения споров. Часто доктрина используется для определения наличия и уяснения содержания обычной нормы права.

Особое значение доктрина правоведов-богословов имеет в исламских государствах. Судьи-практики при разрешении конкретных дел ссылаются непосредственно не на Коран, который считается главным законом страны (т. е. Конституцией), а на толкование Корана, данное юристами-богословами.

Нормативный договор – акт волеизъявления участников общественных отношений, содержащий правовые нормы. От нормативного правового акта нормативный договор отличается тем, что последний заключается сторонами, не находящимися в подчинении по отношению друг к другу. Основанием создания нормативного договора является согласованная воля сторон, их желание создать новую норму права. Стороны выступают как юридически равные субъекты. В качестве примеров нормативного договора можно привести генеральное соглашение, заключаемое правительством, нанимателями и профсоюзами, а также все международные межгосударственные договоры.

Венская конвенция о праве международных договоров 1969 г. в ст. 2 дает следующее определение международного межгосударственного договора: «Договор означает соглашение, заключенное между государствами в письменной форме и регулируемое международным правом, независимо от того, содержится ли такое соглашение в одном документе, в двух или нескольких связанных между собой документах, а также независимо от его конкретного наименования» [3, с. 190–215]. Хотя конвенция подчеркивает необходимость придания международному договору письменной формы, на практике встречается неписанный договор. В международном праве его именуют «джентльменское соглашение».

В Республике Беларусь нормативным признается коллективный договор, заключенный между нанимателем, наемным работником и профсоюзом.

Общие принципы права – правовые универсальные императивные нормы, выражающие основное содержание и направленность системы права. Они применяются практически во всех правовых системах. При отсутствии в законе конкретного юридического предписания, а также правового обычая или прецедента судьи часто ссылаются на общеправовые принципы. Например, в мусульманских правовых системах в случае обнаружения пробела в законодательстве дело разрешается в соответствии с принципами шариата. Статья 38 Статута Международного суда ООН в качестве источника международного права, применяемого судом, называет общие принципы права. К общим принципам права относятся следующие: никто не может быть судьей в своем деле; последующий закон отменяет предыдущий; закон, устанавливающий ответственность, обратной силы не имеет; равный над равным власти не имеет и др.

Односторонние юридические акты – важный источник международного права, включающий односторонние юридические акты государств: акт обязательства, акт признания и акт протеста [4, с. 24–27].

Акт обязательства – одностороннее заявление субъекта международного права о том, что он берет на себя определенное обязательство, ранее не предусмотренное действующими международно-правовыми предписаниями, адресованное всем другим субъектам. Признание акта обязательства государствами-адресатами порождает для них корреспондирующие этому обязательству субъективные права.

Акт признания – акт (действие или бездействие) государства, посредством которого оно признает правомерной юридически значимую ситуацию, созданную действиями другого субъекта права. Признание может быть явно выраженным посредством акта компетентного органа

или вытекать из его молчания. Отсутствие протеста государства против созданной другим государством юридически значимой ситуации в разумный срок рассматривается как признание такой ситуации.

Акт протеста – заявление государства об отказе признать правомерной юридически значимую ситуацию, созданную поведением другого субъекта права. Протест должен быть явно выражен и доведен до сведения государств, которым он адресован. В зависимости от особенностей развития общества, системы права одни акты протеста могут играть более важную роль, чем другие.

Нормативный правовой акт – письменный документ, устанавливающий норму права, вводящий ее в действие и адресованный субъектам права. Данное определение является общенаучным. В Республике Беларусь действует закон «О нормативных правовых актах», который определяет нормативный правовой акт как «официальный документ установленной формы, принятый (изданный) в пределах компетенции уполномоченного государственного органа (должностного лица) или путем референдума с соблюдением установленной законодательством Республики Беларусь процедуры, содержащий общеобязательные правила поведения, рассчитанные на неопределенный круг лиц и неоднократное применение» (ст. 1).

Нормативные правовые акты следует отличать от актов применения права. Акт применения права – официальное индивидуально-правовое предписание в отношении конкретного обстоятельства и персонально определенного лица.

Среди нормативных правовых актов особое значение имеет закон. Термин «закон» применяется в юридической науке в широком смысле – как совокупность источников права, действующих в стране, и в узком смысле – как нормативный правовой акт, принятый в особом порядке высшим представительным органом государства или референдумом, регулирующий наиболее важные общественные отношения и обладающий наивысшей юридической силой.

Понятие закона в зарубежных странах иное. В семье общего права законом признается письменный документ, содержащие нормы права, принятый парламентом и одобренный судьями. В юридической практике, например в Англии, принято при разрешении судебных дел ссылаться непосредственно не на акты парламента, а на решения судей, содержащие ссылки на эти акты.

Подзаконные акты должны приниматься в соответствии с законом. В случае противоречия закона и подзаконного акта действует закон.

Подзаконные акты издаются главой государства и главой правительства, правительством, министерствами и ведомствами, другими орга-

нами государственного управления (Верховный суд, Конституционный суд и т. п.), местными органами власти. К подзаконным относят локальные нормативные акты.

В Республике Беларусь декреты и указы, издаваемые Президентом, имеют юридическую силу закона и могут быть условно отнесены к подзаконным нормативным правовым актам.

Таким образом, различают понятие «источник (форма) права» в широком и узком смысле. В широком (материальном) смысле источник права – общественные отношения, ставшие причиной возникновения нормы; в узком (формальном) – конкретный способ закрепления нормы права. В Республике Беларусь как в романо-германской правовой семье закон среди источников права обладает наивысший юридической силой, в семье общего права он должен быть признан еще и судьями, в мусульманских государствах законы, принятые парламентом, носят регламентированный характер, они не должны противоречить Корану.

1. Brownlie I. Principles of Public International Law. 6-th ed. New York, 2003.

2. О нормативных правовых актах Республики Беларусь : закон Респ. Беларусь, 10 янв. 2000 г., № 361-З [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Действующее международное право. Документы : учеб. пособие : в 2 т. Т. 1. Венская конвенция о праве международных договоров 1969 г. М., 2002.

4. Ушаков Н.А. Международное право : учебник. М., 2003.

УДК 340.1

Н.А. Горбаток

О СООТНОШЕНИИ ИСТОЧНИКОВ НОРМАТИВНОГО И ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

В соответствии с универсальным законом всеобщего, особенного и единичного в юридической литературе разработаны понятия нормативного и индивидуального правового регулирования [1, с. 49–51; 2, с. 345–347; 3].

Правовое регулирование как процесс осуществления при помощи всей совокупности юридических средств правового воздействия на общественные отношения в целях их упорядочения и совершенствования рассматривается в теории права в двух аспектах. С одной стороны, это процесс правовой регламентации общественных отношений на основе юридических норм, т. е. установления общеобязательных правил пове-

дения социальных субъектов в типичных жизненных ситуациях. Такая регламентация, как известно, осуществляется в процессе формирования права (правообразования), который завершается правотворческой деятельностью. В ходе этой деятельности компетентные органы государства от имени общества устанавливают, изменяют и отменяют нормы позитивного права, обеспечивая тем самым его функционирование и динамичное развитие как единой внутренне согласованной системы. Это чрезвычайно важная многогранная деятельность, в результате которой право приобретает внешние формы своего выражения и объективного существования. К таким формам, получившим наибольшее распространение, относятся нормативные правовые акты, юридические прецеденты, нормативные договоры, правовые обычаи и ряд других. В национальной правовой системе Республики Беларусь доминирующей формой права является нормативный правовой акт. Используются также, хотя и в значительно меньшей степени, нормативные договоры и правовые обычаи.

В правовой доктрине формы выражения права получили название его источников. Как пишет С.С. Алексеев, созданные, объективированные в документальном виде акты правотворчества являются юридическим источником соответствующих юридических норм и одновременно формами их юридически официального бытия, существования [1, с. 314].

Правовое регулирование общественных отношений при помощи юридических норм, содержащихся в названных и иных источниках, именуется в теории права нормативным регулированием. Иногда его называют общим правовым регулированием. Оно относится к первоначальному этапу регулирования, имеет общий характер, распространяется на общественные отношения определенного рода или вида [2, с. 345]. Акты нормативного значения принимаются в особом порядке, содержат общеобязательные правила поведения, адресованные персонально не определенным субъектам, и действуют постоянно, до их официальной отмены. Им присущи нормативность, системность, иерархичность.

Таким образом, нормативное регулирование – это упорядочение общественных отношений при помощи общеобязательных юридических норм, правил, эталонов поведения, содержащихся в правовых актах, рассчитанных на многократное применение при наличии предусмотренных ими условий, обстоятельств. При помощи нормативного регулирования общественным отношениям придаются устойчивость, определенность, упорядоченность и независимость от простого случая или произвола.

Вместе с тем правовое регулирование не исчерпывается нормативным регулированием, несмотря на его важность. Правовые нормы как

правила общего характера рассчитаны на упорядочение поведения социальных субъектов в типичных ситуациях, не в состоянии охватить всего многообразия жизненных фактов, учесть все особенности ситуаций, возникающих при разрешении многообразных юридических дел. Учитывая это, законодатель стремится гибко формулировать юридические нормы, допуская возможность действовать субъектам права в известных пределах самостоятельно, конкретизировать содержание нормативной модели применительно к особенностям возникшего дела. Это позволяет его участникам, образно говоря, дорегулировать соответствующие отношения на индивидуальном уровне. В этих целях законодатель в определенных случаях устанавливает порядок, в соответствии с которым к правовому регулированию уже не на общем (абстрактном) уровне, а на уровне конкретных жизненных процессов подключаются органы государства или же по его уполномочию негосударственные организации. И тогда адресаты правовых норм могут осуществлять свои права и обязанности только при участии этих органов, т. е. на основе применения как особой формы реализации права.

В рамках правоприменения его участники имеют достаточно широкий простор для решения юридических дел на основе собственной оценки их конкретных обстоятельств. Правоприменитель действует самостоятельно в случаях, когда законодатель допускает исключения из общего правила, дает незакрытый перечень обстоятельств, влияющих на ход дела и принятие решений, устанавливает возможность альтернативного решения с учетом фактических обстоятельств и др. Нередко в нормах права прямо допускается возможность усмотрения субъектов, рассматривающих дело. Они самостоятельно учитывают фактические обстоятельства в ходе рассмотрения дел на основе аналогии права. В многочисленных актах правоприменения (приказах, распоряжениях, решениях, поручениях, постановлениях, определениях, приговорах и т. п.) содержатся юридические предписания, касающиеся единичных фактов социальной жизни и обладающие качествами персональной конкретности. Они относятся к числу ненормативных, индивидуальных юридических средств, обладающих индивидуально-регулятивными свойствами [3, с. 131, 134].

Еще больший простор для конкретизации правовых норм и регулирования общественных отношений на индивидуальном уровне предоставляет законодатель субъектам права в случаях реализации ими нормативных установлений на основе индивидуально-договорных отношений, т. е. тогда, когда используется преимущественно диспозитивный метод регулирования и осуществления прав и обязанностей конкретных

субъектов, происходит это на основе такой формы реализации права, как использование. Законодатель допускает здесь возможность самим субъектам реализации правовых норм в рамках договорных отношений определять соответствующий объем взаимных прав и обязанностей, устанавливать сроки действия договора, ответственность сторон и т. п. Договор становится средством индивидуальной регламентации отношений конкретных субъектов на основе общей нормы. В приведенных случаях индивидуализация общенормативных установлений конкретизируется посредством договоров, соглашений, односторонних гражданско-правовых сделок.

Указанные акты, как и акты применения права, представляют собой юридическую форму, в которой опосредуется волеизъявление субъектов, обладающее регулятивными свойствами, поскольку оно находит свое отражение в индивидуальных запретах, дозволениях, позитивных обязываниях, мерах воздействия, поощрения и т. п. Такие акты и служат источниками регулятивного воздействия права на индивидуальном уровне. Индивидуально-правовое регулирование осуществляется только в рамках правоотношений, юридическое содержание которых неполно, недостаточно или вовсе не определено на нормативном уровне и нуждается в индивидуальной регламентации. Таким образом, речь идет о индивидуально-правоприменительном регулировании уполномоченными на то субъектами и об автономном индивидуально-договорном регулировании. В тех же случаях, когда субъекты права осуществляют, реализуют правовые нормы, не вступая в юридические взаимоотношения с другими лицами, т. е. вне правоотношений (например, соблюдают запреты), имеет место непосредственная реализация права на основе саморегулирования.

Основное назначение и важнейшая функция индивидуального регулирования как элемента механизма правового регулирования состоит в приведении в движение норм объективного права, переводе нормативных правовых положений из сферы должного, из статического положения в динамическое, в сферу сущего, в правоотношения.

В процессе индивидуального регулирования субъекты, осуществляющие эту деятельность на основе анализа и оценки фактических обстоятельств дела, их сопоставления с нормативной основой, отыскивают такие юридические средства, которые с точки зрения их опыта, познания специфики права как универсальной регулятивной системы адекватно отражают содержание соответствующих правовых норм и максимально учитывают юридически значимые аспекты конкретного случая, все особенности и интересы участвующих в нем лиц. По это-

му поводу Р. Иеринг писал, что судья при рассмотрении конкретного дела руководствуется законом, однако было бы ошибочно думать, что закон дает судье «детальные определения на каждый отдельный случай, шаблоны, избавляющие, будто бы от всякого труда; закон не может заменить голову судьи...» [4, с. 88].

Индивидуальное правовое регулирование является одним из эффективных юридических механизмов упорядочения общественных отношений с помощью правовых средств, не обладающих качествами общезначимости. Это подтвердила практика правовореализации на основе правоприменения, признания в науке особого правоприменительного регулирования, имеющего строгую индивидуальную направленность. В юридической науке уже давно показаны индивидуально регулирующие свойства и ненормативных договоров и соглашений. В теории права такого рода регулирование получило название автономного.

Многие аспекты правового регулирования общественных отношений на индивидуальном уровне еще недостаточно разработаны в юридической науке постсоветских государств. Пока нет единства во взглядах ученых на понятия содержания и формы этого явления. Наблюдаются неодинаковые подходы к обоснованию юридических средств ненормативного регулирования, по-разному определяется субъектный состав и объем этого вида юридической деятельности и др.

По указанным причинам не всегда четко проводится грань между нормативным и индивидуальным регулированием. Источники индивидуального регулирования отождествляются с источниками (формами) права. В ряду таких примеров можно назвать интерпретацию в некоторых публикациях содержания ст. 7 Трудового кодекса Республики Беларусь, в которой законодатель применил понятие «источники регулирования трудовых и связанных с ними отношений». В ч. 4 этой статьи таким источником назван трудовой договор. Некоторые авторы отнесли трудовой договор к особым источникам трудового права, но при этом правильно указали на его персонифицированный характер [5, с. 4; 6, с. 41]. Недоразумение вызвано тем, что законодатель применил здесь понятие «источник регулирования», которое охватывает источники и нормативного, и индивидуального регулирования и является более широким по сравнению с понятием «источник права». Трудовой договор представляет собой правовой акт, в котором в соответствии с нормами Трудового кодекса между сторонами (нанимателем и работником) определяются совершенно конкретные права и обязанности, и естественно он не имеет нормативного значения, а является актом индивидуального характера.

В рамках проблемы индивидуального правового регулирования возникает немало вопросов, касающихся и толкования правовых норм. Индивидуальное правовое регулирование связано в первую очередь с казуальным толкованием, которое вызвано необходимостью уточнения сути юридических норм применительно к конкретному юридическому делу, случаю (казусу). Его задача и стоит в индивидуализации нормативного предписания. Результат такого толкования обычно содержится в материалах правоприменительного дела. Оно может исходить и от органов, рассматривающих дела в надзорном и кассационном порядке. По своей природе казуальное толкование, по мнению большинства ученых, является юридически обязательным лишь в отношении рассматриваемого дела, его участников. А решение, в котором оно содержится, является источником индивидуального регулирования. Между тем в юридической литературе высказываются суждения относительно нормативного значения казуального толкования. Иногда указывается, что решения по конкретным делам, принятые вышестоящими судами, порождают юридическую обязанность нижестоящих судов (и самого суда, вынесшего решение) руководствоваться этим решением при рассмотрении аналогичных дел. Иными словами, индивидуальным актам придается нормативное значение. При этом подчеркивается, что такие решения приобретают прецедентный характер.

С нашей точки зрения, правоприменительные решения, содержащие казуальные толкования, не должны выходить за рамки толкуемой нормы и не могут порождать юридической обязанности, например нижестоящих судов, руководствоваться ими при рассмотрении сходных дел. Разумеется, это совсем не исключает возможности того, что суд может (но не обязан) учесть такое толкование, рассматривая аналогичное дело, если оно действительно помогает избежать ошибки. Но это всецело зависит от особенностей рассматриваемого случая, хотя по внешним признакам и являющегося типичным. Ведь нередко в конкретных делах, внешне относящихся к сходным, например о наследовании, встречаются такие особенности, такие обстоятельства, которые исключают возможность использования казуального толкования соответствующей нормы, данного вышестоящим судом.

Некоторые авторы казуальное толкование правовых норм называют прецедентом толкования и вкладывают в это понятие элемент общеобязательности.

Следует, однако, напомнить, что это понятие, введение в научный оборот которого приписывается А.Б. Венгерову, означает образец, пример разъяснения содержания юридической нормы [1, с. 353]. Иными

словами, казуальное толкование следует рассматривать как средство, как источник индивидуального, а не нормативного регулирования. Его использование в правоприменительной деятельности связывают не с официально-юридической обязательностью, а с авторитетностью, аргументированностью и относимостью к определенным делам. В контексте затронутой проблемы возникает вопрос и о юридической природе постановлений пленумов Верховного суда и Высшего хозяйственного суда Республики Беларусь. В соответствии с законом от 10 января 2000 г. № 361-З «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» (ст. 2) они отнесены к числу нормативных правовых актов. Однако в научных публикациях им даются весьма неоднозначные оценки, поскольку и с точки зрения процедуры принятия, и содержательно постановления по ряду параметров не соответствуют стандартам, предусмотренным в законодательстве относительно нормативных правовых актов в общепринятом их понимании. Неопределенность связана и с тем, что в ст. 51 Кодекса Республики Беларусь о судостроительстве и статусе судей определяется, что пленум Верховного суда на основании рассмотрения и обобщения судебной практики дает в порядке судебного толкования общим судам разъяснения по вопросам применения законодательства. В данном случае постановление пленума Верховного суда сохраняют характер актов официального (легального) нормативного толкования.

Некоторые авторы в постановлениях пленумов названных высших судебных инстанций ищут признаки судебного прецедента [7, 8], полагая, что сам факт «переодевания» этих актов в прецеденты принесет большую пользу. Однако в научных публикациях большинства белорусских и российских ученых, затрагивающих этот вопрос, аргументировано показывается безосновательность признания указанных актов прецедентами в традиционном их понимании. К тому же высказываются обоснованные опасения о превышении отрицательных, а не положительных последствий введения прецедента в национальную правовую систему в качестве источника права. Более того, в юридической литературе отмечается, что в последние годы в странах общего права большинство отношений регулируется на основе статутного права. Так, И.Ю. Богдановская пишет: «В результате укрепления положения статутного права все большее число судебных дел рассматривается не на основе прецедентов, а на основе закона... Это свидетельствует о том, что в настоящее время в странах „общего права“ судьи в основном занимаются толкованием статутов, и их деятельность, таким образом, связана с правоприменением. Судебное прочтение статута становится, в свою очередь, прецедентом, только так называемым прецедентом толкования» [9].

В сложившейся ситуации было бы правильным пока не отказываться от института руководящих разъяснений высших органов судебной власти, даваемых в рамках закона. Сам факт отнесения постановлений пленумов Верховного суда и Высшего хозяйственного суда к числу нормативных правовых актов в сущности не меняет их интерпретационного характера. Исключение же их из числа источников права (хотя и вторичных, вспомогательных, как их называют) повлечет необходимость серьезных изменений в нашем законодательстве, что требует времени. Однако постепенно следует все же центр корректировки погрешностей законодательства перемещать в сферу аутентического толкования. Одновременно следовало бы вырабатывать механизм ускоренного правотворчества в случаях, когда обнаруживаются чрезмерные слабости модели регулирования, созданной правотворческим органом, которые невозможно преодолеть посредством применения аналогии или корректировки на основе толкования, и во избежание подмены законодателя, к примеру судом. Что касается судебной власти, то ее значение следует усилить в сфере правоприменения.

Иными словами, необходимо усилить значение решений высших судебных органов по конкретным делам. Эти акты все же имеют определенные преимущества по отношению к руководящим разъяснениям. Если в разъяснениях даются готовые предписания общего характера, то в процессе решения конкретного дела суд дает мотивировку соответствующих выводов, а правовой вопрос решается не в абстрактном виде, а на основе конкретных обстоятельств дела. В этом можно убедиться в процессе ознакомления с содержанием многих определений и постановлений высших судебных органов, принятых в кассационном и надзорном порядке. Это и есть часть той судебной практики, которую можно назвать драгоценным судебным опытом, авторитетным примером, которым должны руководствоваться судьи не в силу его юридической общеобязательности, а в силу непрекращаемой и исключительной убедительности.

Являясь источниками индивидуально-правового регулирования, судебные решения по конкретным делам играют исключительно важную роль в механизме правового регулирования. В этой связи судебная практика высших судебных органов должна своевременно доводиться до сведения не только нижестоящих судов, но и других правоприменительных органов и граждан.

Таким образом, на уровне общерегулятивного действия права источниками правового регулирования являются акты правотворческих органов, содержащие общеобязательные правила (нормы), адресованные персонально не определенным субъектам, в то время как на индивидуальном уровне такими источниками выступают индивидуальные акты,

принимаемые на основе общих норм, в предписаниях которых проявляется воля непосредственных субъектов правореализации, отражающаяся в индивидуальных дозволениях, запретах, обязываниях, поощрениях, мерах ответственности и т. п. Выявление соотношения и взаимосвязи источников нормативного и индивидуального регулирования способствует оптимизации процессов результативной правовой деятельности, составляющей содержание правового регулирования общественных отношений на различных этапах его механизма.

1. Алексеев С.С. Общая теория права : в 2 т. М., 1981–1982. Т. 1.
2. Черданцев А.Ф. Теория государства и права. М., 1999.
3. Краснояружский С.Г. Индивидуальное правовое регулирование // Государство и право. 1993. № 7. С. 127–135.
4. Иеринг Р. Борьба за право. СПб., 1895.
5. Трудовой кодекс Республики Беларусь с обзором изменений, внесенных законом Республики Беларусь от 20 июля 2007 г. Минск : Амалфея, 2007.
6. Комментарий к Трудовому кодексу Республики Беларусь. Минск : Амалфея, 2008.
7. Панин О.И. Несколько аргументов за признание судебной практики (прецедентов) источником права в Республике Беларусь // Конституционный процесс и развитие политической системы общества : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 17–18 окт. 2002 г.). Минск : БГУ, 2002.
8. Иванова Т.В., Дубовицкий В.Н. Судебная практика как источник права в Республике Беларусь // Вестн. ГрГУ. 2009. № 4 (20). С. 14.
9. Богдановская И.Ю. Судебный прецедент – источник права? // Государство и право. 2002. № 12. С. 8–10.

УДК 340.12

А.А. Козел

СПРАВЕДЛИВОСТЬ КАК ИДЕЙНО-СМЫСЛОВОЙ ИСТОЧНИК И СУЩНОСТЬ ПРАВА

В современных условиях социальной динамики насущной задачей в Республике Беларусь является продолжение гуманизации всей системы общественных отношений и социальных институтов. В русле решения данной задачи и в силу особого положения, которое занимает институт права в социуме, в юридической науке актуализируются вопросы о сущности, назначении и источниках права.

Вместе с тем в правоведении за всю его историю не выработаны общие подходы к пониманию права, что и неудивительно исходя как из специфики социально-гуманитарного знания, так и специфики культурно-цивилизационных особенностей современных правовых систем.

Несмотря на то, что понятие «источник права» введено еще в Древнем Риме, нет определенности в юридической литературе и относительно этого термина, хотя данная проблематика является перманентной в исследовательском поле правоведения.

Проблема источников права подробно исследовалась в русской до-революционной юриспруденции И.В. Михайловским, Г.Ф. Шершеневичем, в советском правоведении А.А. Алексеевым, С.Л. Зивсом С.Ф. Кекечьяном, Д.А. Керимовым, А.В. Мицкевичем, В.С. Нерсисянцем, В.М. Сырых, А.Ф. Шебановым. Из новых исследований заслуживает внимания изданный в 2005 г. фундаментальный труд М.Н. Марченко «Источники права».

И.В. Михайловский определяет источники права, как факторы, творящие право. Он отмечает, что в качестве правотворящих факторов (источников права) правоведы полагают объективные условия данной среды, высший этический закон, психические переживания личности, а также те формы (обычай, закон и т. д.), в которых закрепляется содержание, подчеркивая, что все эти ученые утверждают истину: «Каждое из указанных ими начал представляет собой один из источников права, каждое есть один из правотворящих факторов» [7, с. 237]. Он подразделяет факторы, творящие право, на две группы: материальные источники – творящие содержание права, и формальные – сообщающие этому содержанию обязательный характер [7, с. 238].

Г.Ф. Шершеневич также указывает, что под источником права понимаются силы, творящие право: воля Бога, народная воля, правосознание, идея справедливости, государственная власть [13, с. 5].

Советская правовая наука значительно сузила понятие источника права, сведя его к форме права. Например, такой точки зрения придерживается А.Ф. Шебанов [12, с. 41]. В этой связи С.Л. Зивс полагает, что внешнюю форму выражения права и называют источником права [5, с. 8]. Он справедливо указывает, что термин «форма права» нужно понимать более точно – только как внешнюю форму выражения права. В этой связи у термина «источник права» есть преимущество – это термин условный, он не может претендовать на предельную точность, но является удобным в употреблении [5, с. 21].

М.Н. Марченко, хотя и сопровождает термин «источник права» словом «форма», заключенным в скобки, предлагает выделять первичные (материальные, социальные) и вторичные (формально-юридические) источники права. Кроме того, он пишет об источниках права в философском смысле, имея в виду современные политико-правовые идеологии – либерализм, консерватизм, социализм и т. д. [6, с. 53].

Заслуживает внимания подход к классификации источников права В.С. Нерсисянца, который под материальным источником права понимает причины образования права, «т. е. все то, что согласно соответствующему подходу порождает (формулирует) позитивное право, – те или иные материальные или духовные факторы общественного отношения, природа человека, природа вещей, божественный и человеческий разум, воля Бога или законодателя». Перечисляя источники (формы) позитивного права, он указывает на юридическую доктрину и естественное право [8, с. 400].

А.Ф. Вишневский, В.А. Кучинский, Н.А. Горбаток полагают, что к источникам права можно отнести и принципы права (добросовестности, разумности, справедливости, равенства) [2, с. 294]. Зарубежные исследователи, придерживаясь такой же точки зрения, считают справедливость конституционным принципом права и его духовной моделью [3, с. 94–95].

На наш взгляд, наиболее полное и развернутое определение источников права дается в юридической энциклопедии под редакцией М.Ю. Тихомирова, где источники права – это условный юридический термин, служащий для обозначения тех форм, в которых находят выражение и закрепляются нормы, а также объективных факторов правообразования, правовых идей, принципов, концепций. Там же перечислены виды источников права – нормативные правовые акты, правовые обычаи, судебные процедуры, международные договоры, религиозные тексты, общеправовые принципы, доктринальные тексты [10, с. 635].

Итак, большинство правоведов наряду с формальными источниками права (законодательными актами), на наш взгляд, удачнее было бы обозначить их как формализованные, указывают и материальные, под которыми в правоведении понимается как социально-экономическая, так и духовная (идейно-смысловая) детерминированность права.

Такой подход к экзегетике источников права позволяет, на наш взгляд, найти методологическо-мировоззренческий ключ и к пониманию сущности права, и к обоснованию наличности различных типов правопонимания, и к преодолению господствующего в отечественной правовой науке позитивистского типа правопонимания.

Как было показано выше, в правоведении сформировалась устойчивая точка зрения, что духовным источником, принципом (от лат. *prīncipium* – начало, основа) права выступает идея справедливости.

По нашему убеждению, включение справедливости в качестве идейно-смыслового источника и сущности права имеет глубокие исторические и теоретические основания. Само право (лат. *ius*) происходит

от справедливости (лат. *iustitia*). В этой связи справедливость исторически и логически является универсальной юридической категорией.

Согласившись, что право есть справедливость, мы должны и ответить на вопрос «что есть справедливость в праве и каково ее содержание?» В древние времена справедливость понималась как универсальный принцип и закон мироздания, в соответствии с которыми функционирует природный и социальный мир. Аристотель утверждал, что право есть политическая справедливость, полагая, что она возможна только в условиях государственной формы жизни общества. В Древнем Риме справедливое справедливо потому, что оно право. В эпоху Средневековья справедливость выражала неизменную божественную волю. Начиная с Нового времени справедливость – это формальное равенство всех перед законом. В марксистском общественном знании справедливость начинает рассматриваться не как базисный структурный элемент права, а как социально-политическая категория, характеризующая отношение классов к средствам производства и способы распределения материальных благ. В современной западной политико-правовой мысли наряду с формально-правовым пониманием справедливости соседствует и социальное, наполненное этическим содержанием. Известный на Западе исследователь Дж. Ролз формулирует два исходных содержательных принципа справедливости. Первый принцип состоит в том, что каждый человек должен иметь равные права в отношении наиболее обширной схемы равных основных свобод, совместимых с подобными схемами свобод для других. Второй принцип заключается в том, что социальные и экономические неравенства должны быть устроены так, чтобы от них можно было бы разумно ожидать преимуществ для всех.

Понятие «справедливость», как полагал Г.Д. Гурвич, используется в юриспруденции в двух значениях: 1) как «последовательное осуществление действующего права» и борьба против всякого произвольного нарушения права; 2) как идеальный элемент всякого права, «идея, которой служат» [4, с. 284].

Настоящее призвание идеи справедливости состоит в том, чтобы служить сущностной основой любого общего определения права [4, с. 293]. Поэтому право по Г.Д. Гурвичу – это попытка осуществить в данных социальных условиях идею справедливости с помощью юридических процедур.

Кроме того, идея справедливости играет исключительную роль принципа понимания действующего позитивного права.

Б.Н. Чичерин полагает, что для положительного права (в нашем смысле форм выражения права) «требуется общее разумное начало, ко-

торое могло бы служить руководством как в установлении закона, так и в его приложении» [11, с. 87]. Этим началом в праве должны быть правда и справедливость. Он подчеркивает, что право одного корня с правдой, причем правда первична. Справедливым Б.Н. Чичерин полагает то, что одинаково прилагается ко всем (справедливость уравнивающая). Правда состоит и в том, чтобы каждому воздать свое. Отсюда вытекает принцип равенства всех перед законом.

Итак, в юриспруденции с начала ее конституирования и до наших дней утверждается, что справедливость выступает как в качестве особого духовного (идейного) фактора (источника) права, так и сущностного самого права.

Н.Н. Алексеев справедливость назвал основной правовой ценностью. Исходя из формулы Дигест «справедливость есть неизменная и постоянная склонность к воздаянию права всякому», он определял справедливость «как некоторый порядок отношений, в котором каждому члену принадлежит свое место и каждому причитается то, что ему принадлежит» [1, с. 119].

На юридическую способность идеи справедливости воплощать в себя всеобщую правильность, начало и существо права обращают внимание и другие авторитетные правоведы [9, с. 33]. В отечественном законодательстве идея справедливости находит отражение в Уголовном кодексе Республики Беларусь, в котором в качестве одного из принципов уголовной ответственности указывается принцип справедливости (ст. 3). Пункт 6 ст. 3 раскрывает справедливость уголовного наказания как учет характера и степени общественной опасности преступления, обстоятельств его совершения и личности виновного. Кроме того, справедливость может закрепляться в равенстве между участниками общественных отношений, путем установления определенного соотношения между правом и обязанностями, путем индивидуализации наказания.

Без ориентации на справедливость законодательного акта, решения судьи, прокурора, работника органов внутренних дел у граждан будет формироваться негативное мнение о праве как социальном институте и снижаться его престиж.

Итак, справедливость является универсальной правовой категорией. Рассмотрение ее в качестве идейно-смыслового источника и сущности права с теоретической стороны позволяет дать интегративное толкование права как осуществления справедливости с помощью закона, а с практической нацеливает законодателя на всесторонний учет справедливости как смыслового ядра законодательного акта, правоприменителя и правоохранителя – на юридическую обоснованность и законность их действий.

1. Алексеев Н.Н. Философия права. СПб. : Лань, 1999. 251 с.
2. Вишневский А.Ф., Горбатов Н.А., Кучинский В.А. Общая теория государства и права : учебник. Минск : Интегралполиграф, 2009. 552 с.
3. Гринберг Л.Г., Иванов И.А. Критика современных буржуазных концепций справедливости. Ленинград : Наука, 1977. 171 с.
4. Гурвич Г.Д. Философия и социология права. Избранные сочинения / пер. М.В. Антонова, Л.В. Ворониной. СПб. : С.-Петербург. ун-т, 2004. 848 с.
5. Зивс Л.С. Источники права. М : Наука, 1981. 231 с.
6. Марченко М.Н. Источник права : учеб. пособие. М. : Велби : Проспект, 2005. 760 с.
7. Михайловский И.В. Очерки философии права. В 2 т. Т. 1. Томск : Изд. кн. магазина В.М. Посохина, 1914. 604 с.
8. Нерсесянц В.С. Общая теория государства и права : учебник. М. : Норма : Инфра-М, 2010. 560 с.
9. Нерсесянц В.С. Философия права : учеб. для вузов по юрид. специальностям. М. : Норма : Инфра-М, 2000. 205 с.
10. Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю. Юридическая энциклопедия. 5-е изд., доп. и перераб. / под ред. М.Ю. Тихомирова. М., 2001. 972 с.
11. Чичерин Б.Н. Философия права. М. : Юрид. лит., 1968. 205 с.
12. Шебанов А.Ф. Форма советского права. М. : Юрид. лит., 1968. 205 с.
13. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права : учеб. пособие. Т. 2. М., 1995. 805 с.

УДК 348

А.Ф. Вішнеўскі

ДА ПРАБЛЕМЫ ЭВАЛЮЦЫІ КРЫНІЦ МУСУЛЬМАНСКАГА ПРАВА

Характэрнай прыкметай рэлігійнай прававой сям’і з’яўляецца тое, што яна з структурнага пункту гледжання прадстаўлена не асобнымі прававымі сістэмамі, а іх ярка выражанымі самабытнымі групамі. Прычына гэтага – у рэгіянальным уздзеянні на прававую сям’ю гістарычных тыпаў рэлігіі. Таму і іслам, і канфуцыянства, і ўсякі іншы від рэлігійна-філасофскага светапогляду выходзяць за дзяржаўныя межы, а значыць і фарміраванне нацыянальных прававых сістэм ішло на падставе агульнага для цэлага рэгіёна рэлігійнага вучэння, якое становілася асновай адпаведнага тыпу права, у прыватнасці і мусульманскага.

Нягледзячы на тое, што іслам самая маладая сярод трох сусветных рэлігій, мусульмане складаюць большасць насельніцтва ў 51 краіне, а ў 28 з іх іслам лічыцца дзяржаўнай рэлігіяй.

На сённяшні дзень у свеце налічваецца 1 млрд 120 млн мусульман. Яны жывуць на розных кантынентах. Каля 18 % іх пражывае ў арабскім свеце. Самая буйная мусульманская абшчына знаходзіцца ў Інданезіі. Значная частка Азіі і большая частка Афрыкі таксама з’яўляюцца

мусульманскімі. Згодна з апошнімі статыстычнымі дадзенымі у краінах СНД да іслама можна аднесці каля 54 млн чалавек. У Беларусі жывуць каля 100 тыс. мусульман, створана 25 мусульманскіх абшчын [1, с. 6]. У гэтым кантэксце мэтазгодна адзначыць, што прасторавае дзеянне мусульманскага права не ідэнтычна геаграфічным межам краін з мусульманскім насельніцтвам. Справа ў тым, што існуюць нацыі і этнічныя групы, якія прызнаюць іслам у якасці рэлігіі, але яны не ўспрынялі мусульманскае права.

Праблема гістарычных каранёў крыніц мусульманскага права, яго становішча ў сучасным свеце знаходзіцца ў полі зроку як замежных, так і айчынных даследчыкаў. У прыватнасці вядомы французскі вучоны Р. Давід у пачатку 60-х гг. мінулага стагоддзя апублікаваў кнігу «Асноўныя прававыя сістэмы сучаснасці», якая паклала пачатак аднаму з асноўных аспектаў параўнальнага правазнаўства – комплекснаму даследаванню прававой карты сучаснага свету. У рускім перакладзе кніга выйшла трэцім выданнем (першае – у 1967 г.), у якое даследчык паспеў унесці шэраг змяненняў і дапаўненняў. У названай працы Р. Давід выдзяляе спецыяльны раздзел «Мусульманскае права», у якім аналізуе асновы мусульманскага права, паказвае працэс яго прыстасавання да сучасных рэалій, характарызуе права некаторых мусульманскіх краін [2, с. 308–329]. Значны ўклад у даследаванне праблем мусульманскага права ў цэлым і яго крыніц у прыватнасці ўнеслі такія правазнаўцы, як Л.Р. Сюкійнен [3], В.Я. Чыркін [4, с. 7–15], А.Х. Саідаў [5, 6], М.М. Марчанка [7], М.С. Хайдарава [8] і інш.

Пэўныя напрацоўкі ў даследаванні праблем мусульманскага права маюць і беларускія правазнаўцы. Так, напрыклад, А.У. Ягораў у сваёй грунтоўнай працы «Асновы параўнальнага правазнаўства», аналізуючы рэлігійна-абшчынную прававую сям’ю, характарызуе мусульманскае права і тэндэнцыі яго развіцця на сучасным этапе [9].

Значную ўвагу ў сваіх працах пытанням мусульманскага права надае прафесар М.У. Сільчанка. Даследчык характарызуе не толькі асновы мусульманскага права, але і найбольш значныя рысы кананічных норм. Ён робіць выснову аб тым, што «выцясненне містычнага спосабу мыслення лагічным адбывалася менавіта праз далучэнне народаў да сусветных рэлігій, праз засваенне імі схаластычнага метаду» [10, с. 414]. М.У. Сільчанка, аналізуючы праблемы класіфікацыі і эвалюцыі крыніц права ў залежнасці ад тыпу і віду прававой сям’і, у тым ліку сям’і рэлігійна-традыцыйнага права, акцэнтуюе ўвагу на тым, што там, дзе «сфарміраваліся прававыя сістэмы рэлігійнага характару, галоўнай крыніцай права сталі рэлігійныя тэксты (кананічныя, царкоўныя нормы),

асноўнай крыніцай – навука (дактрына)» [11, с. 83]. Разглядаючы сям’ю рэлігійна-традыцыйнага права, прафесар У.А. Кучынскі падкрэслівае, што «мусульманская прававая сістэма значна адрозніваецца ад еўрапейскіх прававых сістэм фактычна па ўсіх аспектах – па крыніцах, структуры, тэрміналогіі, трактоўцы норм і інш.» (пераклад наш. – А. В.) [12, с. 253].

Значная ўвага пытанням гісторыі іслама ўдзялялася на штогадовых навукова-практычных канферэнцыях «Іслам і глабальныя праблемы цывілізацыі», якія праходзілі ў канцы 1990-х – пачатку 2000-х гг. у Мінску. У ліпені 1999 г. на пятай Міжнароднай канферэнцыі выступіў з дакладам «Мусульманскае права: гісторыя і тэндэнцыі развіцця» аўтар прапануемага артыкула [1, с. 39–47]. Да навукова-практычнай канферэнцыі, якая праходзіла ў студзені 2001 г. у БДЭУ, ім жа былі надрукаваны тэзісы даклада «Крыніцы мусульманскага права» [13].

Такім чынам, абапіраючыся на дасягненні ў вывучэнні крыніц мусульманскага права як замежных, так і айчынных даследчыкаў, паспрабуйм вызначыць асноўныя тэндэнцыі ў развіцці мусульманскага права на пачатку XXI ст.

Як сістэма норм, якія адлюстроўвалі ў рэлігійнай форме волю феадальнай знаці, санкцыянаваных і падтрымліваемых тэакратычнай дзяржавай, мусульманскае права ў сваёй аснове склалася ў эпоху станаўлення феадальнага грамадства ў Арабскім халіфаце ў VII–X ст. і засноўваецца на ісламе.

Згодна з догмамі іслама мусульманскае права прыйшло ад Алаха, які адкрыў яго чалавеку праз свайго прарока Мухамеда. Асноўныя правілы паводзін, нормы для веруючых мусульман фармуляваліся ім галоўным чынам у публічных пропаведзях. Другая частка юрыдычна значных норм склалася ў выніку паўсядзённай дзейнасці Мухамеда. Аднак іх было недастаткова для сістэмнага рэгулявання ўсёй сукупнасці прававых адносін мусульманскай абшчыны, а таму пасля смерці Мухамеда яго нарматворчую дзейнасць працягвалі бліжэйшыя паплечнікі «праведныя» халіфы Абу-Бакр, Умар і Усман [14, с. 6–9]. Згодна з Каранам і Сунай яны фармулявалі новыя правілы паводзін, якія адпавядалі, на іх погляд, волі Алаха і Мухамеда. У выпадку «маўчання» Карана або Суны нормы ўстанаўліваліся сумесным разглядам ці аднаасобна кожным халіфам.

У VIII–X ст. значны ўплыў на развіццё мусульманскага права аказалі мусульманскія правазнаўцы і суддзі. У гэты час узнікаюць асноўныя галіны (тлумачэнні) іслама, запаўняюцца прававыя прагалы, на падставе тлумачэння Карана фармулюецца значная колькасць новых прадпісанняў.

Трэба адзначыць, што мусульманская прававая сістэма бярэ свой пачатак у Каране і лічыцца вынікам Божых устанавленняў, а не чалавечага розуму і сацыяльных умоў. Алах даў права чалавеку аднойчы і назаўсёды, таму грамадства павінна кіравацца ім, а не ствараць свае правы пад уплывам тых ці іншых умоў і абставін. Апошнія не супярэчыць таму, што мусульманская прававая дактрына прызнае патрэбу Богага адкрыцця ў тлумачэнні. Менавіта на гэта і пайшлі стагоддзі руплівай працы мусульманскіх юрыстаў. «Але гэтыя намаганні – адзначае правазнаўца А.Х. Саідаў, – былі накіраваны не на стварэнне новага права, а толькі на тое, каб прыстасаваць дадзенае Богам права да практычнага выкарыстання» [15, с. 71].

У канцы X ст. мусульманскае права было кананізавана і брама пошукаў для яго даследчыкаў і рэфарматараў зачынілася. Наступілі стагоддзі традыцый, перыяд дзеяння згодна з усталяванымі прававымі нормамі і дактрынамі.

Мусульманскае права мае чатыры крыніцы. Першай па значэнні крыніцай мусульманскага права прызнаецца Каран – свяшчэнная кніга мусульман, якая ўяўляе сабой прамовы і казанні, сабраныя ў адзін твор. Большасць палажэнняў Карана прысвечана пытанням рэлігіі і ісламскай маралі, і толькі нязначная іх частка закранае пытанні прававых узаемаадносін мусульман. Вялікае ўздзеянне на гэтую крыніцу рэлігійна-прававой думкі аказалі больш старажытныя дактрыны – хрысціянства і іўдаізм. Шматпланавасць зместу і нязначны аб'ём прававых палажэнняў абумовілі тое, што Каран не стаў для мусульманскага права сістэмным юрыдычным дакументам падобна канстытуцыі ці кодэксу. Але ён быў і застаецца для мусульманскіх юрыстаў самай аўтарытэтай крыніцай ісламскага права.

Другой па сваёй значнасці крыніцай мусульманскага права з'яўляецца Суна, якая ўяўляе сабой зборнік хадзісаў – паданняў аб прароку Мухамедзе, яго паводзінах, учынках, складзе думак. Суна ёсць свайго роду вынік тлумачэння Карана пасля смерці Прарока. Як і Каран, Суна ўтрымлівае мала норм асабіста юрыдычных, у ёй дамінуюць маральна-рэлігійныя палажэнні. Сярод юрыдычных прадпісанняў няма шырокіх прынцыпаў-абагульненняў, у Суне прадстаўлены перш за ўсё канкрэтныя казусы, выпадкі з жыцця Мухамеда.

Трэцяй крыніцай ісламскага права з'яўляецца Іджма – агульнае рашэнне (заклучэнне) аўтарытэтных старажытных мусульманскіх правазнаўцаў аб абавязках прававерных, якое атрымала значэнне юрыдычнай ісціны, вылучанай з Карана ці Суны.

Чацвёртай крыніца мусульманскага права – Кіяс, што ўяўляе сабой звычайнае рашэнне справы па аналогіі, гэта значыць прымянен-

не да новых падобных выпадкаў правіл, устаноўленых Каранам, Сунай ці Іджмай.

Дзве апошнія крыніцы з'явіліся вынікам дзейнасці суніцкіх і шыіцкіх прававых школ, якія аказалі вялікі ўплыў на эвалюцыю мусульманскага права. У выніку гістарычных прычын сёння налічваецца чатыры суніцкія (ханіфіцкая, малікіцкая, шафііцкая, ханбаліцкая) школы ісламскага права і тры шыіцкія (джафарыцкая, ісмаіліцкая, зейдзіцкая).

На думку вядомага аўтарытэта мусульманскага права Л.Р. Сюкіяйна, з'яўленне Іджмы і Кіаса абумоўлена дзвюма асноўнымі прычынамі. Па-першае, Каран не быў поўным зводам юрыдычных норм, а Суна, наадварот, уяўляла сабой мноства казуістычных палажэнняў, якія часта супярэчылі адно аднаму і ў якіх простыя мусульмане і суддзі практычна не маглі самастойна разабрацца. Па-другое, у Каране і Суне не знайшлі адлюстравання новыя адносіны, ва ўмацаванні якіх былі зацікаўлены пануючыя слаі грамадства [3, с. 44–45].

Можна адзначыць, што Іджма і Кіас як крыніцы мусульманскага права з'яўляюцца дактрынальна-тлумачальнымі. Характэрнай агульнасмейнай рысай гэтых крыніц з'яўляецца тое, што яны выконваюць субсідыярную тлумачальную функцыю ў адносінах да галоўных рэлігійна-прававых крыніц. Пры гэтым характар гэтага тлумачэння з'яўляецца больш рэлігійным, чым прававым, таму што яно абмежавана зместам агульнарэлігійных догм [9, с. 221].

Такім чынам, асаблівасцю кананічных норм з'яўляецца тое, што яны строга ранжыраваны ў залежнасці ад таго, у тэкстах якіх свяшчэнных пісанняў яны сфармуляваны. Найвялікшым аўтарытэтам карыстаюцца правілы, якія змешчаны ў тэкстах Карана і Суны.

Да ліку другасных крыніц права, якія з'явіліся ў больш позні перыяд развіцця ісламскіх дзяржаў, можна аднесці закон (нарматыўны прававы акт), які, як падкрэслівае навуковец С.І. Архіпаў, сёння выконвае вельмі значную ролю ў сацыяльным рэгуляванні [16, с. 528]. Мяркуем, што нельга перабольшваць значэнне закона як крыніцы права ў мусульманскіх краінах. Справа ў тым, што «мусульманскія прававыя сістэмы багаць у гэтых крыніцах (нарматыўных прававых актах. – А. В.) рысы няўстойлівасці, лакальнасці, абумоўленыя якімі-небудзь асаблівымі ўмовамі эканамічнага ці палітычнага жыцця рэгіёнаў і краін» (пераклад наш. – А. В.) [9, с. 221–222]. Праўда, у розных прававых сістэмах становішча закона неаднолькавае. Так, мараканская, інданезійская, туніская прававыя сістэмы з дапамогай канстытуцыйна-заканадаўчых метадаў замацавалі свой статус ісламскіх дзяржаў.

Невыпадкова айчынным і замежным правазнаўцы зыходзяць з таго, што нельга змешваць мусульманскае (рэлігійнае) права з пазітыўнымі

прававымі сістэмамі мусульманскіх краін. Неабходна адрозніваць паняцці, якія блізкія, але не з’яўляюцца ідэнтычнымі, – «мусульманскае права» і «права асобна ўзятых мусульманскіх краін».

Уся сістэма норм мусульманскага права, якая заснавана на Каране, звычайна называецца шарыятам. У перакладзе на беларускую мову «шарыят» азначае «якіх правіл заўсёды ў сваім паўсядзённым жыцці павінен прытрымлівацца мусульманін». Шарыят прадпісвае веруючым, што яны павінны рабіць і чаго не павінны.

Сістэма мусульманскага права адрозніваецца ад іншых прававых сістэм своеасаблівасцю, непаўторнасцю крыніц, структуры, тэрмінаў, канструкцый, паняццем нормы. Калі кантынентальныя юрысты пад нормай права разумеюць прадпісанне канкрэтнага гістарычнага заканадаўцы, то ісламскія правазнаўцы пад ёй разумеюць правіла, адрасаванае мусульманскай абшчыне Алахам. Яно заснавана не на лагічных вывадах, а на рэлігійных догмах, на веры. Менавіта таму яго нельга змяніць, адмяніць, яно бясспрэчна і абсалютна, а значыць павінна безумоўна выконвацца. Дагматычная прырода ісламскіх прававых норм прадугледжвае асобныя спосабы іх адаптацыі к дзеючым грамадскім адносінам. Таму невыпадкова «майстэрства» суддзі, правапрымяняльніка часта складаецца з таго, каб, не парушаючы прама асобных патрабаванняў нормы, дамагчыся з дапамогай розных юрыдычных уловак, фікцый, іншых прыёмаў супрацьлеглага выніку [16, с. 526].

Пасваім змесце нормы ісламскага права таксама значна адрозніваюцца ад еўрапейскіх. Яны, як правіла, не з’яўляюцца нормаў, якія даюць права на здзяйсненне асобных дзеянняў, не з’яўляюцца яны і забараняльнымі. У іх аснове ляжыць абавязак, доўг здзяйснення тых ці іншых ўчынкі, што таксама абумоўлена рэлігійнай прыродай [17, с. 103–129]. Іншымі словамі, шарыят заснаваны на ідэі абавязкаў, ускладзеных на чалавека, а не на правах, якія ён можа мець. Наступствам невыканання абавязкаў з’яўляецца грэх таго, хто іх парушае, таму мусульманскае права не ўдзяляе многа ўвагі санкцыям, устаноўленым самімі нормаў.

Структура мусульманскага права таксама мае значныя асаблівасці, якія выцякаюць з яго прыроды. Так, яно не падраздзяляецца на публічнае і прыватнае, як у рамана-германскай сістэме, ці на агульнае права і права справядлівасці, як у краінах англасаксонскай сям’і. Тут існуюць іншыя прынцыпы інтэграцыі, сувязі норм, іх структурнага аб’яднання. Напрыклад, можна вылучыць прававыя комплексы норм, прынцыпаў у суадносінах з асноўнымі мусульманскімі тлумачэннямі – суніцкімі і несуніцкімі. Як бачым, наяўнасць розных галін у ісламе абумоўлівае аналагічную дыферэнцыяцыю ў праве, аб’яднанне юры-

дычных норм вакол тых або іншых рэлігійных плыняў. Разам з тым захоўваецца і галіновы прынцып дыферэнцыяцыі прававых норм, але з пэўнымі асаблівасцямі. У прыватнасці існуе галіна «права асабістага статусу», якая рэгулюе сямейныя, спадчыныя і некаторыя іншыя адносіны; дзелітнае права ўстанаўлівае меры крымінальна-прававой адказнасці; муамалат¹ замацоўвае грамадзянска-прававыя адносіны; існуюць дзяржаўнае, адміністрацыйнае, міжнароднае права.

Усе ўчынкі ў мусульманскім праве дзяляцца на пяць асноўных катэгорый: абавязковыя, рэкамендуемыя, абыхавыя, ганьбавальныя і забараняльныя. У аснове гэтагай класіфікацыі знаходзяцца адпаведныя рэлігійна-маральныя ацэнкі тых ці іншых актаў паводзін.

Нормы мусульманскага права можна класіфікаваць (з пункту гледжання іх агульнасці) на нормы-прынцыпы, сфармуляваныя ў выглядзе тэарэтычных абагульненняў, і казуальныя нормы, якія ўзніклі, як правіла, эмпірычным шляхам (напрыклад, нормы Суны).

Якія ж тэндэнцыі развіцця мусульманскага права? Можна сцвярджаць, што да пачатку XIX ст. сацыяльна-эканамічныя ўмовы існавання мусульманскага свету мяняліся вельмі павольна, таму шарыят, нягледзячы на архаічнасць яго дагматаў, цалкам адпавядаў ім. З заняпадам Асманскай імперыі на Блізкім Усходзе ўзмацняецца палітычны ўплыў заходнееўрапейскіх дзяржаў. Ісламскія лідэры сталі разумець, што, каб вытрымаць палітычную і эканамічную канкурэнцыю з заходнімі краінамі, патрэбна мадэрнізацыя сістэмы дзяржаўнага кіравання і права. З сярэдзіны XIX ст. пачаўся працэс заканадаўчых рэформ. У сферу адносін, якія традыцыйна рэгламентаваліся мусульманскім правам, сталі ўкліняцца нарматыўныя крыніцы еўрапейскага паходжання. Галоўным чынам гэты працэс закрануў сферы, у якіх канфлікт з традыцыйнымі ісламскімі нормама быў не вельмі вострым, у прыватнасці гандлёвае і марское права. У другой палове XIX ст. актывізуецца запазычанне еўрапейскага права, у тым ліку рамана-германскага, якое ў наш час у асобных арабскіх краінах, напрыклад у Турцыі, значна пацягнула мусульманскія прававыя нормы. У брытанскай Індыі ісламскае права на працягу значнага часу шмат запазычыла з агульнага права, што дало магчымасць весці гаворку пра англа-магаметанскае права [18, с. 365]. У іншых краінах (Алжыр, Егіпет, Сірыя) мусульманскае права захавалася ў асобных сферах сацыяльных адносін, у прыватнасці ў сферы асабістага статусу мусульман.

¹ Муамалат – правілы паводзін мусульман паміж сабой і немусульманамі. Таму нельга лічыць правільнымі погляды тых правазнаўцаў, якія сцвярджаюць, што мусульманскае права не дзейнічае, калі адзін з суб'ектаў з'яўляецца немусульманінам (гл.: Общая теория государства и права : учебник / под. ред. В.В. Лазарева. М., 1996. С. 271).

Аналіз канкрэтнага гісторыка-прававога матэрыялу, юрыдычнай практыкі даў магчымасць навукоўцам зрабіць выснову аб тым, што працэс пранікнення еўрапейскага права ў мусульманскія краіны перш за ўсё звязаны з міжнароднай інтэграцыяй і эканамічным супрацоўніцтвам дзяржаў хрысціянскага і ісламскага свету. Менавіта ў сувязі з гэтым мусульманскае права, ва ўсялякім выпадку па сваёй знешняй форме, шмат успрыняла ад еўрапейскіх кадыфікацый. Але сцвярджаць, што сфера дзеяння і ўздзейная вага мусульманскага права не толькі паменьшылася, але і гэты працэс неабарачальны, мяркуецца, заўчасна [18, с. 366]. Справа ў тым, што ў тых краінах, у якіх дамінуюць ісламска-фундаменталісцкія пазіцыі (Іран, Пакістан, Лівія, Судан і інш.), межы мусульманскага права вельмі шырокія. Яны ўключаюць розныя інстытуты, падгаліны грамадзянскага, крымінальнага, дзяржаўнага і іншых галін права [19, 20]. Актывізацыя ісламу, якая характарызуе палітычнае жыццё многіх дзяржаў, суправаджаецца ў тым ліку і патрабаваннямі адмовы ад заходніх прававых мадэляў, поўнага аднаўлення ўсіх норм мусульманскага права. Іншымі словамі, назіраецца своеасаблівы рэнесанс ісламскай прававой культуры, вяртанне да традыцыйных ісламскіх каштоўнасцяў, што заканамерна цягне за сабой пашырэнне прадмета рэгулявання мусульманскага права.

Нават ва ўмовах Расійскай Федэрацыі ісламскі фундаменталізм у некаторых месцах, перш за ўсё ў рэспубліках паўночна-каўказскага рэгіёна, знаходзіць неабходную сацыяльную базу. Узмацняецца імкненне ўнесці ў прававыя і дзяржаўныя інстытуты элементы шарыяту, будаваць грамадства з выкарыстаннем не свецкіх, а рэлігійных правіл і норм (Чачэнская рэспубліка Ічкерыя) [21, с. 40]. Вайна ў Чачні і нараджэнне Ічкерыі – заканамерны вынік няўмелай, непаважальнай палітыкі ўлады адносна народа, які з'яўляецца паслядоўнікам ісламу. Невыпадкова былы намеснік старшыні ўрада Расійскай Федэрацыі Р.Г. Абдулатыпаў, які выступаў на Усерасійскай навукова-практычнай канферэнцыі, прысвечанай праблемам іслама ў Расіі, ставіць пытанне аб тым, хто перашкаджае ўлічыць якія-небудзь моманты шарыяту, нормы шарыяту ў татарстанскім і дагестанскім заканадаўстве? [22, с. 97]. Стала відавочным, што ў апошні час некаторыя навукоўцы пераасэнсоўваюць тэзіс аб рэзкім памяншэнні вагі мусульманскага права ў рэгуляванні грамадскіх адносін у ісламскіх краінах. Так, напрыклад, беларускі правазнаўца А. У. Ягораў падкрэслівае думку аб тым, што працэс еўрапейскага ўплыву (вестэрнізацыі) не аказаў сутнаснага ўздзеяння на агульны прававы клімат у мусульманскіх дзяржавах. Кадыфікацыя, якая адбылася ў шэрагу краін, закранула толькі асобныя прававыя інстытуты. У праватнасці ў Алжыры былі

кадыфікаваны рэжым апекі і інстытут адсутнасці без звестак. У Палестыне кадыфікацыі падвергліся сямейнае і спадчыннае права. У многіх выпадках стварэння кадыфікацыйныя акты так і не атрымалі сілы закона. Прыкладам можа служыць Егіпет, у якім створаныя кодэксы так і засталіся на паперы [9, с. 224].

Па сутнасці, у сучасны перыяд у развіцці мусульманскага права прасочваюцца дзве галоўныя тэндэнцыі – ісламізацыя існуючых еўрапейскіх прававых элементаў і развіццё мусульманскіх сістэм за кошт унутраных рэзерваў. «Меркаванне асобных аўтараў аб быццям бы поўнай „вестэрнізацыі“ мусульманскага права лёгка абвяргаецца тым фактам, што які б інстытут ці іншы прававы элемент ні быў запазычаны з Еўропы, ён усе роўна рана ці позна рэфармуецца нацыянальнай практыкай. Рэфармаваць жа мусульманскае права таксама цяжка, як і само ісламскае грамадства» (пераклад наш. – А. В.) [9, с. 224].

Як бачым, адны правазнаўцы сцвярджаюць пра вельмі вялікі ўплыў на мусульманскае права еўрапейскіх прававых сістэм, іншыя, наадварот, адмаўляюць незваротны працэс вестэрнізацыі. Мяркуем, што ісціну патрэбна шукаць недзе пасярэдзіне. Таму, абагульняючы вышэй сказанае, можна зрабіць наступную выснову: нягледзячы на значны ўплыў з боку еўрапейскіх прававых сістэм, мусульманскае права застаецца самастойнай прававой сям’ёй, якая аказвае сур’ёзнае ўздзеянне на мільённыя масы людзей ва ўсіх рэгіёнах свету. Праблема заключаецца ў тым, што такое регулятыўнае ўздзеянне можа атрымаць крайне фундаменталісцкі, антыгуманны характар.

1. Ислам і глабальныя праблемы цывілізацыі : матэрыялы V Міжнарод. навук.-практ. канф. (Мінск, 29–30 ліп. 1999 г.). У 2 ч. Ч. I. Мінск, 2000.
2. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности / пер. с фр. В.А. Туманова. М., 1999.
3. Сюкияйнен Л.Р. Мусульманское право: вопросы теории и практики. М., 1986.
4. Чиркин В.Е. Мусульманская концепция права // Мусульманское право: структура и основные институты. М., 1984.
5. Саидов А.Х. Основы мусульманского права : курс лекций. Ташкент, 1995.
6. Саидов А.Х. Сравнительное правоведение и юридическая география мира. М., 1993.
7. Марченко М.Н. Источники права : учеб. пособие. М., 2006.
8. Хайдарова М.С. Основные направления и школы мусульманского права // Мусульманское право. М., 1984.
9. Егоров А.В. Основы сравнительного правоведения : учеб. пособие. Новополюк, 1999.
10. Сільчанка М.У. Агульная тэорыя права : вучэб.-метад. комплекс. Гродна, 2008.
11. Сільчанка М.У. Класіфікацыя і эвалюцыя крыніц права ў залежнасці ад тыпу і віду прававой сям’і // Право и демократия : сб. науч. тр. Минск, 2009. Вып. 20.
12. Вишневский А.Ф., Горбаток Н.А., Кучинский В.А. Общая теория государства и права : учебник / под ред. В.А. Кучинского. Минск, 2009.

13. Вішнеўскі А.Ф. Крыніцы мусульманскага права // Правовые системы: история и современность : материалы межвузов. науч.-практ. конф. (Минск, 5–6 янв. 2001 г.). Минск, 2001.
14. Мухиддин А.-Х. Ислам – призыв истины и добра : пер. с араб. М., 1998.
15. Общая теория права : курс лекций / под общ. ред. проф. В.К. Бабаева. Н. Новгород, 1993.
16. Теория государства и права : учебник / под ред. В.М. Корельского и В.Д. Перелова. М., 1997.
17. Мехмет С. Настольная книга мусульманина: правила и законы мусульманской религии. Анкара, 1998.
18. Общая теория права : учеб. для юрид. вузов / под общ. ред. проф. А.С. Пиголкина. М., 1995.
19. Мдагри А.А. Правовая практика как пример нашего наследия в области правосудия // Хасанитские чтения в священный месяц Рамадан. Королевство Марокко, 1996. С. 39–63.
20. Джавб И.М. Размышления о следовании традициям и о внесении нового в исламский шариат // Хасанитские чтения в священный месяц Рамадан. Королевство Марокко, 1996. С. 213–239.
21. Лихачев В.Н. Ислам и Россия: традиции и перспективы // Ислам в России: традиции и перспективы : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Москва, 4–5 сент. 1998 г.). М., 1998. С. 31–38.
22. Абдулатипов Р.Г. Стремиться к личному совершенству // Ислам в России: традиции и перспективы : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Москва, 4–5 сент. 1998 г.). М., 1998. С. 11–18.

УДК 340.114.5

Ю.А. Мелеховец

О РОЛИ ПРАВОСОЗНАНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ ИСТОЧНИКОВ ПРАВА

В современных правовых исследованиях, посвященных проблеме форм (источников) права Республики Беларусь в качестве таковых, как правило, называются нормативный правовой акт, нормативный договор и правовой обычай.

Такое, ставшее классическим для юриспруденции в нашей стране, понимание содержания форм (источников) права соответствует действующей Конституции Республики Беларусь, в ст. 7 которой закреплён принцип верховенства права, согласно которому государство, все его органы и должностные лица действуют в пределах Конституции и принятых в соответствии с ней актов законодательства.

Вместе с тем право, как справедливо отмечает С.С. Алексеев, – «это такой инструмент регулирования общественных отношений, который действует через сознание и волю людей» [1, с. 62].

Несомненно существующая тесная взаимосвязь между правом и правосознанием повлекла за собой непрекращающиеся попытки со стороны отдельных ученых обосновать необходимость рассмотрения последнего как одной из форм (источников) права, причем не только в научных, но и в учебных изданиях [2, с. 218–219].

Подобная ревизия содержания форм (источников) права Республики Беларусь, перевод указанной информации из сферы научных изысканий в разряд учебного материала для студентов юридических учреждений высшего образования – весьма ответственный шаг. Ведь по сути речь идет не только о нововведениях в теоретической модели форм (источников) права, но и о попытке расширения перечня правовых регуляторов общественной жизни. Сохраняющийся при этом в юридической литературе дискуссионный характер предложенных нововведений требует продолжения поиска серьезной научной аргументации, подтверждающей необходимость включения в отечественную правовую систему правосознания как новой формы (источника) права.

По нашему мнению, известные попытки закрепления за правосознанием статуса формы (источника) права выглядят недостаточно убедительными.

Показательным примером необходимости разделения статуса права и правосознания, сохранения за ними тесно обусловленного, но самостоятельного значения может послужить деятельность Конституционного суда Республики Беларусь.

Защищая незыблемость положений Основного закона Конституционный суд вправе подвергнуть экспертизе на предмет соответствия Конституции любой нормативный акт и принятые на его основании решения. По отношению к предмету такого исследования Конституция чаще всего не содержит прямых предписаний. Именно это обстоятельство потребовало использования в качестве обоснования справедливости решений Конституционного суда ссылок на закрепленные в Конституции общие положения, прежде всего конституционные нормы-принципы.

Общий характер многих положений Конституции, включая и закрепленные в ней нормы-принципы, как правило, исключает их буквальное толкование в случаях применения к конкретным правовым ситуациям. Чаще всего Конституционный суд использует приемы распространительного толкования, углубляя и конкретизируя заложенное в конституционных нормах-принципах правовое содержание. При этом практика деятельности Конституционного суда не вносит изменений в содержание Основного закона. Она лишь уточняет границы того глубинно-

го смысла, который заложен в основополагающих нормах-принципах. Поэтому в основе принимаемых Конституционным судом решений не меньшую роль, чем используемые им для обоснования своей позиции конституционные нормы, играет правосознание его судей.

«Правосознание, являясь составным элементом правовой системы общества, тесно связано с другими частями этой системы, – подчеркивает профессор А.Ф. Вишневский, – оно пронизывает все стадии правотворческого процесса (правотворческую инициативу, разработку, согласование, обсуждение, доработку, принятие проекта нормативного правового акта) и находит свое выражение в содержании норм права» [3, с. 213].

Действительно, процесс создания правовых норм, а также изменение, дополнение и прекращение их действия, во многом зависит от правосознания законодателей и членов Конституционного суда Республики Беларусь. Но правосознание, даже материализовавшееся в глубоко аргументированные теории, не может служить формой (источником) права до тех пор, пока сформулированные в доктринах мнения, точки зрения не восприняты компетентными государственными органами и не преобразованы ими в общеобязательные правила поведения – правовые нормы.

Попытка придания статуса формы (источника) права правосознанию, пусть даже и во взаимосвязи с самим правом, открывает широкий простор для возможных злоупотреблений, противоречит установленному в нашей стране порядку применения норм права.

Возможные последствия отнесения правосознания к формам (источникам) права хорошо прогнозируемы на примере деятельности отечественной судебной системы и попыток ее «реформирования» на уровне отдельных научных исследований.

Важными полномочиями по уточнению содержания действующих правовых норм и регулированию основанной на них деятельности правоприменителей наделены пленумы Верховного суда и Высшего хозяйственного суда. Их работа преследует цель обеспечения верховенства конституционных положений, соблюдения законности при применении норм права. Основной формой достижения такого результата стало доведение до соответствующих лиц сути закона и иных правовых предписаний путем дачи разъяснений в постановлениях пленумов названных высших судебных инстанций. Особо отметим, что они достигают своей цели не создавая новые правовые нормы, а уточняя и разъясняя действующие нормативные правовые акты, за исключением Конституции Республики Беларусь.

Являясь официальными видами делегированного толкования, постановления пленумов Верховного суда, Высшего хозяйственного суда отличаются от других источников толкования своей нормативностью, что подтверждается положениями ст. 2 закона «О нормативных правовых актах Республики Беларусь».

Главной особенностью нормотворческой деятельности вышеуказанных органов является обязательное соблюдение ими требования ст. 70 закона «О нормативных правовых актах Республики Беларусь», в соответствии с которым при толковании нормативных правовых актов не допускается внесение в них изменений и (или) дополнений. Указанное обстоятельство является отличительной характеристикой содержания правотворчества пленумов Верховного суда и Высшего хозяйственного суда.

В последние годы в белорусской юридической науке появились специальные монографические работы, авторы которых – известные ученые и правоприменители – начинают отстаивать идею отнесения к формам (источникам) права наряду с общепризнанными источниками юридического прецедента.

Суть юридического прецедента как формы (источника) права состоит в том, что решению определенного государственного органа, в первую очередь суда, по конкретному юридическому делу придается значение общей нормы [4, с. 339].

Советская юридическая доктрина не признавала в качестве источников права решения судов, даже высших судебных инстанций. Соответственно и советское право не знало прецедентов как способов установления норм права, что считалось проявлением строгого осуществления принципа социалистической законности [4, с. 340].

Традиционное понимание судебного толкования как одной из разновидностей официального разъяснения нормативного акта профессор Г.А. Василевич дополняет позицией, в соответствии с которой судебный прецедент создает правовоположения, отсутствующие в нормативном правовом акте и тем самым восполняет пробелы в законодательстве [5, с. 125]. Более того, он полагает, что «в качестве источника права выступает и та судебная практика, которая сформирована на низовом уровне – районными, городскими, областными судами, т. е. не обязательно, чтобы решения рассматривались в Верховном суде» [5, с. 127]. Такой революционный взгляд на судебные решения, приобщение их к категории источников права, не выглядит бесспорным. Чтобы убедиться в этом, на наш взгляд, достаточно обратиться к действующему законодательству.

Так, анализ гл. 6 Конституции, регулирующей порядок осуществления судебной власти в государстве, как и других разделов Основного закона, позволяет прийти к выводу о том, что деятельность судов подчинена только закону, о чем прямо указано в ст. 110 Конституции.

Для определения правового статуса судебных решений важное значение имеют и положения закона «О нормативных правовых актах Республики Беларусь». В нем, как уже отмечалось ранее, в перечне видов нормативных правовых актов органов судебной власти названы только заключения Конституционного суда, постановления пленумов Верховного суда и Высшего хозяйственного суда (ст. 2). При этом в тексте закона мы не находим даже упоминания о судебных решениях по конкретным делам районных, городских, областных и даже Верховного судов Республики Беларусь.

Обращают на себя внимание положения закона «О нормативных правовых актах Республики Беларусь», в соответствии с которыми постановления пленумов Верховного суда и Высшего хозяйственного суда не включены в категорию законодательных актов (ст. 1), имеют меньшую юридическую силу по отношению к законам, декретам и указам (ст. 10), а также содержащиеся в законе ограничения в части толкования правовых норм, согласно которым при толковании нормативных правовых актов не допускается внесение в них изменений и (или) дополнений (ст. 70).

Таким образом, попытки расширить правовое поле за счет правосознания или фактически базирующегося на нем судебного прецедента неизбежно приведут к нарушению действующего законодательства.

Изложенное выше позволяет сделать определенные выводы относительно затронутых нами современных проблем форм (источников) права в Республике Беларусь.

Важнейшей, основанной на действующем законодательстве формой (источником) права является нормативный правовой акт.

Особое место среди нормативных правовых актов занимает Конституция, которой должны соответствовать текущие (обычные) законы, декреты, указы Президента, иные нормативные акты и основанная на них деятельность правоприменительных органов. Важной особенностью Основного закона является закрепление в нем основополагающих принципов, которые позволяют Конституционному суду проводить экспертизу правовых норм и основанной на них деятельности правоохрани-

менителей и выносить заключения на предмет их соответствия конституционным нормам.

Важнейшая роль в создании нормативных правовых актов, принятии решений об изменении, дополнении и прекращении их действия принадлежит правосознанию определенного круга должностных лиц: законодателей, судей Конституционного, Верховного и Высшего хозяйственного суда. Однако само по себе оно не может рассматриваться как форма (источник) права. В контексте сказанного следует подчеркнуть, что правосознание, не являясь формой выражения права, скорее выступает его идейным источником, играющим важную роль в правообразовании.

Отсутствуют достаточные основания и для отнесения к формам (источникам) права нашей страны судебного прецедента. Правовые нормы, содержащиеся в постановлениях пленумов Верховного и Высшего хозяйственного суда, не могут служить примерами судебного прецедента, так как они не содержат новых правовых положений, а лишь углубляют и раскрывают содержание действующих правовых норм, по сути являясь официальными источниками их толкования.

Аналогичный изложенному нами подход к содержанию форм (источников) права имеет место и в российской правовой науке. Так, во вступительной статье к очеркам по проблемам истоков и источников права, ее авторы отмечают, что «традиционно в качестве основного источника отечественного права рассматривается нормативный правовой акт» [6, с. 17].

Что касается юридического прецедента и правосознания, то факт их определения в качестве формальных источников права «не является однозначно признанным, следовательно и говорить об их месте в системе источников российского права пока представляется преждевременным» [6, с. 21].

1. Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М. : Юрид. лит., 1966.

2. Лазарев В.В., Липень С.В. Теория государства и права : учеб. для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М. : Спарк, 2000.

3. Вишневский А.Ф. Общая теория государства и права : курс лекций. 5-е изд., уточн. и доп. Минск : Тесей, 2011.

4. Вишневский А.Ф., Горбаток Н.А., Кучинский В.А. Общая теория государства и права : учебник / под общ. ред. В.А. Кучинского. М. : Изд-во деловой и учеб. лит., 2006.

5. Василевич Г.А. Источники белорусского права. Минск : Тесей, 2005.

6. Никитин Н.С., Ромашов Р.А., Сальников В.П. Истоки, источники, формы права: проблемные аспекты понимания и соотношения // Истоки и источники права : очерки / под ред. Р.А. Ромашова, Н.С. Нижник. СПб. : С.-Петерб. ун-т МВД России, 2006.

ИСТОЧНИКИ ПРАВА КАК ОСНОВНЫЕ КРИТЕРИИ ОТЛИЧИЯ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ

Проблемный вопрос критериев определения и отличия правовых систем состоит в том, что исторически развитие права в разных странах имело специфические особенности, что повлияло на формирование системы источников права каждой из них. В.И. Лафитский обращает внимание на то, что «развитие права испытывает мощное воздействие этнических, религиозных (этико-правовых) и иных особенностей существования отдельных территориальных регионов» [2, с. 23]. Отметим, что различия имеют отношение даже к странам, которые вошли в единую правовую систему – систему континентального права (романо-германскую правовую семью): германским странам (Австрия, Германия), романским странам (Испания, Франция), скандинавским странам. Таким образом возникли система общего права, романо-германская правовая система, религиозные правовые системы, право стран Дальнего Востока. Некоторые авторы выделяют иные виды правовых систем: романскую, германскую, скандинавскую; общего права, социалистического права, права стран Дальнего Востока, исламского, иудейского права, индусского права. До настоящего времени ученые предлагают новые классификации правовых систем.

Многие авторы считают источники права основным отличительным признаком той или иной правовой системы, вследствие чего устанавливают определенную их иерархию для каждой правовой системы. Так, для системы общего права традиционна следующая иерархия правовых актов: обычай, судебный прецедент, законодательный акт, нормативный договор. Романо-германской правовой семье присуща иная иерархия источников права: нормативный правовой акт, нормативный договор, обычай, доктрина и т. д. Другие авторы считают, что источники права играют несущественную роль в определении правовой системы, поскольку названные источники права применяются практически во всех странах и в современных условиях глобализации идет интенсивный процесс сближения правовых систем по формальным источникам права. Тем не менее именно источники права позволяют ученым идентифицировать принадлежность той или иной страны к конкретной правовой системе, в силу чего заслуживают внимания отличительные подходы к их рассмотрению в контексте той или иной правовой семьи.

В странах романо-германской правовой семьи отсутствует общий подход в определении источников права, равно как и единое представление о них, что обусловлено разнообразием исторических, национальных и этнических различий этих стран. Традиционными для данной правовой семьи представлениями об общем определении источника романо-германского права являются, во-первых, доминирование формально-юридического подхода при определении самого понятия «источник права». Немаловажную роль при рассмотрении источников романо-германского права играет философия права, социология права и правовая история. В связи с этим отличительной особенностью романо-германской правовой семьи является совокупность его источников права во главе с нормативным правовым актом (законом). А.Т. Широков считает, что закон в системе нормативных правовых актов романо-германского права играет первостепенную роль и «образует как бы скелет правопорядка» [3, с. 174]. В целом распределение правовых норм в данной правовой семье формируется в виде определенной иерархии правовых актов.

Спецификой романо-германского права является присущая ему градация источников права на первичные, которыми в большинстве стран являются нормативные правовые акты во главе с законом, нормативные договоры, правовые обычаи, и вторичные, роль которых выполняют судебные прецеденты, доктрины и другие неформальные источники, востребованные при отсутствии или неясности первичных источников. Данная градация во многом обусловлена значимостью и юридической силой источников права данной правовой семьи. Наличие иерархии источников права выступает свойственным данным странам атрибутом, что способствует согласованию системы разнообразных и многочисленных нормативных актов.

В отличие от системы романо-германской правовой семьи в странах общего права среди источников права важное место принадлежит судебному прецеденту, обычаю, делегированному законодательству. Иерархия между ними определена национальными особенностями и историческим развитием стран, входящих в систему англосаксонского права. Известно, что основополагающим здесь является английское право, положившее начало формированию системы общего права и оказывающее большое влияние на ее современное развитие, несмотря на то, что правовые системы отдельных стран, например США, существенно отличаются от него.

Среди источников английского права важное место принадлежит судебным прецедентам, решениям судов, имеющим обязательную силу для нижестоящих судов и для них самих (в зависимости от установленной иерархии судебных инстанций), статутам – законодательным актам британского парламента, актам делегированного законодательства, издаваемым исполнительными органами. Некоторые авторы отмечают возрас-

тание роли законодательства в регулировании общественных отношений в странах общего права. Однако стоит заметить, что в силу исторических традиций данной системы все вновь принимаемые законодательные акты обязательно сопровождаются большим количеством судебных прецедентов, которые направлены на толкование, уточнение и применение законодательных предписаний. Как отмечает Н.А. Власенко, «английский статут нельзя рассматривать как источник, разрушающий или нивелирующий систему прецедентов, наоборот, он сам стал придатком этой системы, дополняющим и совершенствующим ее» [1, с. 265].

Значительное место среди источников права англосаксонской правовой семьи принадлежит обычаю как модельному способу поведения, воспроизводимому в конкретном обществе, в силу присущей ему совокупности свойств, позволяющих непосредственно влиять на регулирование общественных отношений: давности (древности) применения конкретным обществом, непрерывности применения, обязательности применения (для конкретной территории) и пр. Несмотря на то, что данный источник права редко применяется в судебной практике, он занимает достойное положение в иерархии источников отдельных стран, входящих в систему общего права.

Таким образом, совокупность источников права, их иерархия и различные подходы к их рассмотрению являются своего рода характерными квалифицирующими признаками каждой правовой системы и существенным критерием отличия каждой из них.

1. Власенко Н.А. Теория государства и права : науч.-практ. пособие. М. : Юриспруденция, 2009. 424 с.

2. Лафитский В.И. Международное право и национальное законодательство. М. : Эксмо, 2009. 704 с.

3. Широков А.Т. Общая теория государства и права : курс лекций. Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2005. 211 с.

УДК 340.1

Н.М. Дубрава

НОРМАТИВНЫЕ ПРАВОВЫЕ АКТЫ ВЫСШИХ ОРГАНОВ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ КАК ИСТОЧНИКИ БЕЛОРУССКОГО ПРАВА

В свете законодательных изменений, а именно включения актов Конституционного суда Республики Беларусь, постановлений пленумов Верховного и Высшего хозяйственного суда Республики Беларусь в си-

стему нормативных правовых актов (ст. 2 «Виды нормативных правовых актов» закона Республики Беларусь от 10 января 2000 г. № 361-З «О нормативных правовых актах Республики Беларусь»), мы позволили себе сформулировать название статьи как «Нормативные правовые акты высших органов судебной власти как источники белорусского права». В качестве объекта рассмотрения будут выступать вышеуказанные акты высших органов судебной власти.

Требуется аргументировано ответить на следующие вопросы: 1) являются ли акты (на примере заключения как единственно возможного акта нормативного характера) Конституционного суда, постановления пленумов Верховного суда и Высшего хозяйственного суда Республики Беларусь источниками белорусского права; 2) к какому виду источников права можно отнести данные акты высших органов судебной власти; 3) какое место среди источников права занимают рассматриваемые акты (какова их юридическая природа (сила))?

Следует отметить, что в отечественной юридической науке не раз уделялось внимание природе актов высших органов судебной власти. Исследования в данной области проводились белорусскими учеными Г.А. Василевичем [1], В.Н. Бибило [2], Н.В. Сильченко [3], А.Н. Пугачевым [4]. Среди исследователей, частично освещавших рассматриваемый вопрос, можно назвать В.Н. Дубовицкого [5], Т.В. Иванову [5], П.В. Мытника [6], К.Л. Томашевского [7] и некоторых других.

Проанализировав исследования отдельных ученых, а также национальный законодательный материал (Кодекс Республики Беларусь о судостроительстве и статусе судей, закон «О нормативных правовых актах Республики Беларусь», закон от 30 марта 1994 г. № 2914-XII «О Конституционном Суде Республики Беларусь» и другие нормативные правовые акты) сформулируем наше видение обозначенной выше проблемы.

Что касается постановлений пленумов Верховного и Высшего хозяйственного суда Республики Беларусь, то здесь мы придерживаемся позиции, согласно которой такие акты являются нормативными правовыми и соответственно источниками белорусского права только в том случае, если удовлетворяют критерию нормативности (содержат новую норму права, изменяют (дополняют) и (или) отменяют действующую норму права). При этом нормативность данных актов специфична, в силу того что принятие данных актов является результатом не нормотворческой деятельности в классическом ее понимании, а специфической интерпретационной деятельности высших органов судебной власти, основанной на анализе судебной практики и судебной статистики и присущей лишь тем судам, которые наделены правом специально осуществлять функ-

цию толкования и издавать акты толкования. В этой связи нормативные правовые акты высших органов судебной власти можно было бы именовать, к примеру, квазинормативными актами. При этом приставка «квази» (от лат. *quasi* – как будто, будто бы) в подобном наименовании лишь говорит о специфичной природе нормативности актов высших органов судебной власти.

Изучая вопрос природы актов Конституционного суда на примере заключений, а также пленумов Верховного и Высшего хозяйственного суда Республики Беларусь, Н.В. Сильченко отмечает, что данные акты «создают особую и самостоятельную подсистему источников белорусского права в смысле Конституции Республики Беларусь – группу модифицированных источников права» [8, с. 18].

Следует отметить, что на сегодняшний день практика может продемонстрировать такие постановления пленумов Верховного и Высшего хозяйственного суда Республики Беларусь, которые можно отнести к нормативным правовым актам (квазинормативным актам, модифицированным актам) по критерию нормативности, например постановления пленума Верховного суда Республики Беларусь от 28 июня 2002 г. № 3 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» и от 24 июня 2004 г. № 8 «О практике рассмотрения судами гражданского иска в уголовном процессе».

Анализ содержания данных постановлений позволяет сделать вывод о том, что, не изменяя текстуальную форму нормы права, содержащейся в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь, они внесли изменение в ее смысловое значение, т. е. фактически создали новое правило поведения (новый нормативный правовой акт).

Когда постановления пленумов Верховного и Высшего хозяйственного суда Республики Беларусь направлены исключительно на уяснение и разъяснение смысла действующих норм права, а соответственно не создают таковых, а также не вносят изменений (дополнений) и (или) отменяют действующие нормы права, их необходимо рассматривать как интерпретационные акты (типичные акты толкования – акты официального нормативного легального толкования).

Считаем необходимым на законодательном уровне закрепить деление постановлений пленумов Верховного и Высшего хозяйственного суда Республики Беларусь на нормативные и ненормативные или с нормативным или ненормативным содержанием, что предопределит их судьбу как источников права. Интерпретационные акты высших органов судебной власти, как типичные (акты официального нормативного легального толкования), так и нетипичные (квазинормативные акты), являющиеся

результатом исключительно интерпретационной деятельности высших органов судебной власти, основанной на анализе судебной практики и судебной статистики, считаем необходимым законодательно признать общеобязательными в правоприменительной деятельности.

В продолжение разговора о постановлениях пленумов Верховного и Высшего хозяйственного суда Республики Беларусь отметим, что их совместные постановления в соответствии со ст. 83 Кодекса Республики Беларусь о судостроительстве и статусе судей однозначно определены в качестве нормативных правовых актов.

В данном случае законодатель по необъяснимым причинам избирательно подошел к определению юридической природы вышеуказанных совместных постановлений. По нашему мнению, юридическая природа самостоятельных постановлений пленумов Верховного и Высшего хозяйственного суда Республики Беларусь ничем не отличается от совместных в силу одинакового статуса данных органов. Учитывая тот факт, что юридическая сила Кодекса Республики Беларусь о судостроительстве и статусе судей выше юридической силы закона «О нормативных правовых актах Республики Беларусь», целесообразно и необходимо в Кодексе Республики Беларусь о судостроительстве и статусе судей определить самостоятельные постановления пленумов Верховного и Высшего хозяйственного суда Республики Беларусь как нормативные правовые акты.

Что касается актов Конституционного суда Республики Беларусь, то, с одной стороны, они не могут быть отнесены к правоприменительным актам, так как деятельность данного суда не является юрисдикционной (деятельностью по осуществлению правосудия), а его главная задача — это осуществление контроля за конституционностью нормативных правовых актов в Республике Беларусь (ст. 1 закона «О Конституционном Суде Республики Беларусь»).

С другой стороны, можно говорить о том, что в заключениях Конституционного суда содержится норма, выраженная в форме признания того или иного нормативного акта конституционным или неконституционным. Однако в силу того, что данная норма является результатом особого производства, отличного от правотворческого, возникает вопрос о правомерности отнесения заключений к нормативным правовым актам.

Несмотря на это и в силу того, что заключения Конституционного суда однозначно изменяют порядок действия проверяемого нормативного акта в случае признания его неконституционным, считаем необходимым признать источником права только те заключения Конституционного суда, которые определяют нормативный правовой акт как неконституционный, так как заключения о конституционности нормативного правового акта не изменяют действия оспариваемого нормативного правового акта в ре-

гулировании общественных отношений. При несогласии законодателя расширять перечень действующих источников белорусского права необходимо установить правило о том, что заключения Конституционного суда должны напрямую применяться на практике в тех случаях, когда субъекты правотворчества еще не успели привести в соответствие с Конституцией тот или иной акт, признанный Конституционным судом неконституционным. Это положение позволит придать данным актам статус всеобщей обязательности в правоприменительной практике.

Напомним также о необходимости приведения в соответствие норм ст. 22 Кодекса Республики Беларусь о судостроительстве и статусе судей, согласно которой нормативный правовой акт, признанный неконституционным, считается утратившим силу в целом или в определенной части с момента внесения в него соответствующих изменений и (или) дополнений либо принятия новых нормативных правовых актов, и ст. 9 закона «О Конституционном Суде Республики Беларусь», связывающей этот момент с временем, определенным Конституционным судом. Иной вариант разрешения данной коллизии видится в закреплении положения относительно момента утраты силы неконституционного акта в разрабатываемом в настоящее время законе Республики Беларусь «О конституционном судопроизводстве» при изменении норм Кодекса Республики Беларусь о судостроительстве и статусе судей.

Признание постановлений пленумов Верховного и Высшего хозяйственного суда Республики Беларусь (нетипичных актов толкования – квазинормативных актов), а также заключений Конституционного суда Республики Беларусь (заключений о неконституционности нормативного правового акта) в качестве источников белорусского права возможно путем внесения изменений в действующее законодательство (закрепление деления данных актов на нормативные и ненормативные или с нормативным и ненормативным содержанием в разрабатываемом законе Республики Беларусь «О правовых актах Республики Беларусь») или путем выстраивания параллельной (дополнительной) системы источников права.

Однако следует отметить, что данные предложения вызывают необходимость определения юридической силы подобных постановлений и заключений высших органов судебной власти. На сегодняшний момент это непростая задача в силу неразработанности данной проблематики в научных кругах. Можно только предположить, что нормативные постановления пленумов Верховного и Высшего хозяйственного суда Республики Беларусь претендуют на юридическую силу истолкованного нормативного правового акта – нормативного правового акта, смысл нормы которого был изменен. Что касается заключений Конституционного суда Республики Беларусь о неконституционности нормативного правового

акта, то их юридическая сила не может быть больше, чем юридическая сила Конституции, но и меньше юридической силы проверяемого нормативного правового акта.

Можно констатировать, что постановления пленумов Верховного и Высшего хозяйственного суда Республики Беларусь, а также заключения Конституционного суда Республики Беларусь имеют практически все признаки источников права и могут выступать регулятором общественных отношений наравне с нормативными правовыми актами или в качестве нормативных правовых актов.

1. Василевич Г.А. Правовая природа актов Конституционного Суда Республики Беларусь и их юридическое значение // Вестн. Конституц. Суда Респ. Беларусь. 2005. № 1. С. 48–57.

2. Бибило В.Н. Формы судебной практики как источника права // Весн. ГрДУ. Сер. 4, Правазнаўства. 2008. № 2. С. 23–26.

3. Сільчанка М.У. Акты Канстытуцыйнага Суда Рэспублікі Беларусь у сістэме крыніц сучаснага беларускага права // Весн. Канстытуц. Суда Рэсп. Беларусь. 2006. № 4. С. 51–62.

4. Пугачев А.Н. Акты высших органов судебной власти Республики Беларусь: юридическая природа и проблемы соотношения // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д, Эконом. и юрид. науки. 2010. № 10. С. 165–170.

5. Иванова Т.В., Дубовицкий В.Н. Судебная практика как источник права в Республике Беларусь // Вестн. Гродн. гос. ун-та. Сер. 4, Правоведение. 2009. № 4 (90). С. 7–15.

6. Мытник П.В. Значение решений Конституционного Суда Республики Беларусь для уголовно-процессуальной деятельности // Утверждение принципов правового демократического государства в Республике Беларусь посредством конституционного контроля. 2003. С. 101–105.

7. Томашевский К.Л. Новые концептуальные подходы к понятию и классификации источников трудового права // Вестн. БГУ. Сер. 3. 2010. № 1. С. 6–10.

8. Сільчанка М.У. Мадыфікаваныя крыніцы беларускага права // Актуальныя пыпы савершенствования правовой системы на современном этапе : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 11–12 окт. 2012 г.) / редкол.: С.А. Балашенко (гл. ред.) [и др.]. Минск : Бизнесофсет, 2012.

УДК 343.8

Н.В. Кийко

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПОРЯДКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕРМИНОВ «ПРАВА» И «ЗАКОННЫЕ ИНТЕРЕСЫ» В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Термин «законные интересы» получил широкое распространение в действующем законодательстве Республики Беларусь. Словосочетание «права и законные интересы» повсеместно используется в текстах нор-

мативных правовых актов, при этом иногда это делается без уяснения истинного смысла этих категорий применительно к области регулируемых правоотношений. Более того, изучение законодательства показывает, что в отдельных случаях в процессе правотворчества имеет место терминологическая путаница, в результате чего текстовое выражение отдельных норм права не соответствует их истинной сути. Учитывая это обстоятельство, полагаем необходимым рассмотреть отдельные нормы отечественного законодательства, которые, по нашему мнению, требуют уточнения и корректировки в целях приведения их в соответствие с требованиями юридической техники.

Законодательство Республики Беларусь содержит примеры, когда прилагательное «законные» употребляется в отношении категории «права». Так, например, ст. 23.26 КоАП устанавливает ответственность за нарушение законных прав депутата Палаты представителей, члена Совета Республики Национального собрания, депутата местного Совета депутатов. Исходя из этой нормы административная ответственность наступает только в случае нарушения именно законных прав указанных лиц, тем самым фактически допускается существование у них и незаконных прав, т. е. прав, не предусмотренных действующим законодательством, за нарушение которых ответственность не наступает.

Считаем необходимым отметить, что правовое положение депутатов различных уровней и членов Совета Республики регламентируется законами Республики Беларусь «О статусе депутата Палаты представителей, члена Совета Республики Национального собрания» и «О статусе депутата местного Совета депутатов». В соответствии с этими нормативными правовыми актами депутаты Палаты представителей, члены Совета Республики Национального собрания, депутаты местного Совета депутатов наделяются соответствующими правами для исполнения своих должностных обязанностей. При этом в тексте законов упоминание об отнесении тех или иных прав к категории законных не встречается. Следовательно, все права, которыми по долгу службы в пределах своих полномочий наделены депутаты Палаты представителей, члены Совета Республики Национального собрания, депутаты местного Совета депутатов, являются по своей сути законными и дополнительно обозначать этот признак, на наш взгляд, нет необходимости.

Кроме этого, нельзя забывать, что в соответствии с п. 41, 42 Правил подготовки проектов нормативных правовых актов, утвержден-

ных указом Президента Республики Беларусь от 11 августа 2003 г. № 359, к числу основных требований нормотворческой техники относятся ясность, простота и доступность языка изложения акта, исключающие различное толкование его норм; логическое построение, обеспечиваемое последовательностью, взаимной связью и согласованностью положений, отсутствием в нем внутренних противоречий.

С учетом этого, как представляется, словосочетание «законные права» в названии и тексте ст. 23.26 КоАП используется весьма неудачно и слово «законные» необходимо было бы исключить, приведя тем самым текст рассматриваемой статьи в соответствие с установленными правилами нормотворчества.

Аналогичный пример некорректности использования терминов мы находим и в Концепции национальной безопасности Республики Беларусь. Согласно данному документу ослабление национально-культурной идентичности белорусской диаспоры, существенное ущемление законных прав и интересов соотечественников относится к числу основных внешних источников угроз национальной безопасности Беларуси в социальной сфере. Как видим, неточность имеет место в двух случаях. Во-первых, применительно к правам используется прилагательное «законные», что, как указывалось ранее, подразумевает существование и незаконных прав, чего быть не может. С другой стороны, не совсем ясно, о каких интересах соотечественников в концепции идет речь, хотя, как нам представляется, подразумеваются именно законные интересы. В этой связи уместно было бы отметить, что согласно ч. 3 ст. 23 закона «О нормативных правовых актах» термины, используемые в тексте нормативного правового акта, должны быть понятными и однозначными. С учетом этого полагаем необходимым внести изменения в п. 40 концепции, указав, что к числу основных внешних источников угроз национальной безопасности относится «существенное ущемление прав и законных интересов соотечественников». По нашему мнению, такая редакция является логичной и последовательной, отвечающей современным подходам к определению структуры правового положения гражданина.

Как представляется, внесение этих изменений будет способствовать устранению терминологической путаницы и приведению действующего законодательства в соответствие с требованиями юридической техники, а это, в свою очередь, позволит обеспечить качественную защиту прав, свобод и законных интересов граждан.

УСМОТРЕНИЕ В ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ

Жизнь в своих событиях и явлениях многообразна. Часть из них подлежит правовому регулированию, будь то запрет на совершение определенных действий либо рекомендация к их совершению. В таких случаях принято говорить о непосредственной реализации права. Особый интерес для теоретиков права представляет такая форма реализации, как его применение. В теории права правоприменение характеризуется следующими основными признаками: наличием особого субъекта применения права, наделенного, как правило, властными полномочиями; наличием конкретной жизненной ситуации, которую необходимо разрешить на основании действующих правовых норм. И если с первым признаком все понятно, так как перечень лиц-правоприменителей четко определен соответствующими нормативными правовыми актами, начиная от Конституции Республики Беларусь и заканчивая должностными обязанностями и инструкциями сотрудников учреждений и организаций различных форм собственности, то второй критерий создает благодатную почву для дискуссий, которые не прекращаются с Античности и до наших дней. Вот как обозначает данную проблему И.А. Ильин: «Право может устанавливать только общие, отвлеченные правила... Если бы законодатель попытался заменить общие нормы единичными императивами, приспособленными к индивидуальному поведению, то он поставил бы перед собой нелепую задачу бесплодной погони за бесконечным разнообразием индивидуального материала, число императивов оказалось бы бесконечным и строй жизни остался бы неурегулированным» [1, с. 230]. Таким образом, данным суждением вскрываются два важнейших аспекта правоприменения: 1) наличие либо отсутствие у правоприменителя возможности применения правовых норм по своему усмотрению, а также возможность действия вопреки правовым нормам либо при отсутствии таковых; 2) факторы, влияющие на выбор правоприменителем конкретной схемы поведения. Другими словами, речь идет об усмотрении в правоприменительной деятельности.

Рассмотрим более подробно первый проблемный блок. Суть вопроса состоит в том, что действующее позитивное право не всегда соответствует реалиям действительности в силу различных причин: изменившаяся

геополитическая, экономическая обстановка, несовершенство правотворческой деятельности и т. д. В таких случаях правоприменитель неизбежно приходит к необходимости действовать за пределами действующих норм во имя большей целесообразности, справедливости решения. В то же время возможность отступления от буквы закона создает предпосылки злоупотреблений и произвола правоприменителя.

Обозначенная полярность мнений прошла через века. Наиболее лаконично и емко о невозможности усмотрения в правоприменении выразился Ш.Л. Монтескье: «Судьи закона... не более как уста, произносящие слова закона, безжизненные существа, которые не могут ни умерить силу закона, ни смягчить его суровость» [2, с. 297]. Аналогичного мнения придерживались И. Кант, Г.В.Ф. Гегель, Ч. Бекариа. Дж. Локк, в свою очередь, утверждал обратное: «Власть действовать сообразно собственному разумению ради общественного блага, не опираясь на предписания закона, а иногда даже вопреки ему, и есть то, что называется прерогативой» [3, с. 356]. Таким образом, Дж. Локк не только указывал на возможность усмотрения в правоприменительной деятельности, но и на один из ее критериев – общественное благо.

Отсутствие единства мнений по этому поводу наблюдается и в юридической науке дореволюционной России. Так, Г.Ф. Шершеневич критически относится к возможности усмотрения в праве: «Применение норм права по началу справедливости или целесообразности уничтожает всякое значение издания общих правил. <...> Если решение судьи не должно противоречить его чувству справедливости, то законы, согласные с этим чувством, – излишни, а несогласные – бесполезны» [4, с. 713]. В противовес можно привести мнение С.А. Муромцева, который говорит: «Судья, сталкиваясь с несовершенством закона или его отсутствием, должен положиться на собственные силы приступить к регламентации гражданско-правового порядка, не дожидаясь, пока выступит законодатель» [5, с. 392]. Примечательно, что в центре внимания оппонентов оказывается личность судьи, т. е. правоприменителя, в качестве одного из факторов, влияющих на возможность усмотрения в праве.

Принимая во внимание вышеизложенные послы, а также учитывая нынешний этап развития правоприменительной деятельности, можно сделать следующие выводы: предпосылками для усмотрения в правоприменительной деятельности являются диспозитивные нормы права, относительно определенные или альтернативные санкции императивных норм права, оценочные понятия, пробелы в праве и коллизии законодательства. Поэтому усмотрение в применении права является неотъемлемой частью правоприменительной деятельности и позволяет правоприменителю в рамках правового поля динамично реагировать

на изменяющуюся окружающую обстановку, принимать наиболее оптимальное решение для разрешения конкретной жизненной ситуации.

Более многогранным представляется второй проблемный блок. Придя к выводу, что усмотрение является неотъемлемой частью правоприменения, мы должны определить критерии, которым должно соответствовать правоприменительное решение, содержащее усмотрение применителя.

Первым и безусловным критерием является законность данного решения. Мы говорим о непротиворечии его действующему законодательству, а в случае отсутствия такового – общим началам и смыслу законодательства.

Вторым и наиболее значимым критерием является то, что принятое решение должно быть справедливым. Существует ряд обстоятельств, затрудняющих использование данного критерия, а именно сложность познания характера справедливости; индивидуальный, а нередко и казуальный характер справедливости; оценочный, относительный характер категории справедливость и отсутствие единых универсальных критериев для проведения оценки; отсутствие возможности дать нормативное определение справедливости. Категория справедливости широко используется не только в юридической науке, но и в ряде других. Соответственно в каждой из наук справедливость имеет свое определение, отражающее особенности предмета познания. В то же время определение справедливости восходит к Античности, когда была выведена ее универсальная формула «каждому свое».

Для определения места справедливости в юридической науке хотелось бы привести мнение С.Г. Дробязко, который отмечает, что справедливость является «душой» права [6, с. 36]. В широком смысле справедливость может рассматриваться как основа права, т. е. универсального социального регулятора, призванного на основе социальных ценностей сглаживать конфликты, разрешать противоречия, обеспечивать порядок. В узком смысле мы рассматриваем справедливость как обобщающий, ведущий принцип, который выражается в принципах равенства всех перед законом, беспристрастности лица, принимающего правоприменительное решение, соответствии деяния и воздаяния за содеянное.

1. Ильин И.А. О сущности правосознания. М. : Рарогъ, 1993. 235 с.
2. Мотескье Ш.Л. О духе законов // Избр. произведения. М. : Госполитиздат, 1955. 730 с.
3. Локк Дж. Два трактата о правлении // Соч. : в 3 т. / М. : Мысль, 1988. Т. 3.
4. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. М. : 1912. Вып. 4. 805 с.
5. Муромцев С.А. Суд и закон в гражданском праве // Юрид. вестн. 1880. Т. 5. № 11–12. С. 377–393.
6. Дробязко С.Г., Козлов В.С. Общая теория права : учеб. пособие. Минск : БИП-С, 2003. 359 с.

ЗАРОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИСТОЧНИКОВ ПРАВА

Необходимым условием существования любого общества является регулирование отношений его членов. Право как особая система юридических норм возникает в истории общества в силу тех же причин и условий, что и государство. Можно сказать так: процессы возникновения государства и права идут параллельно. Разумеется, у разных народов и в разные эпохи правообразование имело свои особенности, однако существуют и общие закономерности [1, с. 50].

Уже в первобытно-общинном строе основным механизмом регулирования общественных отношений были обычаи. Они закрепляли выработанные на протяжении веков, как правило, самые рациональные и полезные для общества варианты поведения, которые передавались из поколения в поколение и, как следствие, отражали интересы всех членов общества. Таким образом, первобытные обычаи – это исторически сложившиеся и вошедшие в привычку правила поведения, регулирующие взаимоотношения людей при родоплеменной организации общества.

Следует отметить, что характерными чертами обычаев является то, что они складывались в результате многократного длительного применения, отличались нераздельностью прав и обязанностей (мононормы), существовали в сознании людей (неписанные нормы), обеспечивались общественным мнением и принуждением, а также выражали интересы всех членов рода (фратрии, племени).

Некоторые правоведы вполне справедливо нормы первобытного общества называют мононормами, так как это были одновременно и нормы организации общественной жизни, и нормы первобытной морали, и нормы религии, связанные с отправлением ритуалов [1, с. 51].

Мононормы имели естественно-природную основу и были продиктованы экономической необходимостью, они существовали в самом поведении и в сознании людей. Принятие таких норм поведения без каких-либо оговорок связано с тем, что человек на первобытном уровне, существуя в своем племени, не мог отделить себя от общества в силу различных причин (он добывал пищу, охотился и выжить мог только в составе племени, а не в одиночку).

До появления имущественного расслоения населения и социального неравенства общество не нуждалось в праве. Оно вполне могло обходиться и обходилось обычаями, опиравшимися на авторитет советов

старейшин и регулировавшими все общественные отношения. Однако положение коренным образом изменилось, когда появились группы, слои и классы со своими собственными, противоречащими друг другу и противоборствующими интересами. Родовые обычаи в новых условиях оказались бессильными. Возникла жизненная необходимость в новых правилах – регуляторах общественных отношений, которые бы учитывали коренные изменения в обществе и обеспечивались не только силой общественного воздействия, но и государственным принуждением. Таким регулятором и стало право [2].

Правовой обычай является одним из древнейших источников права, т. е. формой, в которой выражено правило поведения, сообщающее ему качество правовой нормы. Таким образом, под правовым обычаем, как источником права, следует понимать специфическую форму, в которой выражается правило поведения, созданное самим обществом, вошедшее в привычку людей, и которому придано значение общеобязательной нормы.

Само понятие и явление «источник права» сложилось именно с появлением государства. Только оно своей деятельностью породило множественность источников права, таких как закон, юридический прецедент, нормативный договор, доктрина, деятельность юристов, санкционированный обычай и др. В этой связи можно сказать, что правовую форму нормам обычаев придает именно государство путем их санкционирования [3].

Уровень развитости государственности на стыке столетий все более доказывает, что осуществление права в любой его форме, в том числе и обычноправовой, связано с деятельностью органов государства по правотворчеству, правоприменению и правоохране.

Существует несколько форм санкционирования государством обычных норм. Одной из самых ранних форм выступает собрание и фиксирование этих норм в писаных правовых источниках. К ним относятся древнейшие памятники права Индии, Греции, Франции, Германии, Древней Руси и т. д. Как уже упоминалось, ранее все эти государства трансформировали обычное право в законы. Этот процесс продолжается и сейчас, в основном в международном праве и в государствах традиционной правовой системы.

Современная теоретико-правовая литература выделяет четыре основных формы реализации права и лишь одна из них связана с деятельностью государства. Только государство является институтом, который обладает эксклюзивным правом на применение совершенного принуждения. Таким образом, санкционирование норм обычного права – гарантия со стороны государства в их общеобязательности [3].

1. Вишневский А.Ф., Горбатов Н.А., Кучинский В.А. Общая теория государства и права : курс лекций / под общ. ред. А.Ф. Вишневого. Минск : Тесей, 1998. 575 с.

2. Бабурин С.Н. Общая теория государства и права [Электронный ресурс]. 2002. Т. 1. Режим доступа: <http://go.microsoft.com/fwlink/?LinkId=69157> (дата обращения: 30.01.2013).

3. Малова О.В. Правовой обычай и его виды [Электронный ресурс]. 2001. Режим доступа: <http://www.law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1116992> (дата обращения: 30.01.2013).

УДК 340.130

Л.И. Данькова

СТАНОВЛЕНИЕ СУДЕБНОГО ПРЕЦЕДЕНТА КАК ИСТОЧНИКА ПРАВА В РОМАНО-ГЕРМАНСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ

Право и государство тесно взаимосвязаны друг с другом, но каждая страна строит свою правовую систему, принимая во внимание собственные особенности исторического развития. Родоначальник российской социологии М.М. Ковалевский, сравнивая историю разных народов, сделал следующие выводы: сходство условий, особенно стадий исторического развития, приводит к возникновению схожих правопорядков, возникающих даже у народов, не связанных между собой. Именно условия существования народа (материальные и культурные) определяют, по его мнению, возможность заимствования права [1, с. 60–68]. Поэтому правовые системы различных государств отличаются друг от друга и имеют свои особенности.

Правовая система – это совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих средств, регулирующих общественные отношения, а также элементы, характеризующие уровень правового развития той или иной страны [2, с. 239]. Н.И. Матузов рассматривал правовую систему «как сложное, собирательное, многоплановое понятие, отражающее всю совокупность юридических явлений общества» [3, с. 18].

«В некоторых правовых системах в какое-то время может быть так, что слишком многое приносится в жертву определенности, и что судебная интерпретация статутов или прецедентов слишком формальна, и таким образом, не способна реагировать на сходства и различия между случаями, которые заметны лишь тогда, когда рассматриваются в свете социальных целей... В связи с этим правовая теория имеет любопытную историю, ибо она склонна то игнорировать, то преувеличивать неопределенности юридических правил», – считал Г.Л.А. Харт [4, с. 133].

Самая часто используемая классификация правовых семей была дана французским ученым Р. Давидом. Он выделял романо-германскую, англосаксонскую и социалистическую правовые семьи [5, с. 21].

Романо-германская правовая семья объединяет правовые системы многих государств современного мирового сообщества. Сформировалась она на территории Европы в латинских (Италия, Испания, Португалия) и германских странах (Германия, Франция, Швеция, Норвегия, Дания). Здесь и сейчас ее центр, несмотря на то, что вследствие экспансии и рецепции многочисленные неевропейские страны присоединились к этой системе или позаимствовали у нее отдельные элементы.

Континентальная правовая семья прошла долгий путь становления и развития, который условно подразделяют на три этапа:

1) эпоха Римской империи – XII в. н. э. (зарождение римского права и его упадок в связи с гибелью Римской империи в 476 г.). В этот период происходит лишь формирование предпосылок для образования романо-германской правовой семьи, так как еще не существует единой системы права и судебной системы;

2) XIII–XVIII вв. (Возрождение (ренессанс римского права), достижение независимости права от королевской власти). На этом этапе начинается непосредственное изучение права в Европе, повышается интерес к естественному праву. Право изучается наряду с другими науками;

3) XVIII–XX вв. (кодификация права, принятие конституций (США, Франции и т. д.), появление отраслевых кодексов). Появляются новые отрасли права, такие как торговое и коммерческое право [6, с. 181].

К достоинствам романо-германской правовой системы относят четко организованную, непротиворечивую, а также иерархически структурированную систему законодательства. К недостаткам – наличие пробелов и некоторую оторванность от реальной жизни, поскольку законотворчество объективно не может предусмотреть все нюансы и изменения социальных отношений и не всегда поспевает за этими изменениями.

Законодатели стран континентальной Европы отрицательно относятся к прецедентам, считая, что судебная деятельность есть всецело деятельность подзаконная, не допускающая никаких предписаний и указаний со стороны равных или высших судебных учреждений относительно того или иного случая или при разрешении частного дела.

В действительности, судебный прецедент – древний источник права. Он широко использовался в государствах Древнего мира и в Средние века.

Судебный прецедент впервые встречается в Древнем Риме тогда, когда возникла необходимость толкования Законов XII таблиц преторами. Постепенно правила, сформулированные преторами, сложились в

систему обязательных правил – преторское право. В классический период развития римского права судья обладал большой свободой действий в вопросах оценки доказательств. Он не был связан какими-либо представленными в законе правилами оценки доказательств, а давал такую оценку по каждому отдельному доказательству исходя из собственного суждения [7, с. 83].

Широкая рецепция римского права в странах Западной Европы начинается примерно в XIII в., хотя его изучение в Средние века началось значительно раньше самого заимствования. Школа глоссаторов в Болонском университете начала изучать римское право еще в XI в. Для исследователей выявить результаты рецепции римского права достаточно трудно. Если под рецепцией понимать полную интеграцию зарубежной правовой системы (в историческом аспекте), то такой рецепции никогда не было. Так как право в первую очередь представляет собой текст нормативного правового акта (или судебного прецедента), то о полной рецепции можно говорить лишь в том случае, если произошел идентичный перенос правового текста. При этом данный документ должен был непротиворечиво встроиться в правовую культуру данного сообщества или государства. Отсюда вытекает следующий вывод: при заимствовании правового документа происходит его видоизменение и дальнейшая адаптация к местным существующим законам. В этой связи представляют определенный интерес размышления немецкого историка О. Шпенглера о рецепции римского права. «История западного права начинается совершенно независимо от уже полностью позабытого творения Юстиниана. О том, что Пандекты полностью утратили свое значение, свидетельствует тот факт, что они сохранились в единственной рукописи, найденной около 1050 г. [8, с. 77–78]. В качестве основных отличий западного права от античного ученый отмечал следующие: античности неизвестно судебское сословие, получающее для этой деятельности теоретическую и профессиональную подготовку; римский претор издает нормы, в соответствии с которыми собирается действовать, однако его преемника это никоим образом не связывает (отсутствие преемственности); в античности никогда не возникало даже мысли о всеобщем законодательстве, римское *jus civile* относилось строго к квиритам и различалось с *jus gentium*, между тем уже в «Саксонском зеркале» присутствует «как глубоко прочувствованная мысль, что на самом деле право может быть лишь одно» [8, с. 62–64].

Вывод, к которому пришел О. Шпенглер, однозначным назвать нельзя: «Западноевропейское правовое мышление, переняв античные слова, усвоило лишь поверхностное их значение. В контексте раскрывается

лишь логическое словоупотребление, но не жизнь, лежащая в их основе. Умолкнувшую метафизику правовых понятий не пробудить мышлением чуждых ей людей, сколько бы они их не применяли. Ведь самое главное, глубинное подразумевается здесь само собой, ни в каком праве в мире о нем не говорится... Всякое право есть по преимуществу обычное право: пускай себе закон определяет слова – жизнь их истолковывает. Но когда ученые желают навязать своему собственному праву рассматриваемый ими чужой юридический язык с присущей тому понятийной схемой, понятия остаются пустыми, а жизнь – немой. Право делается не оружием, но обузой, и действовать продолжает дальше не вместе с историей права, но помимо нее» [8, с. 85]. И далее: «Римское право перестало быть для нас источником вечно значимых фундаментальных понятий. Для нас оно ценно как свидетельство отношений, существовавших между римским бытием – римскими правовыми понятиями. Оно может нас научить тому, как на основании собственного опыта выстроить собственное право» [8, с. 87].

Но так было не всегда. В процессе становления права на европейском континенте за судебным прецедентом признавали полный авторитет общеобязательных норм, не говоря уже об эпохе Варварских правд и капитуляриев (V–X вв.), когда вообще не отличали судебный приговор от закона. Право создавалось и применялось в судах вплоть до XVIII в. в форме отдельных судебных решений, которым присваивалась обязательная сила прецедентов. Например, в Баварии уже Кодекс Максимилиана (1756 г.) признал за судебными прецедентами силу казуального толкования права: «данные высшей судебной инстанцией приговоры и прецеденты хотя и не имеют значения общего писаного закона, но в сомнительных тождественных случаях служат для казуального толкования, и потому здесь нужно избегать всякого противоречия» [9, с. 28].

Таким образом, романо-германская правовая система прошла долгий путь становления и развития. В каждом отдельном государстве Европы формирование национальной правовой системы базировалось на изучении римского права и соединялось с записью норм страны и организацией этих норм в определенную систему.

К достоинствам романо-германской правовой системы относят четко организованную, непротиворечивую и иерархически структурированную систему законодательства, к недостаткам – наличие пробелов и некоторую оторванность от реальной жизни, поскольку законодатель объективно не может предусмотреть все изменения быстро меняющихся социальных отношений и не всегда поспевает за этими изменениями. Судебный прецедент впервые встречается в Древнем Риме, когда возни-

кает необходимость толкования Законов XII таблиц преторами. Древнеримский судья в классический период развития римского права не был связан какими-либо представленными в законе правилами оценки доказательств, а давал такую оценку по каждому отдельному доказательству исходя из собственного суждения.

Широкая рецепция римского права в странах Западной Европы начинается примерно в XIII в., хотя еще в XI в. школой глоссаторов в Болонском университете делались попытки его изучения и трактовки.

1. Ковалевский М.М. Социология : в 2 т. СПб. : Алетей, 1997.
2. Иванов А.А. Справочник по теории государства и права: основные категории и понятия. М. : Экзамен, 2007.
3. Матузов Н.И. Правовая система развитого социализма // Совет. государство и право. 1983. № 1.
4. Харт Г.Л.А. Понятие права. СПб. : Из-во С.-Петерб. ун-та, 2007.
5. Давид Р. Основные правовые системы современности. М. : Юрид. лит., 1999.
6. Матузов Н.И., Манько А.В. Теория государства и права. М. : Юристъ, 2006.
7. Аннерс Э. История европейского права. М. : Наука, 1994.
8. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки мифологии мировой истории. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы. М. : Мысль, 1998.
9. Демченко Г.В. Судебный прецедент. Варшава, 1903.

УДК 340.124

В.С. Новикова

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЫ

В настоящее время многие исследователи в области права заинтересованы в проблеме определения места правовой доктрины в системе источников права. Правовая доктрина во многих правовых системах признается одним из важнейших источников права. Проблема определения правовой доктрины, а также вопрос признания правовой доктрины в качестве источника права в Республике Беларусь является актуальным и дискуссионным. Однако несмотря на заинтересованность ученых-правоведов в данной тематике, подавляющее число монографий, статей и иных видов научных работ выходят из-под пера российских исследователей [1, с. 42–47].

С целью анализа места доктрины в системе источников права обратимся к дефиниции правовой доктрины. Правовая доктрина является одним из самых древних источников права наряду с правовым обычаем. Наиболее простая дефиниция правовой доктрины следующая: правовая

доктрина – придание некоторым положениям научных работ в области юриспруденции общеобязательного значения [2, с. 31–35].

Свои истоки доктрина берет из римского права: в 426 г. был принят Закон о цитировании, согласно которому положения работ наиболее известных юристов признавались обязательными для судей. Данные положения представляли собой собрание юридических сентенций более 30 самых авторитетных юристов, в том числе «золотой пятерки» римского права: Гая, Павла, Ульпиана, Папиниана и Модестина. Начиная с римского императора Августа, работам вышеуказанных юристов был придан особый статус, который подразумевал, что решение по делу судья может выносить не только на основании действовавших в то время законов, но и ссылаясь на высказывания юристов.

Именно в римском праве, которое впоследствии сыграло немалую роль в формировании многих правовых систем, стало использоваться мнение наиболее авторитетных юристов в качестве источника права [3, с. 106].

Правовая доктрина используется при наличии пробела в законодательстве. В течение долгого времени доктрина являлась источником права, характерным для англо саксонской правовой семьи. Примерами правовых доктрин в Великобритании являются труды Блэкстона («Комментарии законов Англии», 1765), Фостера («Решения королевских судов», 1763), а также Дж. Локка, Дж. Милля и др.

Практическая значимость доктрины варьируется в зависимости от эпохи и времени. Л.И. Петражицкий приводит специальные правила, принятые в связи с появлением правовой доктрины: «...мнения семи докторов права равняются общему мнению...» [4, с. 590].

Часто понятие правовой доктрины употребляется как синоним понятия юридической науки. На сегодняшний момент вопрос о том, существуют ли различия между правовой доктриной и юридической наукой, является дискуссионным. Также существуют дефиниции правовой доктрины, уравнивающие вышеуказанные понятия. Однако, на наш взгляд, отождествлять доктрину и юридическую науку не представляется возможным, так как такой подход к определению понятия правовой доктрины слишком узок.

С точки зрения Р.В. Пузикова, не все положения юридической науки являются доктриной, а только те, которые признаются известными юристами, встречаются в правоприменительной практике, а также являются основанием какой-либо школы или направления.

Точка зрения Р.В. Пузикова вытекает из утверждений известного исследователя в области права Н.Ф. Коркунова, который полагал, что основным отличием юридической науки от правовой доктрины явля-

ется степень обязательности их использования: признаком обязательности начал, выработанных наукой, может служить лишь усвоение их судебной практикой.

Особого внимания заслуживает вопрос о возможности правовой доктрины выступать в качестве официального источника права. Ученых-правоведов, учитывая их мнения по вышеуказанному вопросу, можно разделить на две группы.

Первая группа исследователей представлена И.Ю. Богдановской, В.М. Сырых, В.В. Сорокиным и др. Эти ученые считают, что правовая доктрина может выступать в качестве официального источника права. Вторая группа ученых, возглавляемая Н.Н. Вопленко, полагает, что правовую доктрину можно назвать источником права лишь условно, так как доктрина представляет собой нетрадиционный источник права [5, с. 22–31]. Такое разделение исследователей не является окончательным, так как существуют ученые-правоведы, мнение которых не вписывается ни в одну из вышеописанных групп. Ярким примером является М.Н. Марченко, который источником права романо-германской правовой семьи правовую доктрину не называет даже условно [6, с. 605–610]. Однако несмотря на важность и дискуссионность вопроса о существовании правовой доктрины, в юридической науке не сформировалось единой дефиниции данной категории.

Таким образом, учитывая различные дефиниции, данные учеными-правоведами, можно вывести следующее определение правовой доктрины – это система идей о праве, выражающих определенные интересы, определяющих содержание правовой системы и непосредственно воздействующих на волю и сознание субъектов права, признаваемых в качестве обязательных путем ссылки на труды авторитетных знатоков права в нормативных правовых актах или юридической практике в силу их авторитета и общепринятости.

1. Зеленкевич И.С. Правовая доктрина и правовая наука: некоторые аспекты соотношения и использования в качестве источников права // Сев.-Вост. науч. журн. 2010. № 2. С. 42–47.

2. Батурина С.В. Правовая доктрина как элемент российской правовой системы // Юрист-Правовед. 2008. № 4.

3. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности / пер. с фр. В.А. Туманова. М., 2003.

4. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности : в 2 т. СПб., 1910. Т. II.

5. Рожнов А.П. Нетрадиционные источники права в правовой системе // Вестн. ВолГУ. Сер. 5. 2001. Вып. 4.

6. Марченко М.Н. Источники права : учеб. пособие. М., 2006.

КУЛЬТУРНЫЕ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Культурные права человека – особый комплекс прав и свобод человека, гарантированных конституцией или законом и предоставляющих возможности самореализации человека в сфере культурной и научной жизни. К культурным правам человека относятся: право на образование, свобода преподавания, свобода творчества, право на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры, право на доступ к культурным ценностям. Развитию культурных прав способствовали Флорентийское соглашение 1950 г. с Найробийским протоколом к нему 1976 г., Всемирная конвенция об авторском праве 1952 г., Европейская конвенция по культуре 1954 г. (Серия Европейских договоров № 18), Декларация принципов международного культурного сотрудничества 1966 г., Европейская конвенция об охране археологического наследия 1969 г. (Серия Европейских договоров № 66), Конвенция о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности 1970 г., Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия 1972 г., Рекомендация о положении творческих работников 1980 г. и Рекомендация о сохранении фольклора 1989 г., Европейская конвенция по правонарушениям, связанным с культурными ценностями, 1985 г. (Серия Европейских договоров № 119). Большое значение имели выводы Всемирной конференции по политике в области культуры (МОНДИАКУЛЬТ, Мехико, 1982 г.), Всемирной комиссии по культуре и развитию («Наше творческое разнообразие», 1995 г.) и Межправительственной конференции по политике в области культуры в целях развития (Стокгольм, 1998 г.).

Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах был принят Генеральной Ассамблеей ООН 16 декабря 1966 г. и вступил в силу 3 января 1976 г. На март 2012 г. пакт ратифицирован 167 государствами. Для вступления протокола в силу необходима его ратификация 10 странами – участниками пакта (на октябрь 2012 г. протокол ратифицирован 8 странами). Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии, принятая на 31 сессии Генеральной конференции 2 ноября 2001 г., утверждает, что каждый человек должен иметь возможность участвовать в культурной жизни по своему выбору и при-держиваться своих культурных традиций в пределах, определяемых со-

блюдением прав человека и основных свобод. Генеральная конференция, будучи привержена цели обеспечения в полном объеме прав человека и основных свобод, провозглашенных во Всеобщей декларации прав человека и других общепризнанных правовых актах: два международных пакта 1966 г., один из которых касается гражданских и политических прав, а другой – экономических, социальных и культурных прав.

Культурные права провозглашаются неотъемлемой составляющей прав человека, которые являются универсальными, неразделимыми и взаимозависимыми. Необходимым условием для развития творческого разнообразия является реализация в полном объеме культурных прав как они определены в ст. 27 Всеобщей декларации прав человека и в ст. 13 и 15 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах. Соответственно каждый человек должен иметь возможность для самовыражения, творчества и распространения своих произведений на любом языке по своему выбору, и в частности на своем родном языке; каждый человек имеет право на качественное образование и профессиональную подготовку в условиях полного уважения его культурной самобытности; каждый человек должен иметь возможность участвовать в культурной жизни по своему выбору и придерживаться своих культурных традиций в пределах, определяемых соблюдением прав человека и основных свобод. В декларации культурное разнообразие рассматривается как общее достояние человечества и как фактор развития. Права человека являются гарантией культурного разнообразия [1].

В законе Республики Беларусь от 25 октября 2000 г. № 440-З «О правах ребенка» в ст. 22 «Приобщение к национальной и мировой культуре. Право на защиту от информации, пропаганды, агитации, наносящих вред здоровью, нравственному и духовному развитию ребенка» говорится о том, что государство обеспечивает детям возможность приобщения к истории, традициям и духовным ценностям народа Республики Беларусь и достижениям мировой культуры. С этой целью поощряется создание государственных и общественных организаций для развития способностей детей к науке и творчеству, осуществляются выпуск кино- и видеофильмов, теле- и радиопередач, издание детских газет, журналов и книг, обеспечивается их доступность. Ребенок имеет право на защиту от информации, пропаганды и агитации, наносящих вред его здоровью, нравственному и духовному развитию. Порядок реализации этого права определяется в соответствии с законодательством Республики Беларусь [2].

В законе от 4 июня 1991 г. № 832-ХІІ «О культуре в Республике Беларусь» отмечается, что закон направлен на реализацию суверенных прав Республики Беларусь в области культуры; осуществление

принципов идеологической и политической независимости культуры от общественно-политических структур; создание правовых условий для свободного саморазвития культурных процессов; обеспечение материальных и финансовых гарантий развития культуры и социальной защиты работников культуры в условиях рыночных отношений. В ст. 2 «Задачи законодательства о культуре» подчеркивается, что законодательство Республики Беларусь о культуре регулирует общественные отношения по установлению организационно-правовых и экономических гарантий создания, сохранения, распространения и популяризации произведений материальной и духовной культуры, по сохранению и передаче культурных традиций, по охране исторических и культурных ценностей в целях возрождения и развития белорусской национальной культуры и культур национальных сообществ Белоруссии как составной части общечеловеческой культуры; формирование культурной среды, моральных начал, эстетических взглядов и вкусов народа и приобщение его к художественному творчеству, к гуманистическим ценностям культуры.

В ст. 3 определены основные принципы культурной деятельности в Республике Беларусь: свобода творческой деятельности и саморазвитие культурных процессов, плюрализм направлений и стилей в творчестве, отказ от монополизма в культуре; защита интеллектуальной собственности; общедоступность духовных ценностей; право на беспрепятственную культуротворческую деятельность на территории Республики Беларусь для всех национальных сообществ; приоритет условий для развития белорусской национальной культуры; гуманистическая направленность, усиление личностного начала в культурной деятельности, ориентация на общечеловеческие ценности, высокоморальный характер культуры; обеспечение связей белорусской национальной культуры с культурами других народов; соединение государственных и общественных начал в организации культурной деятельности; полная самостоятельность культурной деятельности Республики Беларусь.

С.Н. Молчанов отмечает, что в настоящее время в рамках Совета Европы или под его эгидой принято более 150 правовых актов, регулирующих юридический статус культурных ценностей и регламентирующих культурные права коренных народов, национальных меньшинств, а также культурные права человека [3].

1. www.un.org/decl_diverity.pdf

2. <http://ddu234.minsk.edu.by/ru/main.aspx?guid=1761>

3. <http://www.patrimony.ru/heritage@etel.ru>

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ ПРАВОВЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

Мифотворчество рассматривается как важнейшее явление в культурной истории человечества. Мифология – совокупность сказаний о богах и героях и в то же время система фантастических представлений о мире [1, с. 634–635]. Мифические представления о земных порядках и в целом опыт мифологического подхода к организации общественной жизни людей оказали значительное влияние на последующую политико-правовую мысль – как непосредственно в эпоху формирования религиозных, философских и зачаточно-научных концепций политики, государства и права, так и в последующие периоды развития политических и правовых учений. Это обусловлено тем, что миф, как исторически первая, достаточно продуктивная и весьма долго господствовавшая форма духовного освоения действительности (в том числе и политико-правовой), заложил те исходные традиции в понимании и трактовке всех основных сфер жизни людей, с которыми в дальнейшем не могли не считаться искусство, религия, философия, наука. В мифах, которые являются транслятором ценностных ориентаций, правовая действительность оценивается с позиции знания о должном и справедливом.

Политические и правовые учения в строгом и специальном смысле этого понятия появились лишь в ходе довольно долгого существования раннеклассовых обществ и государств. В теоретико-познавательном плане генезис политических и правовых учений (теорий) проходил в русле постепенной рационализации первоначальных мифических представлений. В своем возникновении политико-правовая мысль у древних народов на Востоке и Западе – у древних египтян, индусов, китайцев, вавилонян, персов, евреев, греков, римлян и др. – восходит к мифологическим истокам и оперирует мифическими представлениями о месте человека в мире [2].

Для мифов характерно тождество информативного (сообщение об имевших место событиях и знаменательных деяниях богов) и нормативного (безусловная необходимость для людей считаться с этими событиями и т. д.) моментов повествования о мифических фактах. Земные порядки согласно древним мифам являются неразрывной частью общемировых, космических порядков, имеющих божественное происхождение.

В славянской мифологии Белбог является хранителем и подателем добра, удачи, справедливости, счастья. Белбог и Чернобог – божества дневного света и тьмы, добра и зла. В русле такого понимания и освещается в мифе тема земной жизни людей, их общественного и государственного устройства, их взаимоотношений между собой и с богами, их прав и обязанностей – всего того, что им позволено и что им запрещено.

В соответствии с мифическими и религиозными воззрениями древних египтян правду, справедливость и правосудие олицетворяет богиня Маат (Ма-ат). Судьи носили изображение этой богини и считались ее жрецами. Божественный характер земной власти (фараона, жрецов и чиновников) и официально одобренных правил поведения, в том числе и основных источников тогдашнего права (обычаев, законов, судебных решений), означал, что все они соответствуют (или должны по своему смыслу соответствовать) ма-ат – естественно-божественному порядку справедливости. Понятие «ма-ат» здесь несет по существу ту же смысловую нагрузку, что и понятия «рта» (рита) – в Ригведе (священных гимнах индоариев), «дао» – в древнекитайской мифологии, «дике» – у древних греков и т. д. Речь во всех этих случаях идет о «справедливости», которая в последующих естественно-правовых концепциях правопонимания стала обозначаться как естественное (или естественно-божественное) право.

В целом ряде древнеегипетских источников, в частности в «Поучении Птахотепа» (XXVIII в. до н. э.), «Книге мертвых» (ок. XXV–XXIV в. до н. э.), «Поучении гераклеопольского царя своему сыну» (ок. XXII в. до н. э.), присутствует представление о естественном равенстве всех свободных («нет рожденного мудрым») и обосновывается необходимость соответствия поведения человека принципу – своеобразному критерию добродетельного и справедливого поведения.

В древнешумерском мифе, воспринятом в дальнейшем (во 2-м тысячелетии до н. э.) в Вавилоне, в качестве покровителя справедливости, защитника слабых и теснимых фигурирует бог Шамаш, жестоко карающий все злое, лживое, несправедливое и неправо. Всякого, кто нарушит «стезю Шамаша» – путь правды, справедливости и права, ждет по тогдашним правопредставлениям неминуемая и суровая кара. Преступить «стезю Шамаша» означало совершить преступление, нарушить право.

Мифически и религиозно окрашенные представления о дозволенном и недозволенном, справедливом и несправедливом существенным образом влияли на источники древнеегипетского права – нормы обычного права, законодательство, административные распоряжения и судебные решения. Заметное развитие законодательство получает уже в конце

3-го – начале 2-го тысячелетия до н. э. в городах-государствах Южного Двуречья. В Шумере и Вавилоне, как и в Древнем Египте, представления о праве и законе не развились до теоретических положений и концепций. Соответствующие воззрения в сфере тогдашнего правопонимания, не получившие самостоятельной разработки, вместе с тем получили достаточное отражение в ряде других источников (мифологии, иных памятниках духовного творчества, законодательных актах и т. д.). Так, в древнешумерском мифе о божественном сотворении мира и человека говорится о противоположности добра и зла, справедливости и несправедливости. Упорядочение мира светлым и мудрым богом Мардуком в его небесной схватке с богиней Тиамту (олицетворявшей первоначальный беспорядок и хаос) изображается в мифе как торжество добра, справедливости, порядка над тьмой, злом, неправдой. В специфичном контексте мифологической интерпретации эта победа, несомненно, значима и для человеческих отношений, принципом упорядочения которых по смыслу мифа выступает божественная справедливость. Победа справедливости есть вместе с тем согласно логике мифа утверждение правового начала и права вообще как торжества права над неправом. Миф тем самым отражает представление о божественном происхождении, источнике и характере справедливости и права как принципа взаимоотношений в божественных и человеческих делах. Сохранился и другой миф, повествующий о том, что некоторые разумные «рыбоподобные» существа (Оанн и др.) научили людей знанию и искусству, умению создавать города и законы.

До того, как понятие «право» стало самостоятельным предметом рефлексии, миф служил инструментарием, проводником, связывающим «мир права» с общественным поведением, общественной жизнью людей. На современном этапе развития общества мифы являются ценным источником формирования правовых представлений у молодежи. Образно-эмоциональная основа мифов помогает осмыслить правовые нормы, осознать необходимость их реализации.

1. Мифологический словарь / гл. ред. Е.М. Мелетинский. М. : Совет. энцикл., 1990.
2. Мифы и легенды народов мира. М. : Махаон, 2005.

ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВ ПРАВА В ИСТОРИКО-ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

УДК 34(476)(09)

Н.А. Слободчиков

О ДОСТОВЕРНОСТИ ИСТОРИЧЕСКИХ ФАКТОВ О БЕЛОРУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Образование советского белорусского государства сопровождалось формированием механизма новой государственной власти. В процессе его создания широко использовался опыт российской государственности. В то же время в Белоруссии не было механического копирования ее государственных структур. В создании и функционировании государственного аппарата Белоруссии учитывались национальные особенности, исторические условия, социально-экономическое и политическое состояние страны, обстановка конкретного периода. Эта особенность ярко проявилась в системе высших органов власти, в том числе органов, выполнявших правительственные функции. Типичный для советского государства переходного периода правительственный орган – Совет Народных Комиссаров в Белорусской ССР был образован лишь в конце 1920 г. Однако эти обстоятельства в белорусской историографии не всегда учитываются или излагаются ошибочно.

30 декабря 1918 г. I съезд Коммунистической партии Белоруссии, выражая волю народных масс, единодушно высказался за необходимость образования Белорусской ССР. Создание самостоятельного белорусского государства порождало необходимость формирования его правительственного органа. Таким органом явилось Временное рабоче-крестьянское советское правительство Белоруссии.

В условиях военного времени Временное рабоче-крестьянское правительство Белоруссии не могло в полной мере заниматься вопросами хозяйственной и социально-культурной жизни. Основное внимание оно уделяло обороне страны, организации защиты завоеваний Октября, решению продовольственной проблемы, а также организации и укреплению государственного аппарата республики.

2 февраля 1919 г. в Минске открылся I Всебелорусский съезд Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Временное рабоче-крестьянское правительство представило съезду отчет о своей деятельности и сложило свои полномочия. В соответствии с принятой съездом Кон-

ституцией БССР выполнение правительственных функций возлагалось на Большой Президиум Центрального Исполнительного Комитета.

Особенность в наименовании этого органа привела некоторых исследователей к выводу, будто Конституция БССР 1919 г. не предусматривала в структуре центральных органов республики правительства. Такое утверждение ошибочно. Большой Президиум ЦИК Белоруссии по порядку формирования, правовому положению и возложенным на него функциям в целом был подобен Совету Народных Комиссаров РСФСР. Статьи 29 и 30 Конституции БССР, посвященные правовому положению Большого Президиума ЦИК, полностью совпадали со ст. 37 и 38 Конституции РСФСР 1918 г., определявшими назначение и полномочия Совнаркома Российской Федерации.

Значение Большого Президиума ЦИК БССР как правительства республики подчеркивалось дополнительным наименованием этого органа. При образовании его 5 февраля 1919 г. на сессии Центрального Исполнительного Комитета Белоруссии он был назван «Большой Президиум ЦИК (Совет Комиссаров)». Дополнительное название «Совет Комиссаров» сохранялось за Большим Президиумом постоянно. При обсуждении Центральным бюро Компартии Белоруссии в декабре 1920 г. проекта дополнений к Конституции БССР в отношении правительства стоял вопрос не о его создании, а лишь о переименовании. Было принято решение переименовать Совет Комиссаров в Совет Народных Комиссаров. Более того, задолго до переименования Большой Президиум ЦИК (Совет Комиссаров) во многих официальных документах именовался Советом Народных Комиссаров.

В литературе встречаются различные объяснения особенностей построения центральных органов БССР по Конституции 1919 г. Причиной выполнения Большим Президиумом ЦИК БССР правительственных функций некоторые исследователи считают недостаточный опыт государственного строительства в Белоруссии, стремление к старым (областным) формам управления.

Такое объяснение представляется недостаточно точным. Компартия и правительство Белоруссии широко использовали опыт государственного строительства и нормотворческой деятельности Российской Федерации. Конституция РСФСР 1918 г. служила образцом для Белорусской Республики при разработке ее Основного Закона. Следовательно, объективно Белорусская ССР могла закрепить в своей Конституции конструкцию органов власти, аналогичную системе органов РСФСР. Поэтому следует признать, что причины эти были обусловлены не столько отсутствием опыта, сколько конкретной исторической обстановкой, положением Белорусской ССР в период принятия ее первой Конституции.

Одними из основных факторов предельного упрощения центрального аппарата Белорусской ССР были незначительность ее территории и экономическая слабость. На структуре центральных органов власти БССР не могло не сказаться и то обстоятельство, что в процессе выработки и принятия ее первой Конституции по существу был решен вопрос о слиянии Литвы и Белоруссии в единую республику.

Наряду с Большим Президиумом ЦИК в системе центральных органов республики Конституцией 1919 г. предусматривалось создание Малого Президиума ЦИК. Общий орган для ЦИК и Большого Президиума ЦИК, Малый Президиум являлся оперативным органом революционной власти.

Угроза военного нападения со стороны буржуазно-помещичьей Польши, борьба с внутренней контрреволюцией обусловили необходимость слияния близких в социально-экономическом и политическом отношении соседних республик – Белорусской и Литовской. 27 февраля 1919 г. в соответствии с решением I Всебелорусского съезда Советов и I съезда Советов Литвы об образовании Советской Социалистической Республики Литвы и Белоруссии (Литбел) на объединенном заседании Центральных Исполнительных Комитетов Белоруссии и Литвы были сформированы Центральный Исполнительный Комитет Литовско-Белорусской ССР, его Президиум, образовано правительство – Совет Народных Комиссаров Литбел. С образованием СНК Литбел прекратилось функционирование Большого Президиума ЦИК БССР.

По своему составу Совет Народных Комиссаров Литбел не имел существенных различий с Большим Президиумом ЦИК БССР. Чтобы не загружать Совет Народных Комиссаров рассмотрением второстепенных и несложных текущих вопросов, 1 марта 1919 г. по образцу Малого Совнаркома РСФСР был создан вспомогательный орган – Малый Совет (Малый Совнарком).

С момента своего возникновения Совет Народных Комиссаров Литбел приступил к объединению революционных сил Литвы и Белоруссии, к мобилизации их на борьбу против иностранных захватчиков и внутренней контрреволюции, к социалистическому строительству, созданию и налаживанию деятельности государственного аппарата.

К середине июля 1919 г. большая часть территории Литовско-Белорусской ССР была оккупирована войсками буржуазной Польши. Необходимость в функционировании ряда центральных органов, в том числе и Совета Народных Комиссаров, отпала. Выполняя постановление Президиума ЦИК Литбел, Совнарком республики на своем последнем заседании 19 июля принял решение о передаче своих функций Минскому губернскому военно-революционному комитету.

С учетом того, что в Литву вернулись капиталистические порядки, необходимость в сохранении Литовско-Белорусской Республики отпала. 31 июля 1920 г. в Минске на заседании Минского губернского военно-революционного комитета, ЦК Компартии Литвы и Белоруссии, представителей общественных организаций была принята Декларация о провозглашении независимости Социалистической Советской Республики Белоруссии. В декларации указывалось, что впредь до созыва Всебелорусского съезда Советов высшая власть в республике осуществляется Военно-революционным комитетом БССР.

Чрезвычайный орган власти, функции которого зависели от обстановки и были ограничены во времени, Военревком БССР в отличие от обычных правительственных органов был простым по структуре и малочисленным по составу. В него входили шесть человек. Руководители его отраслевых отделов, переименованных в комиссариаты, в состав Военревкома не входили.

13 декабря 1920 г. в Минске открылся II Всебелорусский съезд Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Военно-революционный комитет БССР сложил свои полномочия. Съезд высоко оценил деятельность ВРК по управлению республикой в сложных политических условиях и принял дополнения к Конституции, которыми предусматривалось образование в системе центральных органов БССР Совета Народных Комиссаров.

Так, в процессе создания и упрочения белорусского социалистического государства Временное рабоче-крестьянское правительство, Большой Президиум ЦИК БССР, Совет Народных Комиссаров Литбел, а затем Военно-революционный комитет БССР последовательно и настойчиво осуществляли правительственные функции молодого государства по социалистическому преобразованию белорусского общества.

УДК 34(476)(09)

А.М. Сувалаў

АРГАНІЗАЦЫЙНА-ПРАВОВЫЯ МЕРАПРЫЕМСТВЫ ПА ЗАБАРОНЕ ПУБЛІКАЦЫІ БЕЛАРУСКІХ ТЭКСТАЎ ЛАЦІНСКІМ ШРЫФТАМ У РАСІЙСКОЙ ІМПЕРЫІ

Беларусь увайшла ў склад Расійскай імперыі ў канцы XVIII ст. у выніку трох падзелаў Рэчы Паспалітай паміж Расіяй, Аўстрыяй і Прусіяй, а таксама Тэлызіцкага міру 1807 г. Расійская грамадскасць таго

часу даволі слаба ўяўляла, што такое Беларусь. Хрэстаматычным у гэтым плане можна лічыць прыклад з акадэмікам В. Севяргіным, які бачыў у Беларусі толькі правінцыю Польшчы, а ў беларусах – палякаў. За час сваіх падарожжаў па Беларусі ў 1802 і 1803 гг. ён так і не змог заўважыць блізкасці паміж мовамі велікарусаў і беларусаў, сцвярджаючы, што ва ўсёй Беларусі добра выхаваныя жыхары гавораць чыстай польскай мовай, а просты народ польскай моваю сапсаванай [1, с. 110]. Больш таго, нават беларускіх праваслаўных з Падляшша ён называў на польскі манер «шызматыкамі» (гэта значыць схізматыкамі), не прызнаючы ў іх блізкіх велікарусам па крыві. Тое ж і ў адносінах да ўніятаў, якія, па яго ж уласных словах, самі сябе называлі «расіянамі» [2, с. 93]. В. Севяргін быў далёка не адзіны ў сваіх поглядах. У XVIII – пачатку XIX ст. шмат хто глядзеў на землі Беларусі як на этнічна польскія тэрыторыі. Падобныя погляды прасочваюцца, напрыклад, у «Атласе», апублікаваным у 1745 г. Акадэміяй навук Расіі [3, с. 7], «Опыте исторического словаря о российских писателях» 1772 г. выдання М. Новікава [4, с. 108] або ў «Записках» К. Дашковай [5, с. 136–137]. Нямала гэтаму спрыялі і самі польскія дзеячы. Вядома, што Аляксандар I пад іх уплывам (перш за ўсё бліжэйшага яго сябра князя Адама Чартарыйскага) намерваўся аднавіць старую Польшчу і вярнуць ёй далучаныя да Расіі заходнія губерні. А дэкабрысты абяцалі Польшкаму Патрыятычнаму таварыству ўстанаўленне новых межаў і перадачу Польшчы Гродзенскай і частак Віленскай, Мінскай і Валынскай губерняў [6, с. 136]. Да гэтага можна дадаць, што згодна «Рускай Праўдзе» П. Пестэля беларусы не валодалі правам асобнай народнасці (гэта значыць не маглі прэтэндаваць на ўтварэнне асобнай дзяржавы). Таму частка тэрыторый Беларусі (Гродзенская і Віленская губерні цалкам і Мінская губерня часткова) павінна была быць згодна «Рускай Праўдзе» перададзена Польшчы як недастаткова абрусевшая, а астатняя Беларусь пакідалася за Расіяй [7, с. 125]. Праект Канстытуцыі М.М. Мураўёва таксама не ўлічваў нацыянальных асаблівасцей расійскіх ускраін і прадугледжваў утварэнне федэратыўных адзінак – дзяржаў як тэрытарыяльна-гаспадарчых утварэнняў, пазбаўленых нацыянальнага характару. Расія прадстаўлялася выключна рускай дзяржавай, іншыя народнасці гублялі нават права на сваё імя [8, с. 104–131].

Такім чынам, да паўстання 1830–1831 гг. у Беларусі мелася значная свабода для польскай прапаганды і паланізацыі. Цэнтрам паланізацыі быў Віленскі ўніверсітэт, які з’яўляўся галоўнай установай Віленскай вучэбнай акругі. Па сведчанню М.В. Каяловіча, за перыяд з канца XVIII да пачатку XIX ст. Беларусь была паланізавана больш, чым за ўвесь папярэдні час свайго сумеснага жыцця з Польшчаю [9, с. 16]. Разам з тым Віленскі

ўніверсітэт у плане гістарычнага вывучэння Беларусі быў самым значным цэнтрам у першай чвэрці XIX ст. Менавіта тут сярод прафесарскага складу ўзнікла група, якая на аснове вывучэння гістарычнага мінулага сваёй радзімы прыйшла да разумення самастойнасці ВКЛ як дзяржавы ў мінулым. Указаная ідэя аб незалежнасці ВКЛ прасочваецца, па меркаванню М.В. Каяловіча, у працах такіх вучоных, як І. Даніловіч, Т. Нарбут і І. Ярашэвіч [9, с. 16–17].

Пасля падаўлення паўстання 1830–1831 гг. стаўленне да Беларусі кардынальна мяняецца. Пачынаецца барацьба з польскім уплывам у гэтым рэгіёне, якая атрымала афіцыйную назву «русіфікацыя Заходняга краю». Русіфікацыя прадугледжвала перш за ўсё ачышчэнне краю ад польскіх насленняў. Ужо ў канцы 50-х гг. XIX ст. імператар Аляксандр II заяўляў пра Беларусь: край ніколі не быў самастойным і ніколі не лічыўся за ізноў набыты; ён толькі быў адабраны ад Польшчы як спрадвечная ўласнасць Расіі [10, с. 127]. З гэтага часу ўрадавыя структуры не дапускалі нават думкі аб магчымасці перагледзець стаўленне да Беларусі і беларусаў як да выключна рускай тэрыторыі і галіны рускага народа. У афіцыйнай расійскай гістарычнай навуцы падобнае стаўленне захоўвалася да канца існавання Расійскай імперыі [11, с. 20, 42; 12, с. 70; 13, с. 294–296; 14, с. 1].

Падаўленне паўстання 1863–1864 гг. надало новы штуршок палітыцы русіфікацыі. Пасля адмены ваеннага становішча выключныя законы, якія былі ўведзены ў час паўстання, працягвалі сваё існаванне і развіліся ў цэлую сістэму падаўлення нярускага элемента ў краі [15, арк. 132–136]. Асаблівацю гэтага часу з’яўлялася тое, што меры па барацьбе з польскім уплывам у сваёй большасці ішлі не праз урадавыя распараджэнні, а праз распараджэнні, пастановы і цыркуляры мясцовай адміністрацыі. Гэта добра прасочваецца на прыкладзе цыркуляраў і распараджэнняў, якімі кіраваліся ў паштовых структурах Беларусі. Так, можна ўгадаць забарону на прыём у паштовую службу асоб польскага паходжання рымска-каталіцкага веравызнання, што дзейнічала згодна з архіўнымі матэрыяламі па меншай меры да канца XIX – пачатку XX ст. [15, арк. 131–131 адв.].

Адным з крокаў русіфікацыі стала забарона выкладання на польскай мове і выдання кніг лацініцай. Першапачаткова забарона друкаваць кнігі лацінскім шрыфтам тычылася ўкраінскіх («маларасійскіх»), як яны называліся ў афіцыйных паперах) выданняў [16, арк. 1]. На сярэдзіну XIX ст. абсалютная большасць інтэлектуалаў Беларусі была выхавана ў традыцыях польскай культуры. Пры гэтым нельга забывацца, што ў разглядаемы перыяд захоўваецца полілінгвізм айчынных

аўтараў. На працягу гісторыі літаратурнымі мовамі беларусаў выступалі царкоўнаславянская, старажытнабеларуская, лацінская, польская, руская і беларуская. У XIX ст. літаратурнымі мовамі адукаванай часткі Беларусі выступалі польская, беларуская і руская (велікаруская). Апошняя мела найменшае распаўсюджванне, але праз адміністрацыйныя меры царскага ўрада паступова павялічвала сферу ўжытку. Дамінаванне польскай мовы ў адукацыі да падзей 1863–1864 гг. прадвызначыла тое, што і беларускія тэксты пісаліся, як правіла, лацінскім шрыфтам.

У 1859 г. пастановаю Галоўнага ўпраўлення цэнзуры была ўведзена забарона на друк лацінскім («польскім», як ён называўся ў афіцыйных паперах) шрыфтам украінскіх (маларускіх) тэкстаў. У гэты ж год яна была распаўсюджана і на беларускія выданні. Гэта было выклікана забаронай продажу ўжо надрукаванай «польскім» шрыфтам паэмы А. Міцкевіча *Pan Tadeusz* у перакладзе на беларускую мову В.І. Марцынкевіча [17, арк. 1–3]. Віленскі цэнзурны камітэт, маючы распараджэнне намесніка міністра народнай адукацыі аб забароне выдання і распаўсюджвання друкаваных выданняў з выкарыстаннем польскага алфавіта, што тычылася рускіх выданняў (да якіх залічваліся і выданні на ўкраінскай мове), запрасіў тлумачэнні адносна беларускіх тэкстаў, выкладзеных лацінскім шрыфтам. В.І. Марцынкевіч, маючы жаданне распаўсюдзіць ужо выдадзеныя тыпаграфіяй асобнікі паэмы, у сваім звароце ў Віленскі цэнзурны камітэт указваў на тое, што пастава тычыцца толькі ўкраінскіх тэкстаў, што мовы ўкраінская і беларуская адрозніваюцца паміж сабою. І калі першая ў большай ступені набліжана да рускай (маецца на ўвазе велікаруская мова), то беларуская мова больш перамешана з польскаю моваю, і некаторыя яе словы складана выкласці «рускімі» літарамі [17, арк. 4].

Паколькі беларусы па ўяўленню ўрадавых чыноўнікаў былі часткаю рускага (або велікарускага) народа, то павінны былі карыстацца велікарускаю моваю і пры друкаванні сваіх кніг. Распаўсюджванне паэмы А. Міцкевіча *Pan Tadeusz* у перакладзе на беларускую мову В.І. Марцынкевіча было забаронена Віленскім цэнзурным камітэтам. Такім чынам, адбылося пашырэнне пастановы Галоўнага ўпраўлення цэнзуры аб забароне друку ўкраінскіх тэкстаў з выкарыстаннем «польскага» (лацінскага) шрыфту і на выданні на беларускай мове.

Для паўнаты разумення сітуацыі неабходна ўзгадаць, што ў далейшым спробы ўвесці беларускую мову ў друкаваныя выданні нават кірылічным шрыфтам таксама блакіраваліся як Галоўным упраўленнем цэнзуры, так і мясцовымі цэнзурымі камітэтамі пад выглядам таго, што беларуская мова ўяўляе сабою «перакаверканую рускую мову»

[18, арк. 1; 19, арк. 38]. Выкарыстанне нацыянальных моў у друку разглядалася як спробы разбіць і паслабіць літаратурнае і нацыянальнае адзінства, а як вынік гэтага і палітычную магутнасць рускага народа [16, арк. 1], што ў далейшым магло паспрыяць станаўленню ідэй палітычнага сепаратызму малых народаў Расійскай імперыі.

Сістэма, створаная М. Мураўёвым (Мураўёвым-вешальнікам, як яго тытулавала расійскай грамадскасць), дзейнічала дастаткова паспяхова. Настолькі паспяхова, што нават на канец 70-х – пачатак 80-х гг. XIX ст. рэальнага сепаратызму ў літаратурнай сферы Беларусі расійскія даследчыкі не бачылі [9, с. 18–19]. Беларускія тэксты маглі друкавацца толькі ў выглядзе прыкладаў мясцовага фальклору. Вядомы выпадкі, калі беларускія кнігі выдаваліся перад цэнзарамі за балгарскія ці іншыя славянскія. Беларускія выданні кшталту *Dudki Bielaruskaj* забараняліся цэнзураю і ў канцы XIX ст. [20, с. 124]. Свабоднае друкаванне беларускіх кніг стала магчымым толькі на пачатку XX ст.

Арганізацыйна-прававыя мерапрыемствы па забароне публікацыі беларускіх тэкстаў лацінскім шрыфтам у Расійскай імперыі ўключалі ў сябе пастановы, распараджэнні і цыркуляры мясцовых і цэнтральных устаноў і камітэтаў. Пры пэўных нестандартных сітуацыях, не прапісаных прама ў інструкцыях, пастанавах і цыркулярах, мясцовыя чыноўнікі прасілі дадатковыя тлумачэнні ад вышэйшых структур адпаведных ведамстваў і ўстаноў або пашырана трактавалі раней выдадзеныя пастановы.

1. Севергин В. Продолжение записок путешествия по западным провинциям Российского государства, или минералогические, технологические и другие примечания, учиненные во время проезда через оные в 1803 году. СПб. : Тип. императ. Акад. наук, 1804.

2. Севергин В. Записки путешествия по западным провинциям Российского государства, или минералогические, хозяйственные и другие примечания, учиненные во время проезда через оные в 1802 году. СПб. : Тип. императ. Акад. наук, 1803.

3. Атлас Российский, составленный из девятнадцати специальных карт, представляющих Всероссийскую империю, с пограничными землями. СПб., 1745.

4. Новиков Н.И. Опыт исторического словаря о российских писателях. СПб., 1772.

5. Дашкова Е.Р. Записки // Записки и воспоминания русских женщин XVIII – первой половины XIX веков / сост. Г.Н. Моисеева. М. : Современник, 1990. С. 67–280.

6. Договор, заключенный в 1825 г. между Южным обществом декабристов и Польским Патриотическим обществом // Освободительное движение и общественная мысль в России в XIX в. : учеб. пособие / сост.: В.А. Федоров, Н.И. Цимбаев ; под ред. И.А. Федосова. М. : Высш. шк., 1991. С. 136–138.

7. Восстание декабристов : документы / Гл. арх. упр. Центр. гос. ист. арх. СССР в Москве ; под ред. чл.-кор. АН СССР М.В. Нечкиной. М. : Госполитиздат, 1958.

8. Конституция Н.М. Муравьева // Освободительное движение и общественная мысль в России в XIX в. : учеб. пособие / сост.: В.А. Федоров, Н.И. Цимбаев ; под ред. И.А. Федосова. М. : Высш. шк., 1991. С. 104–131.

9. Коялович М.О. Чтения по истории Западной России. 4-е изд. СПб. : Тип. А.С. Суворина, 1884.
10. Библиофил. Русско-польские отношения / Библиофил. Вильна : Тип. Сыркина, 1897.
11. Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданских отношениях. М. : Наука, 1991.
12. Костомаров Н.И. Исторические монографии и исследования. М. : Книга, 1989.
13. Погодин А.Л. Краткий очерк истории славян. М. : Г.А. Леман, 1915.
14. Фудель И. Наше дело в Северо-Западном крае. М. : Унив. тип., 1893.
15. Переписка с начальником почтово-телеграфных контор и отделений об обнаружении в письмах антиправительственных высказываний, использовании шрифта (ключа) для переводных телеграмм, порядке принятия на службу лиц польского происхождения, пресечении польской пропаганды и др. // Нац. ист. арх. Беларуси. Ф. 448. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–367.
16. Перапіска пракурора С.-Пецярбургскай судзебнай палаты і Галоўнага ўпраўлення па справах друку аб выданні на беларускай мове «Беларускіх апавяданняў» Мацея Бурачка (Ф. Багушэвіча) і «Дудкі беларускай» // Беларус. дзярж. арх.-музей літ. і мастацтва. Ф. 66. Воп. 1. Спр. 1000. Арк. 1–22. Коп.
17. Справа «Па прадстаўленню Віленскага Цэнзурнага камітэта аб рукапісу „Пана Тадэвуша“ А. Міцкевіча ў перакладзе на беларускую гаворку В. Марцынкевічам і аб распаўсюджанні забароны выкарыстоўваць польскі шрыфт да маларасійскай мовы і на гаворку беларускую» // Беларус. дзярж. арх.-музей літ. і мастацтва. Ф. 66. Воп. 1. Спр. 989. Арк. 1–53. Машинапіс. коп. з праўкамі.
18. Справа аб забароне друкаваць верш на беларускай мове «Праўдзівы расказ аб жыцці і смерці пяніцы» // Беларус. дзярж. арх.-музей літ. і мастацтва. Ф. 66. Воп. 1. Спр. 999. Арк. 1–5. Машинапіс. коп.
19. Собрание слов литовско-русского (белорусского) наречия. Рукопись с пометами И.И. Григоровича // Беларус. гос. арх.-музей лит. и искусства. Ф. 6. Оп. 1. Д. 16. Л. 1–52.
20. Хмельницкая Л.В. Эволюция взглядов А.П. Сапунова на проблему самоопределения белорусов // Русь – Литва – Беларусь: проблемы национального самосознания в историографии и культурологии. М. : Наследие, 1997. С. 120–131.

УДК 34(470)(09)

А.В. Вениосов

РОЛЬ ОБЯЗАТЕЛЬНЫХ ПОСТАНОВЛЕНИЙ МЕСТНЫХ СОВЕТОВ В ОРГАНИЗАЦИИ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА В СССР В 20-х гг. XX в.

Нормативный правовой акт (в различных видах) с первых дней установления советской власти являлся важным источником права. Нельзя сказать, что он был единственным. В период установления и упрочения советской власти вопросы законности хотя и вставали на повестку дня, но решались весьма медленно. В статье мы рассмотрим значение одного

из видов нормативных правовых актов – обязательных постановлений местных Советов. Тема интересна еще и тем, что административно-правовая деятельность милиции регламентировалась именно ими.

Впервые право местных Советов по изданию обязательных постановлений было регламентировано в Инструкции о правах и обязанностях Советов, принятой в декабре 1917 г. НКВД РСФСР. Этот документ впервые закрепил за Советами право принимать постановления и налагать административные взыскания за их невыполнение. Однако следует отметить, что здесь еще не содержались конкретные положения по этой деятельности. Так, в нем не был определен круг вопросов, по которым местные Советы могли издавать обязательные постановления, а также порядок наложения административных взысканий. Вполне понятно, что такое положение не способствовало наведению порядка в этой сфере.

Переход к НЭПу поставил на повестку дня вопрос о законности. Поэтому неслучайно уже 23 июня 1921 г. ВЦИК и СНК РСФСР приняли декрет «О порядке наложения административных взысканий». В нем подтверждалось право президиумов исполкомов уездных Советов и коллегии отделов управления губернских Советов издавать обязательные постановления. Кроме того, здесь приводился перечень административных взысканий за их неисполнение. В этот перечень входили принудительные работы до одного месяца, штраф до 50 000 рублей, арест и некоторые другие. Важное значение этого декрета состояло в том, что он определял месячный срок, в течение которого возможно привлечение к административной ответственности. По истечении этого срока дело возбуждалось только в уголовном порядке. Принятие этого декрета следует рассматривать как первую попытку ограничения чрезвычайных полномочий, которые были предоставлены правоохранительным органам в период гражданской войны.

Однако указанному нормативному акту, как и большинству других, принятых в этот период, была присуща фрагментарность, что приводило к серьезным затруднениям при его реализации. Поэтому 27 июля 1922 г. ВЦИК и СНК приняли Положение о порядке издания обязательных постановлений и о наложении за их нарушение взысканий в административном порядке. В нем было дано определение обязательного постановления, оговорены права исполкомов губернских и уездных Советов по наложению административных взысканий в виде штрафа не свыше 50 000 рублей (дензнаками 1922 г.) и принудительных работ до трех месяцев.

Должностным лицом в случае нарушения обязательного постановления составлялся протокол, который представлялся в уездный или гу-

бернский отдел управления исполкома, где на его основании выносилось постановление о наложении административного взыскания.

Положение впервые вводило годичный срок действия обязательных постановлений. Следовательно, если при издании обязательного постановления исполком не указывал срок его действия, по истечении года оно автоматически теряло силу.

Исполкомы местных Советов на основании указанного положения издавали обязательные постановления по различным вопросам, в том числе и по охране общественного порядка. Законотворческая деятельность местных Советов позволяла быстрее реагировать на складывающуюся обстановку и эффективнее бороться с правонарушениями с помощью административных мер.

Важное значение в укреплении административно-правовой охраны общественного порядка имело принятие в 1924 г. инструкции НКВД РСФСР «О взыскании штрафов, налагаемых в административном порядке за неисполнение отдельных обязательных постановлений губернских и уездных исполкомов, издаваемых на основании декрета ВЦИК и СНК РСФСР от 27 июля 1922 г.».

Следовательно, положение от 27 июля 1922 г. и инструкцию по его применению можно рассматривать как правовую основу административно-правовой охраны общественного порядка, осуществляемой органами милиции. На основании этих нормативных актов милиция боролась с различными видами правонарушений. Однако положение от 27 июля 1922 г. не предоставляло право принимать обязательные постановления волостным и городским Советам. Два года НКВД РСФСР инициировал этот вопрос перед СНК РСФСР. НКВД РСФСР полагал, что на волостном уровне можно быстрее реагировать на различные административные проступки. Однако волостные исполкомы получили это право только 16 октября 1924 г., когда было принято Положение о волостных съездах и волостных исполнительных Советах.

Осуществление на практике новых полномочий существенно затруднялось тем, что в положении от 16 октября 1924 г. не были указаны вопросы, по которым волостные исполкомы могли издавать обязательные постановления, порядок их издания, размер налагаемых за их нарушение административных взысканий. Поэтому многие исполкомы, не имея достаточных указаний о порядке реализации предоставленных прав, стали использовать принципы, заложенные в положении от 27 июля 1922 г. Они тем самым приравнивали себя в административных правах к губернским и уездным исполкомам. Отсутствие четких требований к обязательным постановлениям, а также низкий образовательный уровень работников

волостных и уездных исполкомов явились катализатором появившихся в ряде мест фактов административного произвола. Некоторые местные Советы, особенно волостные, при наложении административных взысканий часто выходили за пределы своей компетенции. Отдельные из них путем издания большого количества обязательных постановлений даже пытались подробно регламентировать личную жизнь граждан: запрещали вступать в брак до уплаты сельхозналога, ходить по улице с 8 часов вечера до 6 часов утра, мыть полы в доме только с мылом и т. д. За неисполнение подобных обязательных постановлений устанавливалась очень серьезная ответственность, что, естественно, порождало недовольство среди местного населения.

Указанные недостатки ВЦИК и СНК РСФСР попытались ликвидировать принятием 6 апреля 1925 г. специального декрета, устанавливающего в масштабе всей страны единые правила издания волостными и районными исполкомами обязательных постановлений и наложения за их нарушение административных санкций.

Таким образом, в первой половине 20-х гг. XX в. происходит становление административно-правовой охраны общественного порядка, которая вылилась в одно из главных направлений работы милиции. Правовыми основами этой деятельности являлись обязательные постановления, издаваемые местными Советами. Как видно, практика принятия этих нормативных актов сложилась не сразу и получила развитие под влиянием деятельности милиции по их реализации.

УДК 351.74(09)

В.А. Данилов

РАЗВИТИЕ СОВЕТСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ДЕТЯХ (1941–1953 гг.)

В становлении системы государственного законодательства СССР, касающегося сегмента ювенияльного права, огромное место занимают нормативные правовые акты периода Великой Отечественной войны и первого послевоенного десятилетия. В данной статье термин «система права» рассматривается в широком смысле — как комплекс законов и подзаконных нормативных правовых актов. Период интересен тем, что с 1941 г. и до начала 50-х гг. в результате огромной и напряженной законотворческой и правоприменительной деятельности уполномоченных органов в стране в основном были ликвидированы тягостные послед-

ствия Великой Отечественной войны – массовая детская безнадзорность и беспризорность.

Следует отметить, что правовые основы и практические методы деятельности органов внутренних дел по искоренению детской безнадзорности и беспризорности были заложены и апробированы еще в предвоенное десятилетие, когда в условиях мирного времени основные причины этого явления были в целом ликвидированы. Однако в условиях военного времени правовая регламентация деятельности государства, и в частности органов милиции, нуждалась в существенном дополнении. Поэтому в 1941–1943 гг. появился ряд нормативных правовых актов, часто непоследовательных и противоречивых, однако в целом удачно определявших государственную стратегию помощи детям, направления работы органов власти по устройству детей-сирот. Сравнительный анализ законодательства СССР в данной области представляет определенный научный интерес.

Первым документом военного периода явилась инструкция НКВД СССР 1941 г. № 312 «О работе детских комнат милиции», где предусматривалась организация детских комнат милиции при городских, районных и линейных отделениях милиции для приема детей на время, необходимое для выяснения обстоятельств беспризорности и безнадзорности, последующей передачи родителям, лицам, их заменяющим, или направления в детские учреждения. Работники детских комнат состояли в штате отделений милиции, сами детские комнаты должны были располагаться вне зданий отделений милиции, но в непосредственной близости от них. Как видно, документ регламентировал одно из важнейших направлений работы – изъятие детей, выяснение личных обстоятельств и передачу по назначению. Следует отметить, что в оргструктурном отношении в законе был допущен существенный недостаток – в наркоматах и управлениях милиции не предусматривался специальный орган по руководству детскими комнатами милиции, а также отсутствовал аппарат по руководству детскими комнатами в Отделе службы ГУМ НКВД СССР.

Одним из важнейших нормативных правовых актов было постановление Совнаркома СССР от 23 января 1942 г. № 75 «Об устройстве детей, оставшихся без родителей», где ставилась конкретная задача органам НКВД по выявлению, учету, изъятию с улиц и размещению всех беспризорных детей в возрасте до 17 лет в приемники-распределители, возвращению их родителям или устройству в детские дома, на патронат, на работу, на учебу в ремесленные училища и школы фабрично-заводского обучения. Анализ документа показывает, что в нем достаточно четко определены основные направления государственной политики в отно-

шении детей-сирот: в исполкомах Советов всех уровней предписывалось создание комиссий по устройству детей; предусматривалось усиление работы по отдаче детей в семьи на патронаж; создавался Центральный адресный справочный детский стол (и аналогичные столы в областных управлениях НКВД); предусматривался набор из детских домов подростков с 14 лет на учебу в школы фабрично-заводского обучения и ремесленные училища. Однако сроки содержания в приемниках-распределителях ограничивались одним месяцем, что создавало проблемы с последующим определением детей 13–15 лет, не подлежавших по возрасту устройству в детские дома и трудоустройству на производство, тогда как прием на учебу в училища осуществлялся только дважды в году.

Целый комплекс организационно-правовых мероприятий по ликвидации детской безнадзорности и беспризорности был разработан в 1943 г. в постановлениях СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 15 июня 1943 г. «Об усилении мер борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью», СНК СССР от 26 июня 1943 г. «О трудовом устройстве подростков старше 14 лет – воспитанников детских домов, трудовых колоний НКВД и детей, оставшихся без родителей» и указе Президиума Верховного Совета СССР от 8 сентября 1943 г. «Об усыновлении». Постановлением от 15 июня 1943 г. создавались трудовые воспитательные колонии для малолетних беспризорников, что являлось не видом наказания, а скорее средством временно-го устройства для трудового и общеобразовательного обучения.

Помимо того, постановлением от 15 июня 1943 г. были созданы специализированные органы милиции по работе с безнадзорными и беспризорными детьми. Приказом по наркомату от 21 июня 1943 г. № 0246 был организован Отдел НКВД СССР по борьбе с детской безнадзорностью и беспризорностью. Аналогичные подразделения создавались в НКВД союзных республик и областных управлениях. В постановлении намечались только общие направления работы отделов, конкретно она регламентировалась целым рядом ведомственных нормативных актов.

Особое место в политике государства по отношению к безнадзорным и беспризорным детям занимало постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1943 г. «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации», где один из разделов предусматривал создание для детей воинов, партизан и сирот специальных детских учреждений – суворовских, ремесленных училищ, детских домов и приемников-распределителей.

Таким образом, анализ нормативных правовых актов периода войны показывает, что для них во многом характерны такие черты, как пробельность, отставание от потребностей общества, коллизийность и не-

последовательность. Так, была допущена ведомственная неразбериха: детские комнаты милиции относились к ГУМ НКВД, а детские колонии и приемники-распределители подчинялись отделам по борьбе с детской безнадзорностью и беспризорностью.

В первое послевоенное пятилетие нормативная правовая база, на основе которой проводилась борьба с детской безнадзорностью и беспризорностью, постоянно развивалась и совершенствовалась. В этот период значительное внимание уделялось такому направлению, как трудоустройству несовершеннолетних, которое не нашло должного развития в годы войны. Предприятия не были заинтересованы в устройстве малоквалифицированных работников, предоставлении им дефицитного жилья и др. Поэтому законодательство данного периода было направлено на решение двух основных задач – создание сети специальных учебных заведений (постановление Совета Министров СССР от 7 апреля 1947 г.) и трудоустройство (постановление Совета Министров СССР от 24 февраля 1949 г.). В целом же действовавшая в первые послевоенные годы система нормативных правовых актов, направленных на борьбу с детской беспризорностью и безнадзорностью, достигла цели. В относительно короткие сроки массовая детская беспризорность была ликвидирована.

УДК 34.01(476)

І.А. Саракавік

І.М. ДАЊІЛОВІЧ – АДЗІН З ПАЧЫНАЛЬНІКАЎ АЙЧЫННАГА КРЫЊЦАЗНАЎСТВА

Пазнанне права, як і іншых сфер жыццядзейнасці людзей, немагчыма без ведання крыніц права. Невыпадкава вядомейшы айчынны юрыст, тонкі знаток крыніц права І.М. Даніловіч пісаў, што «в Истории стократно более заслуживает благодарность тот, кто издает в свет старые акты и Летописи, нежели тот, кто составляет Историю по готовым книгам. Скольких избежали бы ошибок, если б все рукописные Летописи и акты народов были напечатаны; сколько заменили бы они собою ненужных книг, обременяющих письменные столы Ученых» [1, с. 114]. Вось чаму ён практычна ўсё сваё жыццё прысвяціў выяўленню, збору, апрацоўцы, друкаванню і тлумачэнню пісьмовых крыніц права нашай Айчыны.

Нарадзіўся І.М. Даніловіч 30 ліпеня 1788 г. у Падляшскім ваяводстве. Пачатковую адукацыю атрымаў ад дзядзькі ксяндза-піяра, прадоўжыў у Ломжынскай піярскай школе, Беластоцкай гімназіі, а затым у Віленскім

універсітэце. Вучоба і напружаная праца далі станоўчыя вынікі. У 1812 г. ён атрымаў ступень магістра. З 1814 г. стаў чытаць мясцовае (літвінскае) права, наведваў архівы і бібліятэкі Варшавы, Санкт-Пецярбурга і Масквы для збору крыніц права. У гэтай справе маладому выкладчыку дапамагалі студэнты.

Аднак праца ў Віленскім універсітэце працягвалася нядоўга. З-за дзейнасці таварыства філаматаў, у якое былі ўцягнуты і выкладчыкі, І.М. Даніловіч быў зволены, і яму было забаронена працаваць у «присоединенных территориях». У 1825 г. ён быў прызначаны прафесарам расійскага і мясцовага права Харкаўскага ўніверсітэта.

Менавіта на гэты перыяд прыходзіцца выданне вядомейшых крыніц права, над якімі І.М. Даніловіч шмат часу працаваў у Віленскім універсітэце: Statut Kazimierza IV, pomnik z XV wieku uchwał litewskich (Wilno, 1826 – «Статут Казіміра IV, помнік літоўскіх ухвал з XV века»), Latopisiec Litwy i Kronika ruska (Wilno, 1827 – «Летапіс Літвы і Хроніка руска»). Першая крыніца права была знойдзена ім у бібліятэцы графа М.П. Румянцава. Рукапісны тэкст не быў падзелены на артыкулы. Аднак пры наступнай публікацыі ў «Хрестоматии по истории русского права» прафесар М.Ф. Уладзімірскі-Буданаў назваў гэту крыніцу «Судзебнік Казіміра 1468 г.» і падзяліў на 25 артыкулаў. У такім выглядзе «Судзебнік» дайшоў да нас. Значнасць гэтага акта для навукі заключаецца ў тым, што ён з’яўляецца першай спробай па сістэматызацыі норм права ў агульнадзяржаўным маштабе ВКЛ, паказвае эвалюцыю ў развіцці пісьмовага права нашай Айчыны.

Сярод даследчыкаў не існуе паразумення наконт таго, прававым помнікам якога народа з’яўляецца «Судзебнік» і на якую тэрыторыю ён распаўсюджваў сваё дзеянне. Адно даследчыкі лічаць яго помнікам беларускага права, другія – рускага, трэція – літоўскага. Адно вучоныя схільны лічыць яго агульназемскім прывілеем, які дзейнічаў на тэрыторыі ўсёй дзяржавы, другія – на тэрыторыі нашай Айчыны, трэція – на землях сучаснай Літвы, чацвёртыя – на тэрыторыі сучаснай Літвы, а затым і на ўсёй тэрыторыі ВКЛ [2, с. 94–96, 108].

Другая крыніца права была знойдзена І.М. Даніловічам на Беласточчыне. У яе ўвайшлі малавядомыя па тым часе навуцы і грамадству акты, якія адлюстроўваюць развіццё Літвы і Русі і сведчаць аб пераемнасці норм права.

Зямляк І.М. Даніловіча і калега па ўніверсітэту, буйны славіст і адзін з родапачынальнікаў беларусазнаўства М.К. Баброўскі ў 1822 г. знайшоў на Беласточчыне ў манастыры Супральскі рукапіс. Заслуга І.М. Даніловіча ў тым, што ён набраў яго польскай графікай. Рукапіс быў выдадзены з прадмовай прафесара Віленскага ўніверсітэта М. Сасноўскага (1827).

Пасля Харкаўскага ўніверсітэта лёс І.М. Даніловіча змяніўся. З 1830 па 1835 г. па запрашэнню кіраўніка II аддзялення ўласнай Яго Імператарскай Вялікасці канцылярыі графа М.М. Сперанскага наш зямляк працаваў у камісіі па кадыфікацыі законаў Расійскай імперыі. На яго была ўскладзена задача па складанню «Збора мясцовых законаў заходніх губерняў» (законаў, што дзейнічаюць у «присоединенных от Польши губерниях»). Іх меркавалася ўключыць у поўны збор законаў імперыі. У асноўным са сваёй задачай І.М. Даніловіч справіўся. Дапрацаваны ў «патрэбным» кірунку чыноўнікамі II аддзялення, збор законаў быў надрукаваны ў 1836 г., а ў 1910 г. перадрукаваны, хоць і не атрымаў сілу закону з-за адмены мясцовага права 25 чэрвеня 1840 г.

У 1835 г. лёс зноў звязвае І.М. Даніловіча з Украінай, а дакладней з Кіеўскім універсітэтам Святога Уладзіміра. Ён прызначаецца прафесарам крымінальнага права, становіцца першым дэканам юрыдычнага факультэта. Чытае лекцыі па мясцоваму праву і шмат часу аддае даследаванню крыніц права ВКЛ.

На гэты час прыходзіцца яго праца «Обозрение исторических сведений о состоянии свода местных законов западных губерний», якая была накіравана ў II аддзяленне. Яна была перавыдадзена ў 1910 г. Пецярбургскім універсітэтам. І.М. Даніловічу належыць апісанне рукапісных і друкаваных экзэмпляраў Статута ВКЛ, падрыхтоўка першага выдання Статута 1529 г.

У манаграфіі «Гістарычны агляд Літоўскага заканадаўства» (1837) І.М. Даніловіч прааналізаваў гісторыю развіцця права ў ВКЛ. Першым з даследчыкаў ён паспрабаваў высветліць яго крыніцы, іх сувязь са старажытнаславянскім і заходнееўрапейскім заканадаўствам, падкрэсліў самабытны характар літоўска-беларускага права.

Аднак затрымацца ў Кіеве з-за хваляванняў не прыйшлося. І.М. Даніловіч лічыўся палякам, да якіх улада адчувала палітычны недавер, і таму быў пераведзены ў Маскоўскі ўніверсітэт на кафедру законаў добраўпарадкавання і добрапрыстойнасці, дзе чытаў лекцыі па мясцоваму праву заходніх губерняў. Затым ён перайшоў на кафедру цывільных законаў Царства Польскага. І тут прадаўжаў актыўна займацца навуковай дзейнасцю. Працы І.М. Даніловіча «Пра літоўскія летапісы» (1840) і «Паведамленне пра сапраўдных літоўскіх летапісцаў» (1841) далі пачатак навуковаму даследаванню беларуска-літоўскага летапісання і пераканаўча даказалі, што беларусы і літоўцы ўжо ў XV ст. мелі сваіх юрыстаў і гісторыкаў, сваё летапісанне. Наш зямляк заклаў асновы гісторыі права Вялікага Княства Літоўскага, адшукаў і апісаў большасць рукапісаў Княства.

У артыкуле «Взгляд на Литовское законодательство и Литовские статуты» (1841) І.М. Даніловіч спыніўся на развіцці права ў ВКЛ, упершыню даў агульную ацэнку Статуту ВКЛ 1529 г. як выключна важнай крыніцы права, у якой адлюстравалася эпоха і гісторыя народа. Ён першы адзначыў, што гэта крыніца напісана на «простонародном литовско-русском наречии» [3, с. 15, 34]. Навуковец разгледзеў другі і трэці Статуты, даў склад камісіі па падрыхтоўцы Статута 1588 г., паказаў уплыў рымскага, кананічнага права на літоўскае заканадаўства. Адначасова ён зазначыў, што ў «Статуте Литовском находится много Славянского и истинно Русского» [3, с. 39, 41–42, 46].

Сумесна з М.А. Абаленскім наш зямляк выдаў «Кнігу пасольскую метрыкі Вялікага княства Літоўскага» (1843, т. 1), а ў «Скарбніцы граматы» (1860–1862, т. 1–2) апісаў, пераказаў змест і часткова апублікаваў каля 2500 розных пісьмовых крыніц па гісторыі ВКЛ. На думку В.А. Чамярыцкага, І.М. Даніловіч марыў пра адраджэнне ВКЛ і мовы яго Статутаў [4, с. 576].

Доўга працаваць у Маскве І.М. Даніловічу не давялося. Палітычны недавер, частая змена месцаў працы, уваходжанне ў новыя навуковыя і прафесарска-выкладчыцкія калектывы, пастаянная актыўная навуковая і педагогічная дзейнасць – усё гэта адбілася на здароўі І.М. Даніловіча. 30 чэрвеня 1843 г. яго не стала.

Адметную характарыстыку І.М. Даніловічу даў вядомы ўкраінскі даследчык прафесар гісторыі рускага права М.Ф. Уладзімірскі-Буданаў: ён быў патрыётам ВКЛ і жадаў бы аднавіць да жыцця мову Статута 1588 г. З гэтага пункту гледжання Масква і Польшча былі для яго аднолькава чужыя і аднолькава блізкія як нацыі, што жылі па-суседству, і роднасныя. То быў рамантык чыстай вады; тагачасны агульнаеўрапейскі гістарычны рамантызм ён перавёў у жыццё асабістае [5, с. 166].

Цёпла пра дзейнасць І.М. Даніловіча выказаўся і акадэмік І.І. Лапо ў працы «Литовский Статут 1588 года». Ён адазваўся пра нашага земляка як пра «лучшего для своего времени знатока литовского права» [6, с. 510].

Пасеяныя І.М. Даніловічам зярняты па збіранню, апрацоўцы, тлумачэнню і даследаванню айчынных крыніц права далі выдатныя ўсходы. Яго працу прадоўжылі найперш М.М. Улашчых і В.А. Чамярыцкі. Справа І.М. Даніловіча жыве і сёння.

1. Данилович И. О Литовских Летописях // Журн. М-ва нар. просвещения. 1840. № 11. С. 70–114.

2. Старостина П.П. О месте Судебника Казимира 1468 г. в праве Великого княжества Литовского // Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в. М. : Наука, 1976. С. 94–113.

3. Данилович И. Взгляд на литовское законодательство и литовские Статуты // Юрид. зап., изд. П. Редкиным. М. : Унив. тип., 1841. С. 1–46.
4. Вялікае княства Літоўскае : энцыклапедыя : у 2 т. Мінск : БелЭн, 2005. Т. 1.
5. Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского университета Св. Владимира. Киев, 1884.
6. Лапо И.И. Литовский Статут 1588 года. Ковно : SPINDULIO, 1934. Т. 1 : Исследование, ч. 1.

УДК (476)(091)(075.8)

А.С. Ляднёва

ЗАМЕЖНЫЯ КРЫНІЦЫ ДАСЛЕДАВАННЯ ГІСТОРЫІ ДЗЯРЖАВЫ І ПРАВА БЕЛАРУСІ

Сярод крыніц па гісторыі беларускай дзяржавы асобае месца займаюць працы беларускіх вучоных, якія воляю лёса апынуліся па-за межамі сваёй Бацькаўшчыны. Дыяспара – гэта працяг нацыі ў замежжы. Яна не парывае з нацыяй духоўнай, культурнай, кроўнай сувязі. Заходняя беларуская дыяспара сфарміравалася ў выніку трох масавых эміграцыйных хваляў: на мяжы XIX–XX стст., у міжваенны перыяд і пасля Другой сусветнай вайны.

У 50-я гг. XX ст. у Паўночнай Амерыцы, Германіі, Вялікабрытаніі з’явіўся шэраг беларускіх навуковых цэнтраў. Менавіта пасляваенная хваля эміграцыі вызначалася значнай колькасцю навукоўцаў, якія ў гэтых цэнтрах атрымалі магчымасць друкаваць працы па гісторыі, у тым ліку па пытаннях паходжання беларускай нацыі, станаўлення беларускай дзяржаўнасці. Даследаваннем і публікацыяй займаліся ў першую чаргу Беларускі інстытут навукі і мастацтва (БІНІМ) у Нью-Ёрку і Таронта, аддзел БІНІМ у Мюнхене, Крывіцкае (беларускае) навуковае таварыства Ф. Скарыны, Фундацыя імя Крэчэўскага, Фонд імя Льва Сапегі, Фонд імя Любачкі, Беларускае культурна-мастацкае і навуковае таварыства ў Саўт-Рыверы, Англа-беларускае таварыства ў Лондане, Інстытут беларусаведы ў Ляймене (Германія) і іншыя навукова-культурныя арганізацыі. Працы замежных даследчыкаў былі пазбаўлены ідэалагічных устаноў, якія ў значнай ступені ўласцівы савецкім гісторыкам, унікалі спрошчанага падыходу да разгляду важных этапаў гістарычнага шляху пабудовы беларускай дзяржавы. І хаця некаторым з гэтых прац не заўсёды хапала навуковай грунтоўнасці з прычыны недасягальнасці нацыянальных архіваў, абмежаванасці крынічнай базы, яны ўнеслі значны ўклад у развіццё беларускай навукі. Сучаснае ўсебаковае навуковае асвятленне гісторыі

дзяржавы і права Беларусі немагчыма без уліку прац беларускіх замежных даследчыкаў. Сярод аўтараў можна адзначыць З. і В. Кіпелі, Л. Акіншэвіча, А. Адамовіча, В. Тумаша, Я. Станкевіча, В. Пануцэвіча, П. Урбана, Н. Недасека, В. Жук-Грышкевіча, І. Любачку, А. Калубовіча, Я. Запрудніка, Я. Сурвілу і інш. За першы год існавання БІНІМ аб'яднаў больш за 50 навукоўцаў, у наступныя гады колькасць членаў інстытута вагалася ад 100 да 200 чалавек. У 90-я гг. у склад творчага калектыву ўвайшлі выхадцы з Беларусі – С. Навумчык, Л. і А. Юрэвічы, Ю. Васілеўскі і інш.

Я. Запруднік у 1969 г. абараніў доктарскую дысертцыю, прысвечаную беларускаму пытанню ў Дзяржаўнай Думе. Ён жа напісаны энцыклапедычны раздзел «Беларусь і беларусы», кніга *Byelarus: At a crossroads in history* (Colorado, 1993). Ён жа склаў і апрацаваў бібліяграфію дакументаў, матэрыялаў і выданняў па гісторыі абвешчэння і дзейнасці БНР, яе ўрада, I Усебеларускага кангрэса 1917 г. У 1988 г. З. і В. Кіпелі на англійскай мове выдалі кнігу «Беларуская дзяржаўнасць. Хрэстаматыя і бібліяграфія» (Нью-Ёрк, БІНІМ). У выданні падрабязна разглядаюцца раннія этапы развіцця беларускага нацыянальнага руху на пачатку XX ст., што прывёў да абвешчэння ў 1918 г. Беларускай Народнай Рэспублікі, прыводзіцца ацэнка гэтай падзеі ў савецкім і замежным друку. Падаецца думка, што беларуская дзяржаўнасць бярэ вытокі ад Полацка, Турава, Смаленска, а Вялікае Княства Літоўскае было шматнацыянальнай дзяржавай, якая грунтавалася на беларускай культуры і беларускім праве.

З 1952 г. БІНІМ выдае часопіс «Запісы», які ахоплівае шматгранную навуковую спадчыну па гісторыі Беларусі: Сярэднявечча і дасавецкі перыяд, беларускі нацыянальна-вызваленчы рух, літоўска-беларускія ўзаема сувязі. Гэта працы Я. Запрудніка пра дзяржаўнасць Беларусі ў дасавецкую пару (1977, кн. 15) і нацыянальны характар ВКЛ (1974, кн. 12), Л. Акіншэвіча «Парламент беларускай зямлі» (1952, № 1) і «Цывілізацыйныя асновы беларускага гістарычнага працэсу» (1953, № 2). У «Запісах» было апублікавана шмат дакументаў, якія на той момант не маглі быць уведзены ў навуковы ужытак: матэрыялы да I Усебеларускага з'езда 1917 г. (1963, кн. 2; 1964, кн. 3; 1966, кн. 4), Устаўныя граматы БНР (1975, кн. 13), дакументы па гісторыі Беларусі 1902–1919 гг. (1983, кн. 17) і інш. БІНІМ таксама веў улік публікацый пра Беларусь у англамоўным друку, а гэта больш за 15 тыс. паціцый. У 2001 г. была выдадзена складзеная З. і В. Кіпелямі «Бібліяграфія беларускага друку на Захадзе».

14 кастрычніка 1955 г. быў адкрыты аддзел БІНІМ у Мюнхене, які гуртаваў беларускую навуковую і творчую эміграцыю краін Заходняй Еўропы. Аддзел меў статус самастойнай установы і праіснаваў да 1966 г. Ягоная дзейнасць цесна звязана з Інстытутам вывучэння гісторыі і

культуры СССР. Тут працавалі С. Кабыш, С. Станкевіч, У. Дудзіцкі, А. Марговіч і інш. У Мюнхене выдаваўся перыядычны навуковы часопіс «Беларускі зборнік» (1955–1960). На старонках часопіса вынікі сваёй даследчай працы змяшчалі А. Адамовіч, Г. Няміга, С. Кабыш, А. Яловіч, М. Волаціч, Я. Станкевіч, П. Урбан. Іх артыкулы давалі альтэрнатыўны погляд на гісторыю Беларусі, закраналі тэмы рэлігійнай свабоды, моўнай палітыкі, нацыянальнага пытання.

Значная роля ў гуртаванні навуковых сіл для вядзення даследаванняў належала БІНІМ у Таронта, які быў заснаваны 17 верасня 1967 г. 3 лістапада 1968 г. гэта самастойная ўстанова, што было выклікана патрэбай прадстаўніцтва беларусаў у навуковым жыцці Канады і сярод этнічных груп краіны ад імя беларускай навуковай арганізацыі. Заснавальнікам і першым старшынёй быў В. Жук-Грышкевіч.

Замежная гістарыяграфія ўключае манаграфічную літаратуру па гісторыі беларускай дзяржаўнасці і асобных гістарычных перыядах: М. Абрамчык *I accuse Kremlin of Genocide of My Nation* (1950), В. Жук-Грышкевіч «25 Сакавіка» (1978), Я. Садоўскі «Гісторыя беларусаў у Канадзе» (1981), V.J. Kaye *Canadians of Byelorussian Origin* (1978), N. Vakar *Belorussia – the making of a nation* (1956), І. Любачка «Беларусь пад савецкай уладай, 1917–1957» (1972).

Працы замежных навукоўцаў друкаваліся ў часопісах, зборніках артыкулаў. З часопісаў неабходна адзначыць «Полацак» (1991–1994). Узровень часопіса вызначаўся колам аўтараў, сярод якіх былі вядомыя гісторыкі, публіцысты, грамадскія дзеячы замежжа і Беларусі. Мэта яго выдання – аб'ектыўнае асвятленне беларускай гісторыі, зберажэнне для нашчадкаў багаццяў духоўнай спадчыны, умацаванне сувязей беларускай эміграцыі з Бацькаўшчынай. Менавіта ў «Полацаку» шмат матэрыялаў было надрукавана ўпершыню. Багата прадстаўлена гістарычная тэматыка. Пытаннем гісторыі беларускай дзяржаўнасці прысвечаны артыкулы М. Ермаловіча, П. Урбана, Я. Юхо, У. Круталевіча, складанаму лёсу дзеячаў нацыянальна-вызваленчага руху – артыкулы У. Міхнока, А. Макарэвіча, Я. Паўлава, М. Сташкевіча, Ю. Смірнова, У. Адамушкі, У. Брылеўскага. Апублікаваны шэраг дакументальных матэрыялаў і ўспамінаў А. Цвікевіча, А. Смоліча, асобныя артыкулы з эмігранцкай перыёдыкі.

Прайшло больш 20 гадоў пасля набыцця Беларуссю незалежнасці. Гэты перыяд адметны значным інтарэсам грамадства да гісторыі дзяржаўнасці краіны. Працэс злучэння навукі і культуры беларускай дыяспары і метраполіі, які пачаўся ў 90-я гг. XX ст., працягваецца, і вельмі важна, каб ён быў усебаковым і глыбокім, каб беларусы ўяўлялі сябе цэласным народам у свеце.

ПАМЯТНИКИ КАНОНИЧЕСКОГО ПРАВА XVI–XVIII вв. – ИСТОЧНИК ПО УГОЛОВНОМУ ПРАВУ

Памятники канонического права являются важнейшим источником уголовного права рассматриваемого времени. Это обусловлено тем, что в XVI–XVIII вв. труды отцов церкви регулировали общественные отношения наряду с памятниками общегосударственного права. Анализ трудов позволяет утверждать, что они являлись прежде всего источниками семейного права, так как именно эта отрасль права получила наибольшую регламентацию. В то же время в них содержится целый ряд положений, позволяющих их отнести к источникам уголовного права.

Среди памятников канонического права XVI–XVIII вв. наибольший интерес представляют статьи Устава князя Ярослава, так как они, в отличие от других памятников канонического права, не только упоминают о разных видах преступлений, но и содержат сведения о наказаниях, предусмотренных за содеянное. Анализ статей Устава позволяет выделить такие виды преступлений, как:

1. Похищение человека и изнасилование: «Аще кто оумчит девку или насилит, аще боярская дочи будет, за сором ей гривен злата, а митрополиту 5 гривен злата, еще будет менших бояр, гривна злата ей, а митрополиту гривна злата...» [1, с. 86].

Данная статья устанавливает дифференцированную ответственность за похищение девушки или насилие над ней. Наказание зависит от социального происхождения потерпевшей.

2. Убийство: «Тежъкгды бы зъ ненависти и зъ немилости на обедве стороне, такъ мужъ яко и жона, будучи въростырку зъ якихъ кольвекъ причынъ, одинъ другого приправиль о горло, замордовалъ, або отруль; такое окрутенство и замордованье сынове або крвные то мають до вряду оповедати и обжаловати або фалдровати на каждого такового мордера <...> мордеръ безъ маеть быти каранъ горлом...» [2, л. 181].

Памятник канонического права в качестве мотива содеянного предусматривает неприязненные отношения, в качестве наказания – смертную казнь.

Вместе с тем муж, заставший свою вторую половину с любовником и убивший любовников, в глазах церкви не считается виновным в содеян-

ном: «Ащели обращет ю (жонку) с неким прелюбы деяще и убьет обоих, ссему закон не судит, пишет бо предети сотом на погубу, телу телесну, да дух спайтся, во обилие видел ест, се себе како изволит аще дозволяет себе...» [3, л. 31].

3. Детоубийство: «Аще же девка <...> дитяти добудет оу отца, оу матери или вдовою, обличивше, поятю в дом церковный... <...> Тако же и женка без своего мужа или при мужи дитяти добудет <...> обличивше, поятю в дом церковный...» [1, с. 87].

Наказание за данный вид правонарушения довольно специфическое. Лица, совершившие данный вид правонарушения, подлежат помещению в монастырь. Кроме того, в некоторых памятниках предусматривается наказание в виде отлучения от церкви на длительное время (Номоканон) [4, л. 49].

4. Поджог: «Аще кто зажжет гумно, или двор, или иное что, митрополиту 40 гривен, а опитемию, а князь казнит» [1, с. 87].

Поджогом является умышленное нанесение ущерба имуществу либо здоровью с целью убийства с использованием огня. Статья предусматривает ответственность перед епископом. За совершение поджога гумна или двора лицо карается потоком и разграблением. Исходя из санкции данной статьи Устава 100 гривен от общего количества вырученных в результате потока и разграбления денег должно идти в пользу епископа. Не совсем ясно, чем мотивируется участие церкви в делах о поджогах, так как они относятся к компетенции князя [5, с. 163].

5. Кража: «Аще мо уж иметь красти конопле или лен и всякое жито, митрополиту 12 гривен. Тако же и женка»; «Аще жена мужа крадет и обличити ю, митрополиту 4 гривны, а муж казнитю... <...> Аще кто клеть крадет, тако же творят...» [1, с. 87, 88].

В статьях устанавливается ответственность за кражу перечисленных в них предметов. Устав относит дела о краже определенных предметов уже к совместной юрисдикции епископа и князя, которые должны делить штраф пополам. Однако перечень объектов кражи мало проясняет специфический интерес церкви к этим делам. Можно предположить, что появление в Уставе статей о краже имеет целью урегулировать вопрос об ответственности мужа и жены. Действительно, в некоторых списках Устава употребляются понятия «муж» и «жена». Но в большинстве списков используются термины «муж» и «женка», которыми редко обозначаются супруги: муж – как муж, так и мужчина вообще, а женка – любая женщина. Но то, что, по крайней мере, в некоторых списках говорится о муже и жене, указывает, что составители этих списков расценивают санкции данных статей как указание на индивидуальную ответственность мужа и жены.

6. Нанесение телесных повреждений: «Аще мужа два бьются женскы, любо одерет, любо оукусит, митрополиту 12 гривен. Аще жена бьет мужа, митрополиту 4 гривны...»; «Аще который муж бьет чужую жену, за сором ей по закону, а митрополиту 6 гривен. Аще ли сынъ бьет отца или мать, да казнят его волостельскою казнью, а митрополиту в дом церковный такой отрок...» [1, с. 89].

Анализ данной статьи указывает на распространенность этого вида правонарушений в рассматриваемый период. Следует также отметить, что в XVI–XVIII вв. не наблюдается градации по степени тяжести, т. е. наказание не зависит от того, на какой период времени человек становится нетрудоспособным.

7. Доведение до самоубийства: «Аще девка не въсхошет замуж, то отецъ и мати силою дадят. А что девка оучинит над собою, то отецъ и мати митрополиту в'вине» [1, с. 88].

В вышеизложенной статье наблюдается возможность не только физического давления, но и морального – путем воздействия на чувства. Статья содержит уникальную для памятников феодального права архаичную норму семейного права об ответственности родителей перед публичной властью за невыдачу замуж дочери.

Большинство статей Устава князя Ярослава посвящено регулированию брачно-семейных отношений. Но отсюда вовсе не следует, что Устав князя Ярослава – кодекс семейного права, поскольку отношения между полами рассматриваются преимущественно с уголовно-правовых позиций.

Наряду с уголовной ответственностью перед высшими авторитетами – церковью и государством – в статье предусматривается и гражданско-правовая ответственность перед потерпевшей. Таким образом, санкция нормы содержит указания сразу на несколько видов ответственности – на уголовную, гражданскую и собственно церковно-правовую.

1. Древние русские княжеские уставы XI–XV вв. / сост. Я.Н. Щапов. М. : Наука, 1979.

2. Катехизим или наука всем православным христианом к навчению велми полезно з латинского языка на руский язык ново переложенное. Могилев, 1757 // ОР РГБ. Ф. 256. Д. 235.

3. Кормчая // ОР РГБ. Ф. 256. Д. 235.

4. Номаканон. Киев, 25.11.1624 // МК РГБ.

5. Российское законодательство X–XX в. : в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 1: Законодательство Древней Руси / под ред. В.Л. Янина. М. : Юрид. лит., 1984.

КАНОНИЧЕСКОЕ ПРАВО XVI–XVIII вв. – ВАЖНЕЙШИЙ ИСТОЧНИК СЕМЕЙНОГО ПРАВА

В XVI–XVIII вв. в качестве источников права выступали памятники общегосударственного права, памятники магдебургского права [1]. Наряду с этим весьма важным источником права являлись труды отцов церкви. Церковь стремилась взять под свой контроль жизнь паствы, и, следует отметить, это ей удавалось. Ярким свидетельством данного обстоятельства может служить тот факт, что уже в Уставе князя Владимира была определена компетенция служителей культа в области судебной практики: «А се церковны и судове: роспускъ, смилное, заставаиѣ, пошибание, оумычкы, промежи мужем и женою о животе их, въ племени или въ сватовстве поимутся <...> уорекания три: бляднею, и зелии, и еритичьствомъ, зуобоятса, или сынъ отца биеть, или мать дочка биеть, или сноха свекров, или кто уречется скверными словы и прилагаяотца и мать, или сестры, или дети, а любо племя тяжуются о задниции <...> или два друга имутася быти, единого жена другого иметь за лоно и роздавить, или кого зостануть съ четвероножию <...> или девка детя повредить...» [2, с. 43]. Как видим, основной сферой влияния церкви являлась семейная жизнь. В последующее время представителями духовенства были разработаны нормы, всесторонне регламентировавшие матримониальное поведение людей.

Согласно памятникам канонического права создание семьи могло иметь место только в том случае, если будущие супруги достигли брачного возраста [6, л. 44; 7, л. 85] и получили согласие своих родителей [7, л. 85]. В XVI в. родители имели право распоряжаться судьбой своей дочери, так как несли за нее ответственность до ее вступления в брак. Мать и отец могли насильно выдать дочь замуж [2, с. 12], хотя уже в первой половине XVI в. в православных памятниках канонического права (основной список Основного извода Устава князя Ярослава) зафиксирована ответственность родителей за самоубийство дочери, не желавшей вступать в брак [2, с. 88]. Памятники униатского церковного права отмечают в качестве обязательного условия при создании семьи наделение будущей супруги приданым, причем вне зависимости от того, являлась ли она законнорожденной или нет [7, л. 101 об.]. В то же время существовал целый ряд причин, которые становились препятствием на пути к созданию семьи. По православной,

римско-католической и униатской традиции брак нельзя было заключить, если будущие супруги являлись кровными [2, с. 87, 104; 6, л. 44; 7, л. 83] либо духовными родственниками [11, л. 81; 7, л. 19 об.]; принадлежали к различным религиям [2, с. 88, 101; 6, л. 43–44; 7, л. 75 об.; 12, л. 82 об.]; жених был помолвлен с другой девушкой [2, с. 89, 101; 7, л. 81] или состоял в законном браке [2, с. 87, 100–101, 137–138; 7, л. 83]; жених до заключения брака вступил в интимные отношения с кем-либо из кровных родственниц невесты [6, л. 44; 7, л. 81]. Помимо перечисленных причин униатская традиция имеет еще несколько: связь с собственным сыном, убийство чужой жены, иерея, брак с монахиней; пост или религиозный праздник; обет безбрачия [7, л. 81, 82–82 об.]. Исследование памятников униатского канонического права позволяет нам понять, как происходил сам процесс создания семьи. Он состоял из таких этапов, как помолвка, венчание и свадьба [7, л. 78, 85]. Расторжение помолвки считалось смертельным грехом, хотя и оговаривались обстоятельства, позволяющие это сделать [7, л. 78].

Большое внимание памятники канонического права уделяют вопросам взаимоотношений супругов. В XVI–XVIII вв. главным предназначением семьи являлось продолжение рода [3, с. 272; 8, л. 167 об.; 9, л. 422–423], а потому к числу обязанностей супругов относилось исполнение супружеского долга [7, л. 85; 11, л. 47]. В то же время существовал целый ряд ограничений, которые церковь накладывала на интимные отношения между супругами. Согласно памятникам канонического права, восходящим к православной традиции, муж и жена должны были воздерживаться от сексуальных отношений во время церковных праздников и по воскресеньям, в день причастия и литургии, а также во время церковной службы [11, л. 47].

Памятники церковного права также регламентировали взаимоотношения родителей и детей. Родители обязаны были заботиться о своих детях, воспитывать, обучать и защищать их, а также научить своих детей какому-либо ремеслу или другому делу, которое бы в будущем давало им пропитание [3, с. 87; 4, с. 26; 7, л. 110 об.]. Одной из важнейших обязанностей родителей было духовное воспитание подрастающего поколения [3, с. 88; 4, с. 56; 10, л. 2], начинавшееся с важного этапа в жизни каждого человека – крещения [4, с. 308; 7, л. 7 об.]. Дети обязаны были почитать и уважать своих родителей [3, с. 62, 75; 11, л. 19] и старших членов семьи [5, л. 78]. Кроме того, как отмечают памятники униатского канонического права, дети не должны были желать смерти своим родителям, выступать в суде в качестве обвинителей против собственных отца или матери, принуждать своих родителей составить завещание в

свою пользу, растрчивать имущество своих родителей, а также обязаны были выкупить их из тюремной кабалы. В случае невыполнения данных норм родители имели право отказать своим чадам в наследстве и приданом [7, л. 110 об., 111].

В XVI–XVII вв. наши предки временами прибегали к расторжению брака. Церковь крайне негативно относилась к этому, хотя и признавала ряд обстоятельств, позволяющих расторгнуть брак. В православной традиции в качестве таковых признавались: жена не предупредила своего супруга о готовящемся на него покушении; вела непристойный образ жизни; покушалась на жизнь супруга или оговаривала его; изменяла мужу [2, с. 90, 102–103; 12, л. 34]; также разводу подлежали супруги, состоящие в невенчанном браке [2, с. 362–364]. Помолвка с другой девушкой, кровное родство между вступившими в брак людьми, обман со стороны одного из будущих супругов, наличие духовного сана, преступное деяние, совершенное одним из будущих супругов, принадлежность к различным религиям, мужская несостоятельность супруга – все эти причины также могли стать основанием для развода [7, л. 82 об., 83 об.].

Таким образом, памятники канонического права XVI–XVIII вв. являются одним из важнейших источников семейного права рассматриваемого периода.

1. Алексейчикова Н.Н. Памятники общегосударственного, канонического и городского права 16–18 вв. как источник по матримониальному поведению граждан белорусских земель // Весн. Гродз. дзярж. ун-та. Сер. 4, Правазнаўства. 2012. № 5. С. 15–28.
2. Древние русские княжеские уставы XI–XV вв. / сост. Я.Н. Щапов. М. : Наука, 1979.
3. Катэхізіс: помнік Рэфармацыі XVI ст. / пад рэд. Н. Кабелка [і інш.]. Мінск : Юніпак, 2005.
4. Корзо М. Украинская и белорусская катехетическая традиция конца XVI–XVIII вв.: становление, эволюция и проблемы заимствования. М. : Канон + РООИ «Реабилитация», 2007.
5. Книга Иевлевича // РГАДА. Ф. 381. Оп. 1. Ед. хр. 390.
6. Номаканон. Киев, 25.11.1624 // МК РГБ.
7. Собрание припадков краткое, и духовным особам потребное. Супраль, 18.01.1722 // МК РГБ.
8. Тронквиллион К.С. Перло многоцветное. Могилев : Брат. тип. Вошанки, 1699 // МК РГБ.
9. Краткий Катехизис. Киево-Печерская Лавра, 1645 // МК РГБ.
10. Наука яко верити маєт кождый щититися нареченієм православия моего святого живота Троицы. Вильня, 1681 // МК РГБ.
11. Кормчая // ОР РГБ. Ф. 256. Д. 235.
12. Сборник, или памятная книжка священника содержащая в себе разные нужные ему выписки и указания. 1580 // ОР РГБ. Ф. 256. Д. 372.

**ЗАКОНЫ, ПРАВИЛЫ І РАСПАРАДЖЭННІ
ПА ЎЛАДКАВАННЮ БЕЖАНЦАЎ ЯК КРЫНІЦА
ДАСЛЕДАВАННЯ НАПРАМКАЎ САЦЫЯЛЬНАЙ ПАЛІТЫКІ
ЦАРСКАГА ЎРАДА Ў ЗАХОДНІХ ГУБЕРНІЯХ
У ГАДЫ ПЕРШАЙ СУСВЕТНАЙ ВАЙНЫ (1914–1916 гг.)**

Спецыфіка ўмоў, у якіх разгортвалася дзейнасць урадавых устаноў і грамадскіх арганізацый па аказанню дапамогі бежанцам у гады Першай сусветнай вайны, вызначалася пэўным двоеўладдзем у заходніх губернях Расійскай імперыі, у тым ліку і на тэрыторыі Беларусі. Апошняя ўсталявалася з пачаткам дзеяння Палажэння аб палявым кіраванні войск у ваенны час. Гэта палажэнне аўтаматычна ўводзілася з абвяшчэннем мабілізацыі, якая пачала праводзіцца з ліпеня 1914 г.

У Палажэнні аб палявым кіраванні войск у ваенны час Вярхоўны Галоўнакамандуючы (з 20 ліпеня 1914 г. па 23 жніўня 1915 г. (усе даты прыводзяцца па старому стылю) гэту пасаду займаў вялікі князь Мікалай Мікалаевіч, а потым імператар Мікалай II) абвяшчаўся вышэйшым начальнікам усіх узброеных сіл. Ён атрымліваў надзвычайную ўладу, і яго загады павінны былі выконвацца на тэатры ваенных дзеянняў усімі ўрадавымі ўстановамі і цывільнымі кіраўніцтвамі, а таксама службовымі асобамі ўсіх ведамстваў і ўсім насельніцтвам як найвышэйшым (арт. 17 указанага палажэння). Артыкулам 91 надзвычайнымі паўнамоцтвамі надзяляліся галоўнакамандуючыя франтоў. Іх распараджэнні павінны былі выконвацца ў межах падначаленага раёна ўсімі ўрадавымі і цывільнымі ўстановамі, службовымі асобамі і ўвогуле ўсім насельніцтвам. Згодна з арт. 14 Палажэння аб палявым кіраванні войск у ваенны час усе мясцовасці і цывільныя кіраванні тэатра ваенных дзеянняў з абвяшчэннем мабілізацыі падпарадкоўваліся галоўным начальнікам адпаведных ваенных акруг ці ваенным генерал-губернатарам. Пры гэтым у мясцовасцях, абвешчаных на ваенным становішчы, узаемаадносіны цывільных і ваенных улад вызначаліся Правіламі аб мясцовасцях, якія абвешчаны на ваенным становішчы [1].

Гэтым дакументам ваенным уладам, а таксама генерал-губернатарам прадстаўлялася права прыняцця надзвычайных мер па забяспечэнню паспяховага вядзення баявых дзеянняў і па папярэджанню парушэнняў дысцыплінары бяспекі, грамадскага парадку. У выніку цывільныя ўлады і мясцовае насельніцтва былі фактычна перапарадкаваны армейскаму

камандаванню, гэта значыць у тэатры ваенных дзеянняў усталявалася пэўнае двоеўладдзе.

Ваенныя ўлады ў поўнай меры выкарысталі сваё права распараджацца жыццём і лёсам мірнага насельніцтва заходніх губерняў: высылялі і перамяшчалі яго з пастаяннага месца жыхарства ў глыбіню імперыі. Вынікам стала пераўтварэнне мірных жыхароў у бежанцаў. У ваенны час таксама ўмовы жыцця на франтавых і прыфрантавых тэрыторыях садзейнічалі імкненню насельніцтва накіравацца ў больш бяспечныя раёны Расійскай імперыі.

Сярод вялікай масы бежанцаў умоўна можна вызначыць некалькі катэгорый. Першая – гэта дзяржаўныя чыноўнікі, служачыя, іх сем’і, праваслаўныя святары, эвакуацыю якіх забяспечвала дзяржава. Другая катэгорыя бежанцаў – гэта прымусова выселеныя загадамі ваенных і цывільных улад мірныя жыхары. Апошнія складаюцца з дзвюх вялікіх груп насельніцтва. З аднаго боку, гэта дэпартаваныя прадстаўнікі нядобранадзейных (з пункту гледжання царскага ўрада) нацыянальнасцей – немцы, яўрэі, палякі, галічане і інш. З другога – гэта ваеннаабавязаныя жыхары заходніх губерняў і ўвогуле ўсё насельніцтва, выселенне якога ўлада палічыла неабходным ці патрэбным з нагоды ваеннага часу. Трэцюю катэгорыю бежанцаў складалі мірныя жыхары, якія па прычыне блізкасці фронту і звязаных з гэтым умоў жыцця па ўласнай ініцыятыве пакінулі свой дом і накіраваліся ва ўнутраныя губерні імперыі.

Выключная ўвага з боку царскага ўрада да бяспекі дзяржаўных служачых і іх сем’яў пацвярджаецца тым, што толькі чыноўнікаў, служачых, іх сем’і і праваслаўных святароў эвакуіравалі па свочасова распрацаваных палажэннях. Высяленне астатніх катэгорый насельніцтва адбывалася на падставе загадаў і распараджэнняў, якія былі выдадзены непасрэдна пры правядзенні эвакуацыйных мерапрыемстваў.

Эвакуацыя дзяржаўных служачых і іх сем’яў ажыццяўлялася на падставе шэрагу палажэнняў, прынятых у другой палове 1914 г. Урадам 20 жніўня 1914 г. было зацверджана Часовае палажэнне аб вывазе за кошт казны па ваенных абставінах дзяржаўнай маёмасці, урадавых устаноў, служачых і іх сем’яў, якое стала асноўным дакументам, на падставе якога ваенныя і цывільныя ўлады ажыццяўлялі эвакуацыю ўрадавых устаноў і іх служачых.

Згодна з арт. 1 Часовага палажэння аб вывазе за кошт казны па ваенных абставінах дзяржаўнай маёмасці, урадавых устаноў, служачых і іх сем’яў вываз па ваенных абставінах у глыбіню імперыі з цытадэльных і ўзмацнёных раёнаў, якім пагражае нашэсце праціўніка, дзяржаўнай маёмасці, урадавых устаноў і асоб, якія знаходзяцца ў гэ-

тых раёнах ці мясцовасцях на службе ўрада, а таксама іх сем'яў адбываецца не інакш як па распараджэнню камандуючага войскамі акругі, галоўнакамандуючага і камандуючага асобнай арміяй, камандуючых флотам і камандантаў крэпасцей. Артыкул 2 гэтага дакумента абвяшчаў, што абавязковаму вывазу падлягаюць народныя святыні, прадметы найбольш каштоўныя ў дзяржаўных адносінах і ўвогуле ўсё, што можа стаць трафеем праціўніка. Прадметы і парадак вывазу (арт. 3 Часовага палажэння) павінны былі падрабязна рэгламентавацца мабілізацыйнымі планами і прыватнымі правіламі кожнага міністэрства. Усе расходы павінны былі ажыццяўляцца за кошт казны [2].

Першыя бежанцы з'явіліся ў заходніх губернях з самым пачаткам вайны, іх колькасць была нязначная. Часовае павелічэнне тут колькасці бежанцаў назіралася зімой 1914–1915 гг., калі армейскае камандаванне санкцыянавала масавае высяленне так званых нядобранадзейных народаў. Іх хутка пераправілі ў глыбіню Расійскай імперыі і да лета 1915 г. колькасць бежанцаў у заходніх губернях была адносна нязначнай (ад некалькіх соцен да некалькіх тысяч чалавек) [3].

Падкрэслім, што ў першы год вайны, да пачатку лета 1915 г., дапамогу асноўнай колькасці бежанцаў аказвалі дабрачынныя грамадскія арганізацыі. У гэты перыяд цывільныя ўлады забяспечвалі патрэбы толькі пэўных катэгорый бежанцаў, перш за ўсё эвакуіраваных дзяржаўных служачых. Непасрэдны ўдзел у аказанні дапамогі бежанцам органы дзяржаўнай ўлады пачалі прымаць з пачаткам масавага руху бежанцаў, а менавіта з лета 1915 г.

Сярод грамадскіх арганізацый галоўную ролю ў аказанні дапамогі бежанцам у заходніх губернях адыгрывалі Усерасійскі земскі саюз (УЗС), Усерасійскі саюз гарадоў (УСГ, аб'яднаная арганізацыя саюзаў атрымала назву ЗемГор) і Камітэт Яе Імператарскай Вялікасці Вялікай Князёўны Таццяны Мікалаеўны (Таццянінскі камітэт), а таксама дабрачынныя таварыствы, якія былі пабудаваны па нацыянальных, тэрытарыяльных ці рэлігійных прынцыпах.

Палажэнне аб Таццянінскім камітэце, зацверджанае 14 верасня 1914 г., можна вызначыць як першы афіцыйны дакумент аб бежанцах. Напрамую яны тут не ўзгадваюцца, аднак указанія ў палажэнні катэгорыі пацярпелага ад вайны насельніцтва ў наступны час будуць прызнаны ўладамі менавіта як бежанцы. Пункт 6 Палажэння аб Таццянінскім камітэце сцвярджаў, што гэта ўстанова аказвае часовую дапамогу асобам, якія трапілі ў нястачу як следства бедстваў, выкліканых ваеннымі абставінамі ў межах месца пастаяннага жыхарства альбо часовага знаходжання. Гэта дапамога распаўсюджвалася як на тых, хто застаўся на

месцы свайго жыхарства, так і на тых, хто пакінуў яго па патрабаванню ваенных улад ці па іншых абставінах, звязаных з ваенным часам. Згодна палажэнню камітэт знаходзіўся пад ганаровым старшынствам Вялікай князёўны Таццяны Мікалаеўны, у яго склад уваходзілі старшыня, віцэ-старшыня і прызначаныя члены. У пасяджэннях камітэта маглі прымаць удзел прадстаўнікі міністэрстваў: унутраных спраў, ваеннага, шляхоў зносін, фінансаў.

У п. 7 укладняліся наступныя віды дапамогі пацярпелым ад вайны: выдача адначасовай матэрыяльнай дапамогі; садзейнічанне ў вяртанні на радзіму ці месца пастаяннага жыхарства; пошук заняткаў для працаздольных; садзейнічанне размяшчэнню ў прытулках ці іншых дабрачынных установах непрацаздольных; выдача апошнім дапамогі; садзейнічанне ў атрыманні ўзнагароды за нанесеныя ваеннымі абставінамі страты; прыём ахвяраванняў [4, с. 10–11].

Звяртае на сябе ўвагу сціплы характар вызначанай дапамогі для пацярпелых па ваенных абставінах у першы год вайны. Апошнім прапанавалася не пастаянная, а разавая дапамога ў выглядзе невялікай сумы грошай. Больш таго, аддзяленні Таццянінскага камітэта пры разглядае прашэнняў аб аказанні дапамогі павінны былі ўлічваць маёмасны і сацыяльны стан пацярпелага. Гэта пацвярджае службовая перапіска паміж цэнтральным і мясцовымі камітэтамі. Сродкі, якімі да лета 1915 г. распараджаўся Таццянінскі камітэт, у асноўным складаліся з ахвяраванняў, і часткова – з асігнаванняў з казны. Толькі пасля выдання спецыяльнага закона ад 30 жніўня 1915 г. амаль усе сродкі камітэта вылучаліся з казны.

Адзначым, што да лета 1915 г. бежанства не выклікала вялікай заклапочанасці ўлад Расійскай імперыі, паколькі разглядалася як уласцівая ваеннаму часу з’ява. У гэты перыяд органы дзяржаўнай улады лічылі, што яны здольны кантраляваць тую колькасць мірных жыхароў, якія прымусяць да добраахвотна станавіліся бежанцамі. Павелічэнне летам – восенню 1915 г. колькасці бежанцаў да некалькіх мільёнаў чалавек стала нечаканым для цэнтральных і мясцовых цывільных улад і прымусіла органы дзяржаўнай улады звярнуць пільную ўвагу на забеспячэнне патрэб гэтай катэгорыі пацярпелых ад вайны.

Асноўную масу бежанцаў складалі мірныя жыхары заходніх губерняў, якіх ваенныя ўлады непасрэдна ці апасрэдавана прымусілі выехаць у глыбіню імперыі. Прычына, па якой высялялася насельніцтва заходніх губерняў, звязана з распрацаванай армейскім камандаваннем тактыкай выпаленай зямлі. Расійскае ваеннае кіраўніцтва вырашыла стварыць у якасці перашкоды шматвярстовую паласу змярцвення, з якой павінны

былі выселіць жыхароў і знішчыць усю маёмасць. Гэта рабілася з мэтай спыніць паспяховае нямецкае наступленне ў канцы вясны – летам 1915 г., а таксама пазбавіць праціўніка магчымасці атрымаць значныя трафеі.

У такіх абставінах дзейнасць цэнтральных і мясцовых улад па забеспячэнню патрэб бежанцаў ажыццяўлялася пры недахопе фінансавых сродкаў і адсутнасці адзінага кіраўніцтва гэтай справай. Гэта перш за ўсё тлумачыцца адсутнасцю своєчасова распрацаваных адпаведных заканадаўчых актаў, якія б на той час рэгламентавалі дзейнасць па ака-
занню дапамогі бежанцам.

Прымусовыя дзеянні армейскага камандавання выклікалі самы актыўны пратэст з боку насельніцтва і палітычна актыўнай яго часткі. Прадстаўнікі ўсіх саслоўяў заходніх губерняў, ад сялян да памешчыкаў, накіроўвалі ў Дзяржаўную Думу, Дзяржаўны Савет, Савет Міністраў, Вярхоўнаму Галоўнакамандуючаму і нават цару шматлікія звароты з пратэстамі супраць самавольства армейскіх чыноў [5].

Прымусовыя дзеянні армейскага камандавання ў дачыненні да мірнага насельніцтва заходніх губерняў выклікалі пратэст і з боку Савета Міністраў. Апошні, праўда, вымушаны быў абмежавацца папярэджаннямі і заклікамі да разважлівасці. Выступаючы ў Савеце Міністраў, міністр сельскай гаспадаркі А.В. Крывашэін казаў: «Ніякая краіна, нават шматцярплівая Русь, не можа існаваць пры наяўнасці двух урадаў. Ці няхай Стаўка возьме на сябе ўсё і здыме з Савета Міністраў адказнасць за ход спраў, ці няхай яна і яе падначаленыя лічацца з інтарэсамі дзяржаўнага кіравання». Яго падтрымліваў міністр унутраных спраў князь М.Б. Шчарбатаў: «Губернатары закідваюць мяне запытамі і тэлеграмамі аб нязносным становішчы, якое нарадзілі дзеянні ваенных улад» [6]. Старшыня Савета Міністраў дакладваў цару Мікалаю II, што прымусовае высяленне соцён тысяч людзей, знішчэнне іх маёмасці і т. п. складаюць дзяржаўную небяспеку і патрабуюць хуткага іх спынення. 16 жніўня 1915 г. Савет Міністраў пасля афіцыйнага абмеркавання прызнаў агульную эвакуацыю насельніцтва недапушчальнай.

У жніўні 1915 г. стала відавочным, што прымусовыя дзеянні ваенных улад у дачыненні да мірных жыхароў пераўтварылі бежанства ў праблему агульнадзяржаўнага маштабу. У расійскім грамадстве ўзрастала крытыка прымусовага высялення мірных жыхароў ваеннымі ўладамі, і менавіта з гэтымі дзеяннямі звязвалася пераўтварэнне бежанства ў катастрофу. Ваенныя ўлады, у сваю чаргу, поўнасьцю адмаўлялі сваю віну за масавае бежанства і тлумачылі рэзкае павелічэнне колькасці бежанцаў добраахвотнымі ўцёкамі мірных жыхароў ад жахаў вайны.

Пастановай ад 1 ліпеня 1915 г. Савет Міністраў усклаў арганізацыю клопату па забеспячэнню патрэб бежанцаў на двух членаў Дзяржаўнага

Савета. Дзейнасць апошніх была адразу пастаўлена ў сувязь з распараджэннямі галоўных начальнікаў забеспячэння армій Паўночна-і Паўднёва-Заходніх франтоў. Савет Міністраў прызначыў сенатара С.І. Зубчанінава пры галоўным начальніку забеспячэння армій Паўночна-Заходняга фронту генерале М.А. Данілаве і сенатара М.П. Урусава пры галоўным начальніку забеспячэння армій Паўднёва-Заходняга фронту. Падчас масавага высялення насельніцтва армейскае камандаванне звярнулася за дапамогай да Міністэрства ўнутраных спраў (МУС). Савет Міністраў таксама палічыў, што менавіта МУС, як адказнае за захаванне стабільнасці і парадку ў імперыі, павінна з боку цывільных улад займацца справай уладкавання бежанцаў. Таму менавіта пад наглядом міністра ўнутраных спраў М.Б. Шчарбатава, па ўзгадненню з Галоўнакіруючым землеўладкаваннем і земляробствам і начальнікам штаба Вярхоўнага Галоўнакамандуючага, быў падрыхтаваны спецыяльны наказ, які акрэсліў абавязкі і паўнамоцтвы С.І. Зубчанінава і М.П. Урусава. Савет Міністраў зацвердзіў гэты наказ 24 ліпеня 1915 г. Артыкуламі наказа клопат аб бежанцах ускладаўся: на Паўночна-Заходнім фронце – на С.І. Зубчанінава, на Паўднёва-Заходнім – на М.П. Урусава. Сенатарам было прысвоена званне Галоўнаўпаўнаважаных па ўладкаванню бежанцаў на франтах.

Наказ Галоўнаўпаўнаважаным па бежанцах акрэсліў наступныя напямкі дзейнасці С.І. Зубчанінава і М.П. Урусава: вызначэнне парадку высялення, маршрутаў і спосабаў руху бежанцаў у прызначаныя мясцовасці, іх забеспячэнне харчаваннем, медыцынскай і ветэрынарнай дапамогай і ўвогуле ўсім, што неабходна для перамяшчэння і ўладкавання бежанцаў на новым месцы жыхарства. Галоўнаўпаўнаважаныя па ўладкаванню бежанцаў на франтах павінны былі аказваць садзейнічанне асобам, якія высяляліся: у здачы хлеба, фуражу, коней, іншай жывёлы і т. п. для патрэб арміі (фактычна забяспечваць правядзенне рэквізіцый), а таксама ў атрыманні адпаведнай ўзнагароды за зданыя рэчы; у вывазе хлеба, фуражу і іншай маёмасці ў бяспечныя мясцовасці (праводзіць эвакуацыю маёмасці); ва ўтойванні пакінутай маёмасці, якая можа быць каштоўнай для праціўніка (фактычна займацца ліквідацыяй маёмасці); у пошуках працы для бежанцаў [4, с. 7]. Адзначым, што МУС вызначыла для С.І. Зубчанінава і М.П. Урусава клопат аб бежанцах толькі як частку іх абавязкаў. Меркавалася, што Галоўнаўпаўнаважаныя па ўладкаванню бежанцаў на франтах вызваляць армейскія і тылавыя часці ад эвакуацыйных і рэквізіцыйных мерапрыемстваў.

Наказам таксама было вызначана, якім чынам Галоўнаўпаўнаважаныя па ўладкаванню бежанцаў на франтах могуць фарміраваць свой службовы апарат. Яны маглі выбіраць у якасці памочнікаў упаўнаважаных,

а сваіх супрацоўнікаў набіраць з чыноўнікаў, эвакуіраваных з занятых праціўнікам мясцовасцей. Па ўзаемнаму ўзгадненню С.І. Зубчанінаў і М.П. Урусаў падзялілі губерні еўрапейскай Расіі на дзве часткі. Віленская, Віцебская, Гродзенская, Мінская і Магілёўская губерні трапілі, сярод іншых, у сферу паўнамоцтваў Галоўнаўпаўнаважанага па ўладкаванню бежанцаў Паўночна-Заходняга фронту С.І. Зубчанінава. Упраўленне і сетка ўстаноў, якія ўзначальваў С.І. Зубчанінаў, атрымалі скарачаную назву «Поўначдапамога» (аналагічная арганізацыя М.П. Урусава называлася «Поўдзень-бежанец»).

З гэтай рэгламентаваць працу ўпаўнаважаных як афіцыйных прадстаўнікоў Галоўнаўпаўнаважанага па ўладкаванню бежанцаў Паўночна-Заходняга фронту ў губернях быў складзены спецыяльны наказ. Згодна яму ўпаўнаважаныя і іх памочнікі працавалі па наступных напрамках: садзейнічалі ліквідацыі маёмасці высыляемага насельніцтва, вызначалі маршруты руху бежанцаў на гужавым шляху да месца пасадкі на чыгунку, арганізоўвалі медыцынскую і харчовую дапамогу, забяспечвалі бежанцаў фуражом і сродкамі перамяшчэння. Падкрэслім, што лепшым спосабам дапамогі з боку ўпаўнаважаных быў пошук працы для бежанцаў. Упаўнаважаныя «Поўначдапамогі», у сваю чаргу, мелі ў месцах найбольшай канцэнтрацыі бежанцаў сваіх прадстаўнікоў. Абавязкі апошніх вызначаліся наказам для асоб, якія камандзіраваліся на вузлавыя пункты і станцыі, і ўключалі санітарны нагляд за бежанцамі і клопат пра іх харчаванне. Камандзіраваныя на станцыі і пункты супрацоўнікі «Поўначдапамогі» таксама павінны былі фарміраваць з бежанцаў групы, выходзячы з тэрытарыяльных прымет, прызначаць у гэтых групах старэйшых і абавязкова тэлеграфіраваць на наступныя пункты пра колькасць адпраўленых бежанцаў і рэгістрыраваць іх [7].

Адзначым, што структура «Поўначдапамогі» была незавершанай. Праца гэтай установы будавалася на дзейнасці асобных супрацоўнікаў, якія накіроўваліся ў пэўныя раёны і там набіралі штат служачых. Фарміраванне арганізацыі адбывалася адначасова з ажыццяўленнем дзейнасці па аказанню дапамогі бежанцам, што адмоўна ўплывала на працу «Поўначдапамогі».

Паколькі пераўтварэнне бежанства ў агульнадзяржаўную праблему стала нечаканасцю для ўлад Расійскай імперыі, выпрацоўка закона аб бежанцах адбывалася паскоранымі тэмпамі. Законапраект аб бежанцах рыхтаваў земскі аддзел МУС пад наглядам міністра. Гэты аддзел быў створаны яшчэ пры падрыхтоўцы рэформы 1861 г. і з таго часу ведаў справай перасялення насельніцтва.

У тлумачэннях да законапраекта міністр унутраных спраў М.Б. Шчарбатаў вызначыў, што галоўнай мэтай дадзенага дакумента

з'яўлялася выяўленне кола асоб, якія прызнаюцца бежанцамі. Міністр таксама падкрэсліваў, што на чале справы аказання дапамогі бежанцам павінна стаць аднаасобная ўлада, якая будзе самастойна весці гэтую справу і несці адказнасць за яе правільную пастаноўку. Такой уладай М.Б. Шчарбатаў бачыў сваё міністэрства. Пры МУС і пад старшынствам міністра ўнутраных спраў стваралася Асобая нарада па ўладкаванню бежанцаў, якая павінна была каардынаваць дзейнасць усіх арганізацый і асоб у гэтай справе. Пры МУС быў таксама арганізаваны асобы аддзел па бежанскай справе.

Падрыхтаваны МУС законапраект аб бежанцах быў папярэдне абмеркаваны на спецыяльнай нарадзе пад старшынствам намесніка міністра ўнутраных спраў, у якой удзельнічалі члены Дзяржаўнага Савета і Дзяржаўнай Думы, прадстаўнікі міністэрстваў. У жніўні 1915 г. законапраект аб бежанцах быў перададзены на абмеркаванне ў Дзяржаўную Думу, а потым у Дзяржаўны Савет. У цэлым Дума адобрыла законапраект МУС, аднак палічыла неабходным удакладніць некаторыя артыкулы. Дзяржаўная Дума прыняла закон «Аб забеспячэнні патрэб бежанцаў» 14 жніўня, а яго найвышэйшае зацвярджэнне адбылося 30 жніўня 1915 г. [8]. На падставе закона на патрэбы бежанцаў быў выдадзены крэдыт у 25 мільёнаў рублёў (да сярэдзіны верасня 1915 г. з іх ужо было выкарыстана 23,5 мільёна рублёў).

Параўнальны аналіз законапраекта МУС і зацверджанай рэдакцыі закона ад 30 жніўня 1915 г. дазваляе акрэсліць пазіцыі міністэрства і Дзяржаўнай Думы па справе ўладкавання бежанцаў.

Згодна з арт. 1 закона ад 30 жніўня 1915 г. бежанцамі прызнаюцца асобы, якія пакінулі мясцовасці, што пагражаў заняць ці ўжо заняў праціўнік, альбо выселеныя распараджэннем ваенных ці цывільных улад з раёна баявых дзеянняў, а таксама выхадцы з варожых Расіі дзяржаў. Бежанцамі не прызнаваліся асобы, высланыя пад надзор паліцыі, а таксама нямецкія і вянгерскія падданыя [4, с. 2, 3]. Такім чынам, дзяржава прызнала бежанцамі амаль усе катэгорыі высленага насельніцтва, а менавіта эвакуіраваных служачых і іх сем'і, дэпартаваных немцаў-каланістаў і яўрэяў, прымусова высленых жыхароў заходніх губерняў і тых, хто па ўласнай ініцыятыве накіраваўся ў глыбіню імперыі.

Артыкулам 2 закона клопат па забеспячэнню матэрыяльных і духоўных патрэб бежанцаў ускладаўся на міністра ўнутраных спраў, Галоўнаўпаўнаважаных па ўладкаванню бежанцаў, на губернатараў і граданачальнікаў, на земскія ўстановы і гарадскія грамадскія кіраўніцтвы і на мясцовыя камітэты. Артыкул 3 асобна адзначыў, што аказанне дапамогі асобам, якія пацярпелі ад ваенных дзеянняў, складае таксама задачу Таццянінскага камітэта.

Закон ад 30 жніўня 1915 г. сцвярджаў, што ўказаным у арт. 2 і 3 асобам і арганізацыям прадастаўляецца права заклікаць да супрацоўніцтва ўвогуле ўсе грамадскія сілы. Прадстаўнікі УЗС і УСГ у перыядычным друку пракаментавалі такую пастаноўку пытання як незвычайную і новую для палітычнага жыцця Расіі [9, с. 175]. Законам было ўсталявана фінансаванне патрэб бежанцаў сродкамі з казны [4, с. 3]. Гэта адкрывала магчымасці шырокага ўдзелу ў справе дапамогі бежанцам не толькі дзяржаўным установам, але і шматлікім недзяржаўным арганізацыям, якія да выдання закона былі не здольныя забяспечыць дастатковы ўзровень дапамогі па прычыне абмежаванасці сваіх фінансавых сродкаў.

Артыкулы 8–18 закона ад 30 жніўня 1915 г. датычыліся арганізацыі і функцыянавання Асобай нарады па ўладкаванню бежанцаў. Яна была створана для абмеркавання і аб'яднання ўсіх мер па забеспячэнню патрэб бежанцаў, а таксама для агульнага назірання за мэтазгодным выкананнем азначаных мер. Старшынёю Асобай нарады па ўладкаванню бежанцаў стаў міністр унутраных спраў (арт. 8). На апошняга ўскладвалася кіраўніцтва ўсёй справай уладкавання бежанцаў і размеркавання крэдытаў (арт. 19). Паўнамоцны склад Асобай нарады па ўладкаванню бежанцаў згодна арт. 10 закона быў наступны: па сем членаў Дзяржаўнай Думы і Дзяржаўнага Савета, якія выбіраліся гэтымі ўстановамі (у 1916 г. іх колькасць павялічылі да 9 – усяго 18); прадстаўнікі міністэрстваў: ваеннага, замежных спраў, унутраных спраў, фінансаў, народнай асветы, шляхоў зносін, гандлю і прамысловасці, галоўнага ўпраўлення землеўладкавання і земляробства – па аднаму ад кожнага ведамства. У нараду ўваходзілі таксама па аднаму прадстаўніку ад Таццянінскага камітэта, Чырвонага Крыжа, упраўлення вярхоўнага начальніка санітарнай і эвакуацыйнай часці, УЗС і УСГ і ад нацыянальных камітэтаў – польскага, армянскага, яўрэйскага, латышкага, літоўскага і грузінскага. Акрамя таго, у склад нарады былі ўключаны Галоўнаўпаўнаважаныя па ўладкаванню бежанцаў і кіруючы справамі гэтай установы [4, с. 3–4].

У законапраекце МУС прадугледжваўся ўдзел пяці членаў Дзяржаўнай Думы і пяці членаў Дзяржаўнага Савета, якія не выбіраліся, а запрашаліся міністрам унутраных спраў [10, арк. 4]. Пры гэтым у законе захавалася палажэнне (арт. 12), згодна з якім старшыня нарады можа запрашаць на пасяджэнні любых асоб, удзел якіх прызнае карысным. Дзякуючы гэтаму на нарадзе заўсёды магчыма было забяспечыць праўрадавую большасць.

У параўнанні з законапраектам МУС, у законе ад 30 жніўня 1915 г. было пашырана кола пытанняў, якія падлягалі абмеркаванню Асобай

нарадай па ўладкаванню бежанцаў. У першым варыянце – гэта пытанні агульнага размеркавання крэдытаў, клопата аб руху і ўладкаванні бежанцаў, ацэнка маёмасці, пакінутай імі, і ўвогуле стратаў насельніцтва па ваенных абставінах, кампенсация за страты, аказанне пазыковай дапамогі [10, арк. 5]. У канчатковую рэдакцыю закона дадаткова ўключаны клопат аб задавальненні духоўных патрэб бежанцаў, распрацоўка праекта наказа галоўнаўпаўнаважаным тылу, парадак стварэння і дзейнасці мясцовых камітэтаў, а таксама вызначэння іх кіраўніцтва [4, с. 5].

Пазней вызначэнне дзеяння арт. 22 закона ад 30 жніўня 1915 г. аб парадку ажыццяўлення мясцовага клопату аб бежанцах стала галоўнай прычынай спрэчак паміж урадам і грамадскімі арганізацыямі, перш за ўсё УЗС і УСГ. У законапраекце МУС забеспячэнне клопату аб бежанцах на месцах ускладналася перш за ўсё на начальнікаў губерняў і граданачальнікаў, а таксама на земскія і гарадскія самакіраванні. У мясцовасцях, дзе не існавалі земствы і гарадскія самакіраванні, МУС меркавала ўскласці клопат на абывацельскія камітэты пад старшынствам губернатараў ці павятовых прадвадзіцеляў дваранства [10, арк. 5]. Закон ад 30 жніўня змяшчаў іншую фармуліроўку: мясцовы клопат аб бежанцах і іх далейшым лёсе ўскладаецца на земскія ўстановы і гарадскія грамадскія кіраўніцтвы з прадастаўленнем ім права ствараць асобныя камітэты. У мясцовасцях, дзе не былі ўведзены земскія і гарадскія самакіраванні, мясцовы клопат аб бежанцах ускладаўся на губернскія, павятовыя і гарадскія камітэты дапамогі бежанцам. Гэтыя камітэты ствараліся з прадстаўнікоў зацікаўленых арганізацый і кіраваліся губернскімі ўпаўнаважанымі МУС, астатнімі асобамі, выбранымі губернскімі камітэтамі [4, с. 6].

Шмат якія дзеячы саюзаў успрынялі гэтыя палажэнні закона ад 30 жніўня 1915 г. як дазвол дзяржавы ўзяць справу ўладкавання бежанцаў у рукі ўказаным самакіраванням. Адзначым, што галоўныя камітэты УЗС і УСГ сталі прэтэндаваць на аб'яднанне пад сваім кіраўніцтвам справы дапамогі бежанцам, прычым па ўсёй тэрыторыі імперыі. Такая ініцыятыва адразу сустрэла супрацьдзеянні з боку МУС, Асобай нарады па ўладкаванню бежанцаў і праўрадавых дабрачынных арганізацый, перш за ўсё Таццянінскага камітэта. Справа ў тым, што саюзы крытычна ацэньвалі дзеянні ўрада як па агульных палітычных пытаннях, так і канкрэтна па вядзенню справы бежанцаў. Таму з боку дзяржаўнай улады пачаліся сур'ёзныя абмежаванні дабрачыннай дзейнасці УЗС і УСГ, нягледзячы на яе карыснасць, у асноўных сферах – фінансавай і арганізацыйнай [9, с. 175–193]. Адсюль можна зрабіць выснову, што палітычная барацьба ў Расійскай імперыі напрамую ўплывала

на дзейнасць па аказанню дапамогі пацярпелым ад вайны, прычым самым адмоўным чынам.

Асобая нарада па ўладкаванню бежанцаў пачала сваю працу з верасня 1915 г. Міністр унутраных спраў у поўнай меры выкарыстаў сваё права запрашаць на пасяджэнні нарады патрэбных яму асоб, чым, як ужо адзначалася, была забяспечана праўдавая большасць падчас працы нарады. Напрыклад, членаў Дзяржаўнага Савета было 13 (аразам з Галоўнаўпаўнаважанымі па ўладкаванню бежанцаў і старшынёю Таццянінскага камітэта – 16), а па закону – 7; членаў Дзяржаўнай Думы – 15, а па закону – таксама 7; ад МУС – 23 прадстаўнікі плюс 12 раённых галоўнаўпаўнаважаных па бежанцах і кіруючыя справамі МУС, усяго – 36. Пры гэтым падчас галасавання не рабілася падзелу на ўваходзячых у склад нарады (арт. 10) і на запрошаных на пасяджэнні (арт. 12).

Шырокі спектр разглядаемых пытанняў і праблем бежанцаў патрабаваў вылучэння ў дзейнасці нарады асобных напрамкаў. Таму на падставе арт. 17 закона ад 30 жніўня 1915 г. у рамках Асобай нарады па ўладкаванню бежанцаў было створана некалькі камісій. Адною з самых чакаемых з боку саміх бежанцаў распрацовак нарады быў праект аб пазыковай дапамозе пацярпелым ад вайны. Яго падрыхтоўкай у кастрычніку – лістападзе 1915 г. займалася камісія А.І. Лыкошына. Праект часовых правіл па выдачы пазык быў перададзены для зацвярджэння ў нараду і з невялікімі змяненнямі быў ёй прыняты. Аднак толькі праз паўгода, 13 мая 1916 г., адбылося найвышэйшае зацвярджэнне Часовых правіл аб аказанні пазыковай дапамогі пацярпеламу ад вайны насельніцтву.

Па прычыне таго, што менавіта страта бежанцамі маёмасці і сродкаў да існавання не дазваляла ім у поўнай меры аднавіць сваё жыццё на новым месцы жыхарства, пацярпелыя ад вайны чакалі пазыковай дапамогі ад дзяржавы. Але шэраг пунктаў Часовых правіл аб аказанні пазыковай дапамогі пацярпеламу ад вайны насельніцтву ад 13 мая 1916 г. насіў дыскрымінацыйны характар і значна абмяжоўваў катэгорыі насельніцтва, якія маглі атрымаць пазыку. У заўвазе да арт. 1 указвалася, што гэтыя правілы не распаўсюджваюцца на асоб, якія атрымуюць казённые бежанскі харчовы і кватэрны паёк. А менавіта гэтая катэгорыя бежанцаў была самай неўладкаванай і збыднелай.

Згодна з Часовымі правіламі аб аказанні пазыковай дапамогі пацярпеламу ад вайны насельніцтву ад 13 мая 1916 г. пазыкі маглі выдавацца асобам, якія валодалі зямлёю па-за межамі гарадскіх паселішчаў; уладальнікам нерухомасці ў гарадах і іншых гандлёва-прамысловых пунктах; асобам, якія маюць уклады ў крэдытных установах, прыпыніўшых дзейнасць па ваенных абставінах (арт. 2); у асобных выпадках – іншым

асобам, прызнаным дастаткова добранадзейнымі ў адносінах звароту пазыкі. Максімальны памер пазыкі не мог перавышаць 6 тысяч рублёў (арт. 5). Па распараджэнню міністра ўнутраных спраў для выдачы пазык утвараліся камітэты: цэнтральны ў Петраградзе і мясцовыя ў губернях (арт. 24) [11].

У 1916 г. расійскае камандаванне планавала здзейсніць шэраг наступальных аперацый. Вынікам павінна было стаць вызваленне значнай тэрыторыі заходніх губерняў. Падобнае развіццё падзей не магло не адбіцца на агульным настроі бежанцаў. Апошнія пасля вялікіх маральных і матэрыяльных страт, амаль не кампенсаваных на новым месцы жыхарства, менавіта з вяртаннем на радзіму звязвалі надзею на паўнаважнае жыццё. Улады папярэдзілі бежанцаў, што па меры вызвалення захопленай праціўнікам тэрыторыі ім будуць паведамляць аб магчымасці вяртання на старое месца жыхарства. Гарантавалася выдача асобага пасведчання, якое дасць права на бясплатны праезд і харчаванне ў дарозе, а таксама садзейнічанне мясцовых улад пры прыбыцці бежанцаў. Пры гэтым бежанцам ні ў якім разе не дазвалялася вяртацца да таго часу, пакуль улады не падрыхтуюцца да іх прыбыцця. Заклапочанасць ваенных і цывільных улад магчымым адваротным рухам бежанцаў і звязанымі з гэтым праблемамі мела пад сабой рэальную аснову. Пазбаўленыя ўсяго, бежанцы ў пошуках харчавання для сябе і сваіх сем'яў знаходзіліся на мяжы адчаю, і некаторыя з іх былі здольны на здзяйсненне злачынстваў.

Перад мясцовымі цывільнымі ўладамі стаяла задача скаардынаваць і накіраваць дзейнасць розных арганізацый, якія аказвалі дапамогу бежанцам. Для гэтага губернскія і павятовыя арганізацыі склікалі асобныя нарады, на якіх адсочвалася агульнае становішча бежанцаў і размяркоўваліся крэдыты на іх утрыманне. Мясцовая адміністрацыя не была здольная паспяхова каардынаваць дзейнасць розных арганізацый, аб чым сведчыць невысокая эфектыўнасць дапамогі, якая аказвалася бежанцам. Сярод прычын гэтага былі складаныя ўмовы ваеннага перыяду і недастатковая ўвага да справы аказання дапамогі бежанцам з боку губернскіх, гарадскіх і павятовых улад.

Неэфектыўнасць дзеянняў губернскіх улад па каардынацыі дзейнасці дзяржаўных устаноў і дабрачынных арганізацый стала падставай для выдання Галоўнакамандуючым арміямі Заходняга фронту загада ад 20 студзеня 1916 г. № 2921. Апошні распарадзіўся цывільным уладам стварыць губернскія і павятовыя нарады для аб'яднання дзейнасці ўсіх устаноў па аказанню дапамогі пацярпеламу ад вайны насельніцтву. Да працы ў нарадах павінны былі быць закліканы прадстаўнікі мясцо-

вых земстваў, гарадскіх улад, цывільнай адміністрацыі, Таццянінскага камітэта, УЗС, УСГ, «Поўначдапамогі», Чырвонага Крыжа, нацыянальных арганізацый [12].

Загад № 2921 быў адменены з зацвярджэннем Кіруючых правілаў па ўладкаванню бежанцаў ад 2 сакавіка 1916 г. Праект апошніх быў распрацаваны асобым аддзелам МУС і ўнесены на разгляд Асобай нарады па ўладкаванню бежанцаў у студзені 1916 г. Праект з’яўляўся першай спробай асобага аддзела МУС, як спецыяльнага органа міністэрства па бежанскай справе, выказаць свае погляды на арганізацыю дапамогі бежанцам у імперыі. Неабходнасць распрацоўкі падобных правілаў стала ў свой час адной з прычын стварэння Асобай нарады па ўладкаванню бежанцаў, аднак праца гэта зацягнулася амаль на паўгода.

Кіруючыя правілы па ўладкаванню бежанцаў змяшчалі як агульныя ўказанні арганізацыйнага характару, так і тэхнічныя аспекты аказання дапамогі бежанцам. Гэты дакумент шмат у чым дубліраваў палажэнні закона «Аб забеспячэнні патрэб бежанцаў» ад 30 жніўня 1915 г. і ў той жа час удакладняў і дапаўняў яго артыкулы. Менавіта апошнія выклікала самы актыўны пратэст з боку прадстаўнікоў грамадскіх арганізацый, перш за ўсё УЗС і УСГ, якія палічылі, што дзяржаўная ўлада імкнецца абмежаваць іх дзейнасць.

Кіруючыя правілы па ўладкаванню бежанцаў складаліся з 32 пунктаў, першыя з якіх уяўлялі сабой пералік цэнтральных дзяржаўных і дабрачынных арганізацый, што дапамагалі бежанцам пад агульным кіраўніцтвам міністра ўнутраных спраў. Сярод іх – аддзел па ўладкаванню бежанцаў пры МУС, Таццянінскі камітэт, УЗС, УСГ, Усерасійскае таварыства клопату аб бежанцах, а таксама нацыянальныя і абывацельскія камітэты. У Кіруючых правілах па ўладкаванню бежанцаў пацвярджалася, што абмеркаванне і каардынацыю дзейнасці ўсіх вышэйпералічаных арганізацый павінна ажыццяўляць Асобая нарада па ўладкаванню бежанцаў пад старшынствам міністра ўнутраных спраў (п. 1–4). Пункты 5–6 клопат аб бежанцах таксама ўскладалі на Галоўнаўпаўнаважаных на франтах і ў глыбіні імперыі [13, с. 120–121].

Пункты 7–9 былі прысвечаны мясцоваму клопату аб бежанцах і прадпісвалі арганізоўваць гэты працэс некалькі інакш, чым закон ад 30 жніўня 1915 г. З аднаго боку, у п. 7 пацвярджалася, што мясцовы клопат аб бежанцах ускладаецца на земскія і гарадскія грамадскія ўпраўленні з правам ствараць асобныя камітэты. З іншага боку, у тым жа п. 7 гэта палажэнне апырэджвалася ўказаннем, што клопаты па забеспячэнню матэрыяльных і духоўных патрэб бежанцаў на месцах ускладаюцца, пад кіраўніцтвам міністра ўнутраных спраў і галоўнаўпаўнаважаных,

на губернатараў і граданачальнікаў, на земскія і гарадскія грамадскія кіраванні.

Пункт 8 укладняў: урадавы надзор за правільным уладкаваннем бежанцаў належыць губернатарам і граданачальнікам. Для аб'яднання дзейнасці мясцовых устаноў па дапамозе бежанцам пад старшынствам апошніх ствараюцца губернскія, абласныя і гарадскія нарады з прадстаўнікоў адміністрацыі земскіх і гарадскіх самакіраванняў, нацыянальных арганізацый. Паколькі ключавую ролю ў дзейнасці па аказанню дапамогі бежанцам адыгрывала пытанне кантролю за фінансавымі сродкамі, што выдаткоўваліся з казны, царскі ўрад пакінуў размеркаванне грошаў – як сярод дзяржаўных органаў, так і паміж грамадскімі дабрачыннымі ўстановамі – за губернскімі і павятовымі ўладамі. Аднак п. 9 менавіта нарады пад старшынствам губернатараў і граданачальнікаў павінны былі разглядаць усе фінансавыя каштарысы для наступнага іх прадастаўлення ў Асобую нараду па ўладкаванню бежанцаў [13, с. 121–122]. Гэтым самым улады засяродзілі ў руках чыноўнікаў мясцовай адміністрацыі выключныя паўнамоцтвы па кіраўніцтву справай уладкавання бежанцаў [9, с. 234–249].

Важнай прычынай, па якой дзяржава імкнулася поўнаасцю кантраляваць дзейнасць па аказанню дапамогі бежанцам на ўсіх узроўнях, былі разлікі ўрада выкарыстаць гэту дапамогу ў якасці стымула для прыцягвання бежанцаў да працы. Гэтыя разлікі не спраўдзіліся таму, што памеры дапамогі з боку дзяржавы былі недастатковымі для аднаўлення працаздольнасці бежанцаў, а таксама па прычыне невялікай колькасці працаздольных мучжын і жанчын сярод агульнай масы бежанцаў.

Шэраг пунктаў Кіруючых правілаў па ўладкаванню бежанцаў быў прысвечаны тэхнічным аспектам арганізацыі дапамогі бежанцам, прычым некаторыя з іх яўна састарэлі. Напрыклад, п. 14 вызначаў, што ўсе будынкі для бежанцаў павінны насіць часовы характар, а ў перыяд разгляду правілаў (студзень – люты 1916 г.) большасць бежанцаў была ўжо расселена. Пункт 15 акрэсліў наступныя віды дапамогі бежанцам з боку дзяржавы: бясплатная перавозка па чыгунках; харчаванне ў дарозе і на новым месцы жыхарства; забеспячэнне прыдатнымі для жыхарства памяшканнямі; медыцынская дапамога; задавальненне рэлігійных і адукацыйных патрэб бежанцаў; догляд за дзецьмі і нямоглымі; дапамога ў пошуках працы, а таксама юрыдычная дапамога; забеспячэнне адзеннем і абуткам; выдача пазык і аказанне грашовай дапамогі; іншая дапамога. У п. 20 змяшчалася абяцанне з боку ўрада і розных арганізацый прыняць усе меры па пошуку для бежанцаў заробку, які будзе адпавядаць іх ведам і здольнасцям. Пункт 31 абавязаў губернатараў і граданачальнікаў

у першы дзень кожнага месяца дакладваць міністру ўнутраных спраў аб становішчы бежанцаў на падуладнай ім тэрыторыі [13, с. 120–125].

Пасля кансультацый, разгляду асобных пунктаў і дакумента ў цэлым Асобая нарада па ўладкаванню бежанцаў на пасяджэнні 30 студзеня 1916 г. выказалася за прыняцце гэтага дакумента і перадала яго у Савет Міністраў. З некаторымі папраўкамі міністр унутраных спраў А.М. Хвастоў зацвердзіў Кіруючыя правілы па ўладкаванню бежанцаў 2 сакавіка 1916 г. (за дзень да сваёй адстаўкі).

Вясна 1916 г. выявіла востры недахоп працоўнай сілы для выканання сельскагаспадарчых прац. Гэта было звязана з прызывам большай часткі мужчынскага працаздольнага насельніцтва ў рэгулярную армію. Савет Усерасійскай сельскагаспадарчай палаты выказаў пажаданне выкарыстаць працу бежанцаў на веснавых сельскагаспадарчых работах. Асобая нарада па ўладкаванню бежанцаў на закрытых пасяджэннях неаднаразова разглядала гэта пытанне. Асноўнай перашкодай для яго вырашэння было тое, што прапанаваныя работадаўцамі заробкі не маглі забяспечыць бежанцаў усім неабходным, а сам факт прыняцця на працу мог пазбавіць права на паёк. Існавала і псіхалагічная перашкода. Бежанцы баяліся атрымаць пастаянную працу на новым месцы жыхарства, паколькі лічылі, што гэта, разам з іншымі абставінамі, не дазволіць ім у будучым вярнуцца на радзіму.

Такім чынам, сацыяльную палітыку ўрада і дзейнасць розных арганізацый па аказанню дапамогі бежанцам трэба ацэньваць з улікам аб’ектыўных абставін ваеннага часу. З аднаго боку, у складаных умовах большай частцы мірных жыхароў, якія праз бежанства страцілі свой сацыяльны статус, былі пазбаўлены сродкаў да жыцця і знаходзіліся ў стане цяжкага псіхалагічнага крызісу, была аказана абмежаваная, але дастатковая для падтрымання жыццядзейнасці дапамога. Аднак з іншага – мінімальныя памеры дапамогі не маглі садзейнічаць аднаўленню бежанцаў як паўнавартасных членаў грамадства. Сярод прычын гэтага былі як адзначаныя ўмовы ваеннага перыяду, так і адносіны дзяржаўнай улады да бежанства як да другараднай праблемы [14].

1. Ростунов И.И. Русский фронт первой мировой войны. М. : Наука, 1976. С. 112–115.

2. Правительств. вестн. 1914. № 195. 28 авг. С. 1.

3. Штаб Дзінскай ваеннай акругі. Аддзяленне цывільных спраў. Перапіска з губернатарамі аб уладкаванні бежанцаў // Рас. дзярж. ваен.-гіст. арх. Ф. 1932. Воп. 12. Спр. 60. Арк. 56.

4. Законы и распоряжения о беженцах. 2-е изд. М., 1916. Вып. 1.

5. Ваенна-палітычнае і цывільнае ўпраўленне пры штабе Вярхоўнага Галоўна-камандуючага. Перапіска аб уладкаванні бежанцаў // Рас. дзярж. ваен.-гіст. арх. Ф. 2005. Воп. 1. Спр. 40. Арк. 70, 81, 85.

6. Иоффе Г.З. Выселение евреев из прифронтовой полосы в 1915 г. // *Вопр. истории.* 2001. № 9. С. 85–97.
7. Магілёўскае паўнамоцтва «Поўначдапамогі». Перапіска па ўладкаванню бежанцаў у Магілёўскай губерні // *Нац. гіст. арх. Беларусі.* Ф. 2289. Воп. 1. Спр. 6. Арк. 6–8.
8. Всерос. земский союз. Изв. гл. ком. 1915. № 21. С. 9–10.
9. Изв. Всерос. союза городов. 1916. № 27–28.
10. Часопісы Асобай нарады па ўладкаванню бежанцаў і крэдытнай камісіі. Цыркуляры МУС. Даведкі да пытання аб бежанцах // *Рас. дзярж. гіст. арх.* Ф. 1322. Воп. 1. Спр. 10.
11. Всерос. земский союз. Изв. гл. ком. 1916. № 40. С. 96.
12. Канцылярыя галоўнага начальніка забеспячэння армій Заходняга фронту. Адзел цывільных спраў. Загады, матэрыялы і звесткі пра бежанцаў // *Рас. дзярж. ваен.-гіст. арх.* Ф. 2049. Воп. 1. Спр. 446. Арк. 40.
13. Законы и распоряжения о беженцах (по 1 апр. 1916 г.). М., 1916. Вып. 2.
14. Лапановіч С.Ф. Дзейнасць дзяржаўных і грамадскіх арганізацый па аказанню дапамогі бежанцам у Беларусі ў гады Першай сусветнай вайны (1914 – кастрычнік 1917 г.). Мінск : Акад. МУС, 2010.

УДК 351.742

А.И. Мурашко

НОРМАТИВНЫЕ ПРАВОВЫЕ АКТЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ КАК ИСТОЧНИКИ ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИИ ЖАНДАРМСКОЙ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЙ ПОЛИЦИИ

Жандармские полицейские управления железных дорог во второй половине XIX – начале XX в. представляли правоохранительные органы, которые обеспечивали правопорядок, общественную и государственную безопасность на железнодорожных магистралях, и являлись составной частью государственного механизма Российской империи. В связи с этим практически вся деятельность железнодорожных жандармов регламентировалась нормативными правовыми актами, издаваемыми как законодателем, так и различными государственными ведомствами Российской империи.

Основные законодательные акты, относящиеся к деятельности железнодорожных жандармов, собраны в Полном собрании законов Российской империи (собрание 2-е – 1830–1884 гг. – охватывает периоды правления императоров Николая I и Александра II; собрание 3-е – 1885–1916 гг. – охватывает периоды правления императоров Александра III и Николая II), Своде законов Российской империи. К таким актам необходимо отнести указы императоров, утвердившие Положение о полицейских управлениях С.-Петербургско-Варшавской и Московско-Нижегородской

железных дорог (1861) [1, с. 195–197, 282–283], Временный штат чинам и окладам полицейских управлений Рижско-Динабургской и Динабургско-Витебской железных дорог (1863) [2, с. 322, 365–366], «Об обязанностях и подчинении жандармских полицейских управлений железных дорог» (1866) [3, с. 532], Положение о Корпусе жандармов (1867) [4, с. 73–80], Правила о порядке действия чинов Корпуса жандармов по исследованию преступлений (1871) [5, с. 591–594], Устав уголовного судопроизводства [6, с. 4, 7, 15 и др.], Общий устав Российских железных дорог [7, с. 19–22] и др.

Наибольший массив источников представляют локальные нормативные правовые акты. Правовое положение железнодорожных жандармов было уникальным. Являясь составной частью Отдельного корпуса жандармов – воинским подразделением Военного министерства, они выполняли функции общей полиции и политической полиции, в этом отношении подчиняясь Министерству внутренних дел, III отделению собственной Его Императорского Величества канцелярии, Департаменту полиции. Таким образом, структурно-организационное построение жандармской полиции, прохождение службы жандармами, их денежное содержание, обмундирование, вооружение, пенсионное обеспечение регулировались нормативными правовыми актами Военного министерства, собранными в «Сводах военных постановлений» [8–13]. Значительный массив источников составляют постановления, циркуляры, приказы и другие распорядительные акты Штаба Отдельного корпуса жандармов, III отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии, Департамента полиции, начальников жандармских полицейских управлений железных дорог, Особых комитетов по чрезвычайной охране железных дорог и др.

Источники можно также разделить на опубликованные и неопубликованные (архивные). Часть нормативных правовых актов была издана в сборниках документов и материалов, некоторые вышли отдельными публикациями.

В дореволюционный период в 1908 г. вышел и в 1912 г. был переиздан справочник нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность железнодорожной жандармерии, составленный полковником Л.А. Тимофеевым [6].

В советский период в связи с разработкой вопросов по истории государства и права появляются сборники документов и материалов по истории полиции дореволюционной России, которые также содержат нормативные правовые акты по истории Отдельного корпуса жандармов и железнодорожных жандармов [14].

В 90-х гг. XX – начале XXI в. в российской исторической науке публикуется большой массив документов по истории органов политической полиции Российской империи [15]. В этот же период российскими учеными Н.Д. Литвиновым и Ш.М. Нурадиновым подготовлен и издан сборник документов и материалов, посвященных непосредственно истории жандармских полицейских управлений железных дорог [7].

Многие нормативные правовые акты сохранились в большом массиве архивных документов Беларуси и России. Основная их часть сконцентрирована в фондах Национального исторического архива Беларуси и Государственного архива Российской Федерации.

Среди фондов Национального исторического архива Беларуси необходимо выделить фонд 3365 (Жандармского полицейского управления Либаво-Риго-Орловской железной дороги, Либаво-Риго-Елецкой и Московско-Смоленской железных дорог), 1217 (Минского жандармского полицейского управления железных дорог), 3287 (Двинско-Витебского отделения Смоленского жандармского полицейского управления железных дорог), 295 (Канцелярии Минского губернатора), 1416 (Витебского губернского правления), 1430 (Канцелярии Витебского гражданского губернатора) и др.

Деятельность железнодорожной жандармерии непосредственно была связана с железной дорогой. Поэтому определенная часть документов, касающаяся истории жандармских полицейских управлений железных дорог, отложилась в железнодорожных фондах. Например, фонд 2414 (Управления Либаво-Виленской железной дороги), 2415 (Управления Полесских железных дорог), 2625 (Управления Риго-Орловской железной дороги) и др.

Значительная часть архивных материалов по истории жандармских полицейских управлений железных дорог сконцентрирована в Государственном архиве Российской Федерации. В первую очередь необходимо выделить нормативные правовые акты, связанные с политическими функциями жандармских полицейских управлений железных дорог. В основном они хранятся в фондах III отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии (фонд 109) и Департамента полиции (фонд 102), Штаба Отдельного корпуса жандармов (фонд 110), Московско-Рижского жандармского полицейского управления железных дорог (фонд 77).

Таким образом, нормативные правовые акты Российской империи представляют одну из наиболее информативных групп источников, которые позволяют исследовать правовое положение, функции, основные направления деятельности железнодорожных жандармов.

1. Полное собрание законов Российской империи : собр. 2-е : в 55 т. СПб. : Тип. Второго отд-ния собств. Е.И.В. канцелярии, 1830–1884. Т. 36, отд-ние 2 : 1861–1863.
2. Полное собрание законов Российской империи : собр. 2-е : в 55 т. СПб. : Тип. Второго отд-ния собств. Е.И.В. канцелярии, 1830–1884. Т. 38, отд-ние 2 : 1863–1866.
3. Полное собрание законов Российской империи : собр. 2-е : в 55 т. СПб. : Тип. Второго отд-ния собств. Е.И.В. канцелярии, 1830–1884. Т. 41, отд-ние 2 : 1866–1868.
4. Полное собрание законов Российской империи : собр. 2-е : в 55 т. СПб. : Тип. Второго отд-ния собств. Е.И.В. канцелярии, 1830–1884. Т. 42, отд-ние 2 : 1867–1871.
5. Полное собрание законов Российской империи : собр. 2-е : в 55 т. СПб. : Тип. Второго отд-ния собств. Е.И.В. канцелярии, 1830–1884. Т. 46, отд-ние 1 : 1871–1874.
6. Обязанности жандармской железнодорожной полиции. По жандармско-полицейской части / сост. Л. Тимофеев. 2-е изд. СПб. : Тип. МВД, 1912.
7. Литвинов Н.Д., Нурадинов Ш.М. Противодействие антигосударственному террору на железных дорогах Российской империи : сб. док. и материалов. М. : Голос, 1999.
8. Свод военных постановлений 1869 г. 2-е изд. СПб. : Гос. тип., 1907. Кн. 1 : Военное министерство и особые высшие военные установления.
9. Свод военных постановлений 1869 г. 2-е изд. СПб. : Гос. тип., 1907. Кн. 5 : Устройство и состав войск и управление ими.
10. Свод военных постановлений 1869 г. 2-е изд. СПб. : Гос. тип., 1907. Кн. 6 : Комплектование войск и управлений, заведений и учреждений военного ведомства.
11. Свод военных постановлений 1869 г. 2-е изд. СПб. : Гос. тип., 1907. Кн. 7 : Прохождение службы по военному ведомству.
12. Свод военных постановлений 1869 г. 2-е изд. СПб. : Гос. тип., 1902. Кн. 8 : Награды, пенсии, пособия и призрение чинов военного ведомства.
13. Свод военных постановлений 1869 г. 2-е изд. СПб. : Гос. тип., 1907. Кн. 19 : Довольствие войск.
14. История полиции дореволюционной России : сб. док. и материалов по истории государства и права / сост.: В.М. Курицын [и др.]. М. : Моск. высш. шк. милиции, 1981.
15. Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX – начало XX вв.) : сб. док. / Ассоц. исследователей рос. о-ва XX в. [и др.] ; редкол.: Н.И. Дедков [и др.] ; сост. Е.И. Щербакова. М. : АИРО-XX, 2001.

УДК 947.6

А.Д. Гронский

РАПОРТЫ КОМАНДИРОВ РУССКИХ ОТРЯДОВ КАК ИСТОЧНИК СВЕДЕНИЙ О ПОТЕРЯХ СТОРОН В ПЕРИОД ВОССТАНИЯ 1863–1864 гг.

История восстания 1863–1864 гг. имеет еще множество белых пятен. В первую очередь это связано с излишней мифологизацией восстания, которая проявляется даже в научных текстах [4, 11, 12 и др.]. В нем заинтересованные лица видели не только выступление польской шляхты за восстановление своего государства. Его нагружали иными смыслами, далекими от реальных мотивов повстанцев и даже противоречащими им [7].

Интересным представляется выяснить реальную картину протекания боев между армейскими отрядами и повстанцами, а также уточнить цифры потерь той и другой стороны. Источниками по данной проблеме можно считать воспоминания, полковые истории – истории отдельных полков российской армии и рапорты командиров армейских отрядов и иных начальников.

Рапорты командиров русских отрядов, а также других военных и гражданских должностных лиц частично опубликованы во второй части сборника «Архивные материалы муравьевского музея» [3]. Там есть информация о количестве повстанцев и русских войск, участвовавших в боях, их описание, сведения о потерях. На информации из рапортов построено и большинство полковых историй. В воспоминаниях повстанцев, например в воспоминаниях И. Арамовича [2], как предполагается, также использовались рапорты повстанческих командиров [13]. И. Арамович был адъютантом военного начальника Гродненского воеводства, поэтому был в курсе содержания рапортов руководства повстанческих отрядов. Во всяком случае, описывая бои с русскими войсками, И. Арамович также приводит цифры, показывающие количество сил и жертв с той и другой стороны. Причем описывает он как события, непосредственным участником которых он был, так и те, в которых не участвовал. Это говорит о том, что цифры о потерях сторон, описание боя и его последствий И. Арамович черпал из рапортов или донесений об этих событиях.

Сравнить информацию из двух противоположных источников представляется интересным хотя бы для того, чтобы понять, как воспринимали стороны свои действия и их итоги.

Так, рапорты командиров русских отрядов о количестве участников боев и их жертв практически всегда отличаются от информации, содержащейся в польских воспоминаниях. Можно привести лишь один пример – бой под Миловидами. Он в белорусской историографии в основном известен с польской точки зрения и воспринимается как победа повстанцев. Однако если сравнивать данные обеих сторон, то итоги миловидовского боя каждая из сторон объявила своей победой [6]. Так, по сведениям повстанцев, их было около 800 человек, силы русских войск достигали четырех рот с двумя орудиями. Рота в то время состояла примерно из 180 человек, поэтому в четырех ротах их было 720. Цифры, однако, не совсем корректны, так как часто роты имели в своем составе 140 [5, с. 430] и даже 80 человек [8, с. 77]. Это было связано с тем, что часть солдат была переведена в резервные ба-

тальяоны. По данным русских рапортов, поляки имели от 2 до 3 тысяч человек (эти сведения получены от пленных поляков), а русские силы составили три роты Староингерманландского полка (примерно 540 человек), 30 кавалеристов и 4 артиллерийских орудия. Почему повстанцы ошиблись в орудиях, понятно. В бою участвовали лишь два орудия из четырех, при отходе русских эти два орудия сняли, а прикрытие осуществляли два других орудия. Таким образом, у поляков могло сложиться впечатление лишь о двух пушках. И. Арамович указывает, что польские потери составили 18 человек. По русским данным, только 9 найдено в лагере убитыми и «остальные инсургенты оставлены на месте и засыпаны или затоплены в ямах самими мятежниками». Поэтому, по русским данным, польские потери были явно более 9 обнаруженных трупов повстанцев. «Потеря мятежников убитыми и ранеными большая», – писалось в одном из русских рапортов. По русским данным, в русском отряде погибло по одному рапорту 9, а по другому – 10 человек. Разница в двух рапортах объясняется просто. В первом случае указано 40 раненых, а во втором – 39, т. е. один из раненых умер, что и увеличило потери убитыми на одного человека. И. Арамович утверждает, что русских погибло 240 человек, в основном от собственной картечи. Другими словами, если сравнить русские и польские данные по русским потерям, то польские цифры окажутся в 24 раза выше, чем русские. «Энцыклапедыя гісторыі Беларусі» утверждает, что русские потери составили 50 человек [10, с. 141], что в 5 раз выше тех цифр, которые указаны в русском рапорте. Староингерманландский полк на всем протяжении восстания потерял 19 человек [14], среди артиллеристов артиллерийской бригады, видимо, потерь не было. Остаются еще 15 кавалеристов, неизвестно какому полку принадлежащих (из 30 конных русских солдат 15 были посаженными на лошадей артиллеристами артбригады, которых вооружили пиками). По косвенным польским данным, это были драгуны. В письме к Ф. Вислоуху упоминаются два испуганных русских драгуна, которые кричали, что инсургенты их догоняют [9, с. 113]. И даже если предположить, что все погибшие в Староингерманландском полку стали жертвами именно этого боя и что погибли все русские кавалеристы, то в сумме никак не получается 240 человек. Даже заявленных белорусской исторической энциклопедией 50 погибших не выходит [2, с. 29–32; 3, с. 186, 190–192].

Почему же такие огромные расхождения в цифрах? Вокруг этого боя, наверное, самого удачного для повстанцев в Северо-Западном крае, сложилось много мифов, которые распространялись в письмах

повстанческих руководителей, слухах и т. д. Так, в письме, адресованном командиру одного из повстанческих отрядов Ф. Вислоуху, неизвестный автор пишет: «Недавно на шоссе в Слонимском повете Ленкевич провел превосходную стычку, разбив 4 роты, истребив одну вдребезги, так, что барабанщик, оставшийся от роты, ворвавшийся в местечко за 2 мили от поля боя, а двое драгун – за 4 мили, мчались через рынок, крича: „спасайтесь, кто может, мятежники гонят, инсургенты вслед за нами“» [9, с. 113]. Иными словами, судя по письму, повстанцы под Миловидами наголову разбили русских. Непонятно только, почему на следующий день полностью разбитый русский полк занялся поисками отступивших повстанцев. К тому же в приложении к рапорту значится 9 наградных листов [3, с. 192]. Вряд ли разбитые и бежавшие с поля боя русские войска заслужили представление к наградам. Также нужно учитывать, что один из командиров повстанцев отказался нападать на русских во время боя, так как к нему пришла информация о якобы 10 подходящих русских ротах [2, с. 32], которые на проверку оказались лишь двумя ротами, да и то подошедшими не во время битвы, а уже после нее. Что это было? Непроверенные данные или попытка сформулировать рациональное объяснение того, почему русские не были разбиты? Непонятно. Видимо, следует сделать вывод о том, что восприятие миловидовского боя как серьезной повстанческой победы, мягко говоря, некорректное.

Почему же такие разные цифры потерь при упоминании одного и того же боя? Естественно, каждая сторона старалась представить события в выгодном для себя свете, но это все же касается более описания боя, чем подсчета потерь. Рапорты русских офицеров более точны в отношении цифр. Ведь поле боя оставалось за русскими войсками, т. е. именно они могли подсчитать трупы, оставшиеся после боя. Собственные потери в русских рапортах не было смысла занижать. Ведь если собственные потери были занижены в несколько раз, то каким образом можно было объяснить начальству такую огромную убыль солдат? Да и вызывает большое сомнение тот факт, что повстанцы практически всегда могли вести эффективный огонь по русским солдатам. И почему тогда поле боя при столь огромных русских и малых польских потерях оставалось именно за русскими войсками? Польские подсчеты базировались, скорее всего, на предположениях, сколько же русских солдат они потенциально могли убить. Это доказывают и воспоминания. Так, И. Арамович пишет, что русские потери в бою у деревни Сельцо повстанцы подсчитывали не на поле боя, с которого они отошли, а в Пружанах, когда оторвались от преследования [2, с. 29]. Вряд ли в таких условиях можно точно под-

считать потери противника. Русские потери в польских повстанческих рапортах были завышены, иногда (а может быть, часто) очень сильно. Собственные потери практически всегда занижались. Это могло быть по разным причинам. Например, повстанческие командиры могли предположить, что люди разбежались или потерялись, т. е. не были убиты, поэтому их не вносили в списки жертв. Или же нужно было показать эффективность собственных действий. Кроме того, по воспоминаниям участников восстания, повстанческое руководство часто не обладало реальными данными не только о количестве жертв или участников боя, но и о самих боях [1, с. 542, 597]. Видимо, при выяснении потерь той и другой стороны все же следует признать, что данные русских более корректны, чем данные польских повстанцев.

1. Авейде О. Показания и записки о польском восстании 1863 г. : сб. док. М. : Изд-во АН СССР, 1961.

2. Арамовіч І. Мары. Успаміны пра партызанскі рух у Гродзенскім ваяводстве ў 1863 і 1864 гг. // ARCHE. 2010. № 12. С. 18–71.

3. Архивные материалы муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863–1864 гг. в пределах Северо-Западного края : в 2 ч. / сост. А. Миловидов. Вильна : Губерн. тип., 1915. Ч. 2.

4. Вашкевіч А. Як Гронскі расправіўся над Каліноўскім // ARCHE. 2008. № 7–8. С. 51–56.

5. Воронов П., Вутовский Н. История Лейб-гвардии Павловского полка. СПб. : Тип. М. Эттингера, 1875.

6. Гронский А.Д. Потери 1863 г. по польским и русским сведениям (на примере отдельных боев) // Науч.-просвет. интернет-изд. «Запад. Русь» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://zapadrus.su/2012-04-11-14-59-43/-2013-/-1863-/538-poteri-1863-ropolskim-i-russkim-svedeniam.html> (дата обращения: 26.01.2013).

7. Гронский А.Д. Конструирование образа белорусского национального героя : В.К. Калиновский // Белоруссия и Украина : История и культура. Ежегодник 2005/2006. М. : Индрик, 2008. С. 253–265.

8. Гулевич С. История Лейб-гвардии Финляндского полка. 1806–1906 гг. СПб. : Эконом. типолитогр., 1906. Ч. 3 : 1856–1881 гг.

9. К. Калиновский : Из печатного и рукописного наследия / Ин-т истории партии при ЦК КП Белоруссии – фил. Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Минск : Беларусь, 1988.

10. Кісялёў Г. Мілавідская бітва 1863 // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. / рэдкал.: Г.П. Пашкоў [і інш.]. Мінск : БелЭн, 1999. Т. 5.

11. Кулакевіч Т.М. Касцюшка і Каліноўскі – нацыянальныя героі Беларусі // Славянскі свет: мінулае і сучаснае : матэрыялы рэсп. навук. канф. : у 3 ч. / рэдкал.: А.П. Жытко (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск, 2004. Ч. 1. С. 79–82.

12. Мяснікоў А.І. Усё ж ён герой // Беларус. думка. 2008. № 11. С. 104–110.

13. Радзюк А. «Мары» Ігната Арамовіча // ARCHE. 2010. № 12. С. 15–17.

14. Список русских солдат и офицеров, погибших в период подавления польского восстания 1863–1864 гг. в пределах Северо-Западного края Российской империи / подгот. к публ. А. Гронский // Науч.-просвет. интернет-изд. «Запад. Русь» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://zapadrus.su/bibli/arhbib/85-spisok-pogibshih-russkih-soldat-v-1863.html> (дата обращения: 26.01.2013).

ШКОЛЫ ПОЛИЦЕЙСКИХ УРЯДНИКОВ В БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЯХ

До последней четверти XIX в. в Российской империи не существовало специальных учебных заведений, предназначенных для подготовки или повышения квалификации полицейских чиновников и нижних чинов для службы по ведомству Министерства внутренних дел. Вместе с тем потребность в обученных полицейских кадрах осознавалась руководством министерства и должностными лицами на местах. В отдельных случаях предпринимались практические шаги по созданию учебных заведений или курсов для подготовки полицейских чинов к будущей службе. В этом отношении интересен опыт создания в Гродненской губернии школы полицейских урядников.

Напомним, что в 1878 г. в Российской империи, в том числе и в белорусских губерниях, была учреждена должность полицейских урядников, которые подчинялись непосредственно становым приставам уездного полицейского управления [1]. Эта категория чинов уездной полиции должна была сыграть роль «разумных и толковых руководителей для нижних полицейских чинов в уездах (сотских и десятских), а с другой – дать полицейским чиновникам таких исполнителей на местах, которые могли бы служить помощниками становых приставов в производстве полицейских розысков и являться в судебных разбирательствах в качестве представителя полиции» [2, л. 1]. Однако опыт комплектования должности полицейских урядников показал, что «приходилось нередко довольствоваться людьми, не стоявшими на уровне тех условий при коих служебная деятельность урядников может приносить наибольшую пользу» [2, л. 1]. В первую очередь проблемой являлся низкий уровень образованности урядников, не позволявший исполнять им полицейские обязанности без нарушений законности. В частности, из 147 полицейских урядников Минской губернии в 1878 г. только 1 окончил среднее учебное заведение, 35 прошли курс в объеме уездного училища, а 108 (74 %) ограничились лишь домашним образованием [3, л. 138]! В целом по империи в 1879 г. процент нигде не обучавшихся урядников оказался ниже и составил 57 % от штатного состава [4, л. 109].

Инициатива в деле создания полицейской школы принадлежала гродненскому губернатору генерал-майору Н.М. Цеймерну. 18 июля 1879 г. он обратился к виленскому генерал-губернатору П.П. Альбединскому с

просьбой о ходатайстве перед министром об открытии школы полицейских урядников и учреждении при губернаторе должности начальника полицейских урядников для инспекции и руководства школой. На эту должность губернатор проектировал назначать исключительно армейских офицеров в штаб-офицерских чинах. Это мотивировалось не только желанием придать начальнику урядников властный авторитет в глазах подчиненных, но и тем, что офицер сможет их обучить стрельбе из револьвера. В проекте необходимость открытия школы обосновывалась тем, что кадровый состав полицейских урядников в целом не отвечает всем требованиям, предъявляемым к этим должностным лицам. Причина этого, во-первых, заключалась в том, что посты урядников «замещены исключительно почти людьми, состоящими на самом незначительном уровне образования, ограничивающегося простою лишь грамотностью» [5, л. 8]. Во-вторых, урядник приступал к исполнению обязанностей без какого-либо предварительного ознакомления с характером своей будущей деятельности. При этом непосредственные начальники урядников в лице станowych приставов в силу своей загруженности не имели возможности обучить своих новых подчиненных. Кроме того, становые приставы могли иметь разные взгляды на содержание службы урядника, что препятствовало бы формированию общих принципов и подходов к службе полицейских урядников. То, что Положение о полицейских урядниках предусматривало проведение экзамена перед зачислением на службу, по мнению гродненского губернатора, не решало проблемы, так как «при строгом соблюдении этого требования, пришлось бы оставить большую часть должностей не замещенной, за недостатком способных к тому людей» [5, л. 9]. Следовательно, экзамен не позволял отобрать способных людей, так как строгое следование экзаменационным требованиям просто оставило бы полицию без личного состава.

Для обучения в школе из каждого уезда в Гродно направлялось по одному уряднику. Набранные в школу урядники образовывали полицейский резерв. Этот резерв, по мнению губернатора, существенно не ослабит полицейскую службу в уездах. Кроме того, в летнее время в гродненском уезде этот резерв из урядников окажется востребованным вследствие увеличения количества войск в летних лагерях под Гродно, открытия курортного сезона в Друскиненкай и частого проезда особ императорской фамилии. Им сохраняли жалование за исключением фуражных выплат, поскольку при школе для учебных целей постоянно содержалось две лошади. Все урядники на время учебы размещались в одной квартире.

Учебная программа включала как теоретические, так и практические занятия. В частности, урядники изучали следующие предметы: поли-

цейские обязанности и понятие о законе; предупреждение, пресечение и исследование преступлений; уставы о питейных и табачных сборах; лесной устав; строительный, дорожный, пожарный уставы; сведения об оказании помощи в несчастных случаях, угрожающих скоропостижной смертью, и меры предупреждения и прекращения скотского падежа. Остальное время урядники занимались практическими упражнениями по составлению протоколов и актов дознания, откомандировывались в уезд с поручениями «по обнаружению и расследованию преступлений и проступков», учились пользоваться пожарным инструментом, посещали заседания мирового суда. Таким образом, целью преподавания являлось знакомство с началами права и полицейскими обязанностями.

В качестве преимущества, предоставляемого обучением, планировалось право «считаться кандидатами на должности полицейских надзирателей» [5, л. 10]. В проекте гродненского губернатора давалось и финансовое обоснование. Для введения должности начальника полицейских урядников, оплаты педагогического труда, найма квартиры предусматривалась сумма в 2900 руб. Эти деньги приобретались за счет упразднения должности чиновника особых поручений при губернаторе, вычета 1100 руб. из сыскных сумм, перечисления фуражных денег и перевода в денежную форму натуральной квартирной повинности.

Министр внутренних дел Л.С. Маков, принимая проект в целом, отказался вводить должность начальника полицейских урядников с инспекторскими полномочиями из числа военных. Кроме того, он предложил принимать в школу исключительно кандидатов на должность урядника и высказывал опасение, что сокращение числа урядников ухудшит полицейский надзор на местах. Однако гродненский губернатор, не согласившись с замечаниями министра, в своем отношении от 23 сентября 1879 г. настоял на том, чтобы в школу направляли уже служащих урядников. Ставка на служащие чины была вызвана целым рядом практических соображений: от необходимости обеспечения денежного содержания во время учебы, ожидания вакансий до пользы от использования в Гродненском уезде обучаемых для исполнения многочисленных полицейских обязанностей. 19 октября 1879 г. министр дал согласие на открытие школы, однако запретил создавать отдельную должность начальника урядников. Надзор за школой поручался чиновнику особых поручений при губернаторе без всяких дополнительных выплат и инспекторских полномочий.

Сама школа была открыта 30 декабря 1879 г., а 2 января 1880 г. после торжественного молебна урядники приступили к учебе. Первый выпуск школы состоялся 16 марта 1880 г. в присутствии виленского

генерал-губернатора. Никто из урядников не был оставлен на «повторительный курс», однако только четыре человека получили по всем предметам отличные и хорошие оценки. Главным средством поощрения учебы урядников в школе и привлечения кандидатов считалось назначение «на классные должности, если они добросовестным и честным исполнением своих обязанностей докажут, что время проведенное ими в школе, не прошло бесследно для их умственного и нравственного развития» [5, л. 45].

По всей видимости, опыт гродненской школы полицейских урядников произвел положительное впечатление на Министерство внутренних дел. По крайней мере, в циркуляре министра внутренних дел Л.С. Макова от 5 мая 1880 г. всем губернаторам предлагалось последовать примеру гродненского губернатора генерал-майора Н.М. Цеймерна [6, л. 1–3]. Однако, несмотря на рекомендацию министерства, начальники губерний не торопились открывать уряднические школы. Например, служебная переписка витебского и гродненского губернаторов в 1880 г. закончилась лишь присылкой литографированных лекций и записки об организации гродненской школы. Школа в Витебской губернии так и не появилась.

Вместе с тем проблема слабого профессионализма полицейских урядников сохранялась, что потребовало конкретных шагов со стороны Министерства внутренних дел по повышению их подготовки к полицейской службе. В этой связи опыт гродненской школы полицейских урядников вновь оказался востребованным. Так, в циркуляре министра внутренних дел от 28 июля 1887 г. обобщались недостатки деятельности полицейских урядников в 46 губерниях империи. В документе отмечалось, что состав урядников «не вполне удовлетворяет общим потребностям охранения порядка и безопасности и вызывает нередко справедливые нарекания со стороны местного населения» [7, л. 1]. В целях улучшения служебных качеств полицейских урядников Департамент полиции МВД предписывал губернаторам обращаться в июне – июле в штабы военных округов со списком уряднических вакансий. Командиры полков и отдельных частей после оглашения списка направляли подходящих в деловом и нравственном отношении кандидатов в губернский город. Претендентов следовало готовить в течение некоторого времени под руководством опытных чиновников особых поручений при губернаторе. Образцом устройства «подобной подготовительной службы или школы для урядников» называлась школа, учрежденная Н.М. Цеймерном [7, л. 2]. Следствием министерского циркуляра стала разработка и утверждение витебским губернатором В.М. Долгоруковым правил школы для подготовки полицейских урядни-

ков, открытой в Витебске 1 апреля 1888 г. [7, л. 29]. Согласно правилам все кандидаты были обязаны пройти курс обучения в уряднической школе. В том случае, если претендент на должность был готов держать экзамен по предметам школы, проводилось испытание. В случае отрицательного результата он направлялся на трехмесячное обучение в школу, учрежденную при Витебском уездном полицейском управлении. Если кандидат в результате обучения не выдерживал экзамена, то ему приходилось отказываться от службы в полиции. В предметы школьной программы входили Закон Божий, арифметика, правописание, должностная инструкция, уставы (строительный, дорожный, лесной, цензурный, врачебный, о предупреждении и пресечении преступлений), правила (о полицейском надзоре и охоте). Кроме того, будущие урядники практиковались в составлении протоколов, записи служебных донесений. В совет школы входили вице-губернатор, советники губернского правления и преподаватели. Витебский губернатор В.М. Долгоруков внес в правила пункт об обязательном прохождении через школу всех служащих полицейских урядников, причем отказ от стажировки или невозможность справиться с учебной программой вели к увольнению.

Вместе с тем исполнение требования Министерства внутренних дел по открытию школ или курсов для урядников по-прежнему зависело от личной исполнительности и заинтересованности губернаторов. В частности, в Виленской губернии после введения в действие Положения о полицейской страже в 1903 г. губернатор К.К. Пален констатировал, что не может замещать должности в страже бывшими полицейскими урядниками, поскольку «большинство их крайне слабо ознакомлено с основами полицейской службы» [8, л. 6]. В качестве решения кадровой проблемы формируемой полицейской стражи и в целях обеспечения «возможно лучшей организации полицейской службы в губернии» с 1 октября 1903 г. губернатор «признал необходимым открыть в гор. Вильно подготовительную школу для полицейской стражи на 100 человек, с шестинедельным курсом» [8, л. 7]. Как представляется, этот факт является косвенным подтверждением того, что в Виленской губернии школа полицейских урядников, вопреки требованию циркуляра от 28 июля 1887 г., так и не появилась.

Таким образом, в январе 1880 г. в Гродненской губернии по инициативе губернатора Н.М. Цеймерна было создано первое в пределах Российской империи полицейское учебное заведение для подготовки урядников. Несмотря на положительный отзыв и предписание министра внутренних дел, аналогичные школы не получили широкого распространения в губерниях. Анализируя деятельность полицейских урядни-

ков, Министерство внутренних дел в 1887 г. констатировало, что низкий образовательный и профессиональный уровень полицейских чинов является одной из причин неудовлетворительного состояния этой части уездных полицейских управлений. Для повышения уровня подготовки урядников Департамент полиции МВД предписывал отбирать кандидатов из числа уходящих в запас военнослужащих и перед назначением обучать их основам полицейского дела, причем образцом для организации подготовки вновь указывалась школа полицейских урядников в Гродненской губернии. Однако только в отдельных губерниях империи распоряжение министерства было принято к исполнению. По крайней мере, в Виленской губернии полицейская школа не была открыта вплоть до 1903 г., когда институт урядников прекратил свое существование.

1. Высочайше утвержденный проект Временного Положения о полицейских урядниках в 46-ти губерниях, по общему учреждению управляемых // ПСЗРИ. Собр. 2-е, т. LIII, отд. 1-е. № 58610.

2. Дело об учреждении в Витебской губернии школы для полицейских урядников // Нац. ист. арх. Беларуси. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 36876.

3. Сведения по Минской губернии на уряднические участки и о личном составе вновь определенных в эти участки полицейских урядников // Нац. ист. арх. Беларуси. Ф. 299. Оп. 2. Д. 7756.

4. Об учреждении с 1 июля сего года должностей конных полицейских урядников в губерниях Виленской, Ковенской и Гродненской // Лит. гос. ист. арх. Ф. 378. Оп. 1878. Д. 61.

5. По письму гродненского губернатора об образовании в Гродно особой школы полицейских урядников // Лит. гос. ист. арх. Ф. 378. Оп. 1879. Д. 109.

6. Дело об учреждении в Витебской губернии школы для полицейских урядников // Нац. ист. арх. Беларуси. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 36876.

7. Дело об учреждении в г. Витебске школы для подготовки полицейских урядников // Нац. ист. арх. Беларуси. Ф. 1416. Оп. 2. Д. 17002.

8. Об учреждении полицейской стражи // Лит. гос. ист. арх. Ф. 378. Оп. 1903. Д. 61.

УДК 355.1

С.В. Павлючик

ГЕНЕЗИС ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВОИНСКОЙ СЛУЖБЫ В ИСТОРИИ БЕЛАРУСИ (IX – КОНЕЦ XVIII в.)

Истоки правового регулирования воинской службы необходимо искать в древнем государственном устройстве и в обычном праве, преобладавшем на территории Беларуси до середины XV в.

Полоцкое княжество – «выток беларускай дзяржаўнасці» [1, с. 92]. Для надежной обороны государств-княжеств – раннефеодальных монар-

хий по форме правления, поддержания порядка внутри них в X–XI вв. предусматривалось комплектование небольших по численности дружин, временами включавших в свой состав «замежных наймітаў – ваяроў» использование во время войны народного ополчения.

Правовая культура белорусского народа формировалась в сложных условиях, под воздействием процесса «збліжэння і аб’яднання княстваў будзінска-крывіцкіх земляў ў больш цесны палітычны саюз» [2, с. 62]. Первыми нормативными актами писаного права были грамоты князей, договоры 1229, 1263 гг. и др. Несмотря на то что в них отсутствовали нормы права, посвященные рыцарской службе, они имели важнейшее значение для военной безопасности государств-княжеств – были направлены на поддержание мира с соседями.

В 1240, 1242, 1258 гг. и др. продолжались набеги монголо-татар на западнорусские, белорусские и литовские земли. Как следствие, возрастали потребности государств-княжеств в обеспечении своей военной безопасности. Возникшие в недрах обычного права подходы князей к формированию войска (организованность и единоначалие, оптимальность структуры, использование при комплектовании постоянного войска и во время войны ополчения, привлечение наемников-профессионалов) нуждались в закреплении писанным правом.

Интерес представляют памятники права в период вхождения белорусских земель в состав Великого княжества Литовского.

Привилеем короля польского и великого князя литовского Ягайлы 1387 г. вооруженная защита государства объявляется всеобщей обязанностью при организации войска в «военный поход» (обязанность только для рыцарей за счет собственных средств) и «погоню» (обязанность каждого мужчины, способного носить оружие) [3, с. 40]. Более того, «каждый, хто ся шляхтичом быти мениць и войну служити повинен» [4, с. 137]. В памятниках права Беларуси этого периода есть упоминание о главном воинском ритуале – рыцарской присяге [5, с. 57–58].

Первыми воинскими законами были постановления сеймов: Новоградского (1502), Виленского (1507), Менского (1507) и др. Так, по постановлению сейма 1502 г. все князья, паны, земяне и дворяне должны были выставлять с каждого 10 крестьянских дворов одного рыцаря на коне и с копьем [6, с. 230]. О воинской повинности говорится в привилее Витебской земли 1503 г.: «на войну бытии им с нами посполу готовым» [3, с. 66]. В начале XVI в. Ф. Скорина, наряду с другими отраслями, выделяет рыцарское право [7, с. 96]. Вопросам организации войска были посвящены военные уставы 1508, 1511, 1514, 1522, 1528 гг. [8, с. 26]. В конце второго десятилетия XVI в. происходит корректировка нормативного вооружения за счет его облегчения [9, с. 247].

Впервые в истории Беларуси организационные вопросы военной службы и условия воинской повинности были юридически упорядочены в разделе II «Об обороне земской» статута Великого княжества Литовского, где первый артикул назывался «Повинен кождый войну служити» [10–12]. Отдельные положения статутного законодательства сквозь призму столетий дошли и до наших дней.

Статутное законодательство об обороне земской в дальнейшем совершенствовалось благодаря изданию военных артикулов в период Речи Посполитой [8, с. 27].

Особое значение для развития правового регулирования воинской службы имел раздел XI «Народные вооруженные силы» Конституции Речи Посполитой от 3 мая 1791 г. [13, с. 791–798]. В нем усматриваются сущностные принципы воинской службы: обязательность решений органов исполнительной власти для армии; эффективность воинской службы и постоянная боевая готовность; всенародный характер, верность народу и принесение военной присяги – идеологические аспекты; единоначалие.

Во второй половине XVI – конце XVIII в. издаваемые государством правовые нормы о воинской повинности и военной службе имели конституционную основу, все тверже закрепляли принципы института рыцарской (воинской) службы, в том числе главный из них – принцип законности.

1. Нарысы гісторыі Беларусі : у 2 ч. / М.П. Касцюк [і інш.]. Мінск : Беларусь, 1994. Ч. 1.
2. Доўнар Т.І. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі : вучэб. дапам. Мінск : ДКСТ БДУ, 2011.
3. Вішнеўскі А.Ф., Юхо Я.А. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі ў дакументах і матэрыялах (са старажытных часоў да нашых дзён) : вучэб. дапам. / пад агул. рэд. А.Ф. Вішнеўскага. 2-е выд., дап. Мінск : Акад. МВД Рэсп. Беларусь, 2003.
4. Литовская метрика : Книга публичных дел 7 (1553–1567) / подгот. А. Балюлис. Вильнюс, 1996.
5. Полоцкие грамоты XIII – начала XVI в. / Ин-т истории СССР, Акад. наук СССР. М. : Ин-т истории АН СССР, 1977.
6. Юхо Я.А. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі : вучэб. дапам. : у 2 ч. Мінск : Рэсп. ін-т выш. шк. Беларус. дзярж. ун-та, 2000. Ч. 1.
7. Прадмовы і пасляслоўі / АН БССР, Ін-т літ. імя Я. Купалы. Мінск : Навука і тэхніка, 1969.
8. Колета В.В. Основные тенденции развития военного законодательства Великого княжества Литовского в XVI в. // Вести ин-та соврем. знаний. 2008. № 2. С. 25–29.
9. Бохан Ю.М. Узбраенне войска ВКЛ другой паловы XIV – канца XVI ст. Мінск : Эксперспектыва, 2002.
10. Статут Великого княжества Литовского 1529 года / К.И. Яблонскис [и др.] ; под общ. ред. К.И. Яблонскиса. Минск : Изд-во Акад. наук БССР, 1960.
11. Статут Великого княжества Литовского 1566 года / Т.И. Довнар [и др.] ; под общ. ред. Т.И. Довнар. Минск : Тесей, 2003.

12. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 / пер. на беларус. А.С. Шагун. Мінск, 2002.

13. Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы / В.М. Корецкий [и др.] ; под общ. ред. В.М. Корецкого. М., 1961.

УДК 321(091)

А.А. Дерюгин

ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЕ ПРАВОВЫЕ РЕЖИМЫ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ЮРИДИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ

Несмотря на очевидную сложность международной обстановки и активное внедрение в общественное сознание официальной пропагандой идеологием об опасности капиталистического окружения, реальных мер по совершенствованию чрезвычайного законодательства в СССР вплоть до начала Великой Отечественной войны не предпринималось. Более того, даже после внесения в 1938 г. поправок в Конституцию СССР 1936 г., наделивших Президиум Верховного Совета Союза ССР правом объявлять в отдельных местностях или во всем государстве военное положение, механизм реализации этого права разработан не был. В стране продолжало действовать Положение о чрезвычайных мерах охраны революционного порядка, утвержденное декретом ВЦИК и СНК СССР еще в апреле 1925 г. [1, с. 44–51].

Начало Великой Отечественной войны и связанная с ним чрезвычайная обстановка в ряде регионов страны, в том числе ставших театром военных действий, выдвинули в число первоочередных задач государственно-правового и военного строительства формирование чрезвычайного законодательства, обеспечивающего функционирование правового режима военного времени с его специфической организацией государственного управления, ориентированной на объединение усилий фронта и тыла в целях достижения победы над фашистскими захватчиками. Правовой основой решения этой задачи стал указ Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. о введении в отдельных местностях СССР военного положения [3].

Здесь возможно выделить два базовых состояния государства, определяющих порядок и содержание всех иных форм правоустановления и право-реализации, нормирования общественных отношений, детерминирующих качественные основания группировки особых правовых режимов: правовой режим мирного времени и правовой режим военного времени.

Именно правовой режим военного времени, устанавливаемый с момента объявления состояния войны или фактического начала военных действий и снимаемый после объявления о прекращении военных действий, их фактического прекращения, является спусковым крючком для осуществления чрезвычайных правоустановительных и правореализующих действий, связанных с частичной или полной мобилизацией, гражданской и территориальной обороной, изменением статусов территорий и объектов, порядка осуществления государственного управления и судопроизводства, установлением дополнительных правоограничений и обременений для граждан и их объединений, реализацией дополнительных мер юридической ответственности.

В качестве механизма реализации правового режима военного времени выступали передача в руки военных властей государственных полномочий чрезвычайного характера по организации обороны, обеспечению государственной безопасности, охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, права на издание общеобязательных нормативных актов; существенное расширение компетенции органов военной юстиции; ограничение прав и свобод всего населения страны; возложение дополнительных обязанностей на государственные органы, организации и граждан, связанных с решением оборонных задач; усиление юридической ответственности за определенные виды правонарушений, имеющих какое-либо отношение к подрыву обороноспособности.

Оперативно-тактическая обстановка на фронтах определяла введение еще одного чрезвычайного правового режима – осадного положения, тесно примыкавшего к военному положению. При введении осадного положения усиливались чрезвычайные меры охраны общественного порядка и государственной безопасности, военным властям также передавались особые полномочия в осуществлении функций государства в области обороны и обеспечения безопасности государства и граждан.

Необходимо отметить, что в Ленинграде осадное положение не вводилось, несмотря на то что он находился в непростых условиях прифронтового, а затем и блокадного города. Уже 27 июня 1941 г., с момента издания приказа начальника Ленинградского гарнизона «Об обеспечении общественного порядка и государственной безопасности в г. Ленинграде», в городе начал формироваться иной правовой режим – режим блокадного города.

В годы Великой Отечественной войны действовал еще один особый правовой режим – режим прифронтовой полосы, устанавливаемый военными советами фронтов в полосе фронта, примыкавшей к передовой линии. Одной из особенностей этого режима было то, что он предусматривал

возможность уничтожения населенных пунктов в прифронтовой полосе, насильственного переселения местных жителей из зоны боевых действий, определения времени, маршрутов и порядка передвижения местного населения, принудительного изъятия у него имущества [2, с. 176–177].

По содержанию принимаемых мер к этому режиму близок режим тыла действующей армии, ориентированный прежде всего на выявление и уничтожение шпионов и лиц, распространяющих среди населения и бойцов Красной Армии фашистские листовки, и вводимый на расстояние до 50 км от прифронтовой полосы. В этих районах военные советы фронтов в рамках своей компетенции координировали действия подразделений войск НКВД СССР, определяли им участки ответственности, а также режим в тылу своего фронта. В тылу фронта устанавливались особые режимные зоны, усиливался контроль за охраной военных складов, баз, местных учреждений и населенных пунктов, организовывались проверки документов, облавы, обходы и обыски в населенных пунктах с целью выявления агентов врага, дезертиров, мародеров и т. д.

В целях «...лишить германскую армию возможности располагаться в селах и городах, выгнать немецких захватчиков из всех населенных пунктов на холод в поле, заставить мерзнуть под открытым небом...» возникает еще одно правовое явление периода Великой Отечественной войны, сущность которого отражена в постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 27 июня 1941 г. «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества», директиве СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г. «Партийным и советским организациям прифронтовых областей», приказе НКО ССР от 17 ноября 1941 г. № 0428 «Об уничтожении населенных пунктов в прифронтовой полосе» [4, л. 19–52].

Анализ источников, регламентировавших введение и реализацию этих режимов, а также сложившиеся тактические принципы правового регулирования соответствующих режимов дают возможность отметить, что при приближении линии фронта расширялись пределы полномочий военных властей не только в области обороны, но и в области обеспечения государственной и общественной безопасности. Непосредственная близость к фронту обуславливала ужесточение правового режима, установление тех или иных форм и методов его обеспечения. Органы государственного управления всех уровней ориентировались на выполнение стоящих задач любой ценой, менее всего считаясь с правами и интересами мирных граждан, их дальнейшей судьбой.

Сегодня в процессе законотворчества необходимо исходить из того, что чрезвычайные правовые режимы представляют особый тип взаимодействия государства, общества и личности в экстраординарных усло-

виях. Демократическое государство должно применять эти режимы в критических ситуациях, когда интересы всего государства и общества стоят несоизмеримо выше интересов личности, при условии, что они будут носить конституционный характер, обладать признаком легитимности и учитывать имеющийся опыт нормотворческой деятельности.

1. Дерюгин А.А., Стремоухов А.А. Режимы военного времени (опыт правового регулирования в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.) // Ленингр. юрид. журн. 2009. № 1 (15). С. 44–51.

2. О мероприятиях по выселению социально-опасных элементов с территории, объявленной на военном положении: Директива НКВД СССР и НКГБ СССР № 238/181 от 4 июля 1941 г. // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Начало. 22 июня – 31 августа 1941 г. Т. 2, кн. I. М.: Русь, 2000.

3. Об объявлении в отдельных местностях СССР военного положения: Указ Президиума Верхов. Совета СССР от 22 июня 1941 г. // Ведомости ВС СССР. 1941. № 19.

4. Дерюгин А.А. Служебно-боевая деятельность войск НКВД в условиях чрезвычайных правовых режимов военного времени (на материалах Ленинграда и Ленинградской области периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.): историко-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2011.

УДК 355.1

Ю.Р. Алёхно

КОНСТИТУЦИЯ ЯПОНИИ 1947 г. КАК ФОРМАЛЬНЫЙ (ЮРИДИЧЕСКИЙ), ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ И МАТЕРИАЛЬНЫЙ ИСТОЧНИК ЯПОНСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ЧУДА

Как удалось Японии осуществить стремительный скачок от полуфеодальной разрушенной войной страны к постиндустриальному мировому лидеру?

Историческим традициям и политической культуре Японии демократия не была свойственна.

На протяжении своего развития Япония подвергалась влиянию Китая, Кореи и в меньшей степени Португалии и Испании. С начала XVII в. сегунатом Токугава было запрещено христианство, любые контакты и торговля с другими странами, за исключением Голландии и Китая. Двухсотлетняя самоизоляция привела Японию к отсталости во всех сферах жизни. Преодолевая ее, Япония основные свои экономические усилия направила на милитаристские цели. Трагическим финалом этого стала Вторая мировая война. Военные потери страны составили

2 млн 800 тыс. человек убитыми. Япония занимала последнее место в мире по темпам восстановления промышленного производства. Жилищный фонд в городах и системы искусственного орошения сельскохозяйственных земель были сильно разрушены. Все это сопровождалось острой нехваткой товаров, разгулом спекуляции [2].

В результате поражения Японии во Второй мировой войне в стране был установлен американский оккупационный режим. Реальную власть осуществляло командование американской оккупационной армии, правда, через японское правительство.

Оккупационным режимом в Японии были провозглашены демократические свободы.

Пропагандистским отделом штаба генерала Д. Макартура был подготовлен текст конституции и переведен на японский язык. В ноябре 1946 г. данная конституция была утверждена парламентом Японии, а 3 мая 1947 г. вступила в силу.

В соответствии с конституцией парламент был провозглашен высшим органом государственной власти, введена система государственного управления, основанная на парламентских законах.

Конституция закрепила статус чиновника как слуги всего общества, а не какой-то его части, ограничила полномочия государственного аппарата, установила ответственность правительства перед парламентом, объявила небывалую гласность. Император Японии перестал обладать суверенной властью, но остался символом государства и единства народа [1].

В ходе осуществления реформ по американской модели была проведена либерализация цен, стабилизирован бюджет, введен фиксированный валютный курс, демонополизирована экономика, распущены доверенные концерны во главе с семейными холдингами.

В аграрной сфере также была проведена реформа. Из двух проектов – советского и англо-американского – был реализован англо-американский. Реформа была радикальной и заключалась в ликвидации крупных землевладений и массовой перепродаже земли, что привело к созданию мелких независимых фермерских хозяйств.

Конституционная и хозяйственная реформы вывели на арену страны лучших экономистов, которые, в свою очередь, продвигали передовые идеи развития государства и способствовали так называемому экономическому чуду.

Промышленное производство Японии к 1990 г. выросло, по сравнению с уровнем 1938 г., в 21,1 раза. Среднегодовые темпы роста промышленного производства с 1950 по 1970 г. составили около 15 %. По темпам роста основных экономических показателей Япония опереди-

ла весь мир. По валовому национальному продукту и промышленному производству до недавнего времени она занимала 2-е место в мире и 1-е место по производству судов, стали, автомобилей, ряда электро- и радиотоваров. При этом необходимо иметь в виду скудность японской территории полезными ископаемыми, отсутствие руды и угля [3].

Япония накануне Второй мировой войны имела колоссальные успехи в промышленности. Кстати, конституция, дарованная императором, имела в этот период в стране (с 1890 г.). Однако при отсутствии позитивного конституционного устройства, будучи тоталитарным государством, Япония направила свой ресурс на губительные милитаристские цели.

По иронии США дважды являлись модернизатором Японии (в 1854 г. – командор М. Пери и в 1945 г. – генерал Д. Макартур).

Современные достижения Японии стали возможны благодаря эффективным реформам, которые, в свою очередь, были невозможны без конституционных преобразований и создания в Японии реальной представительной демократии.

1. Конституции Японии. Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/> (дата обращения: 15.01.2013).

2. Экономика Японии. Режим доступа: <http://www.japonix.ru/> (дата обращения: 15.01.2013).

3. Экономика Японии. Режим доступа: <http://www.webeconomy.ru/> (дата обращения: 16.01.2013).

УДК 340.153

Я.В. Сорокин

СТАТУТ 1588 г. – ИСТОЧНИК УГОЛОВНОГО ПРАВА XVI в.

Важнейшим источником права в целом и уголовного в частности является Статут ВКЛ 1588 г. В нем наравне со старыми нормами уголовного права содержались новые положения, которые отражали начало зарождения феодального права.

Статьи Статута позволяют установить, кто выступал в качестве объекта и субъекта уголовного деяния в рассматриваемое время. В качестве субъектов преступления могли выступать как виновный человек, так и группа лиц, которые отвечают за чужое преступление. Вместе с тем в правовых актах делались попытки ограничивать ответственность за чужую вину и оглашался принцип персональной ответственности только виновного лица (разд. 1, ст. 18) [1, с. 91]. Субъектом преступления признавался

только человек. За ущерб, причиненный животному, отвечал его хозяин. Лица, психически больные, чаще всего к уголовной ответственности не привлекались, но должны были быть под замком (разд. 1, ст. 1) [1, с. 80]. Иногда от ответственности освобождались лица, которые совершили преступление «по глупости». Освобождались от уголовной ответственности и лица, которые не достигли определенного возраста. В зависимости от объекта преступления в феодальном праве можно поделить на следующие группы: 1) государственные, 2) против осуществления власти и правосудия; 3) военные, 4) против христианской религии и церкви, 5) против морали, 6) против жизни, здоровья, чести человека; 7) имущественные преступления (разд. 1, 4, 8, 11–14) [1, с. 71–76, 83, 88, 107].

Особенностью уголовного права этого времени можно назвать то обстоятельство, что даже если в действиях лица не усматривался умысел совершения преступления или имела место неосторожность, то все равно применялось уголовное наказание (разд. 12, ст. 1) [1, с. 330–331]. В то же время необходимая оборона и крайняя необходимость признавались обстоятельствами, которые освобождали от уголовного преследования. Согласно Статуту 1588 г. при превышении мер необходимой самообороны виновный освобождался от уголовной ответственности, но он должен был выплатить родственникам погибшего «головщищу». При нанесении только ранений для освобождения от уголовной ответственности было достаточно доказать, что потерпевший первый начал агрессивные действия независимо от того, какая была угроза и какие действия мог предпринять тот, кто защищался (разд. 1, ст. 3) [1, с. 80–81].

Анализ статей Статута позволяет утверждать, что уголовное право XVI в. не разграничивало стадии преступных действий, хотя и выделялись уже злостное намерение, подготовка и попытка, которые преследовались только в случаях, непосредственно предусмотренных в законе. Например, подготовка бунта и заговора против государя карались как совершенное преступление. Намерение в виде угрозы поджога имущества или убийства кого-нибудь обязывало того, кто угрожал, сделать заявление перед чиновниками, что он этого не сделает, и представить поручителей. Если же он отказывался представить поручителей, то его сажали в тюрьму до того времени, пока он их не представит. Если после угрозы у потерпевшего что-нибудь поджигали или было совершено убийство, а преступника установить не представлялось возможным, то отвечал тот, кто угрожал совершением этих действий.

Согласно Статуту 1588 г. наказание определялось в зависимости от степени участия лица в преступлении. Различали простое соучастие, при котором все соучастники были исполнителями преступления, и сложное

соучастие, в котором одни действовали как подстрекатели преступления, другие – как исполнители, третьи – как соучастники. Соучастниками считались лица, которые помогали преступникам советами или лошадьми, оружием, людьми или деньгами. Подстрекателем признавался и феодал, который направил зависимых от себя людей на преступление. Подстрекатель психически больных (невменяемых) лиц рассматривался как непосредственный исполнитель (разд. 11, ст. 29) [1, с. 293–294].

Прогрессивным явлением в уголовном праве XVI в. было введение ответственности шляхты за убийство простого человека. Однако процессуальный порядок установления вины шляхтича в таком преступлении был настолько сложным, что доказать его виновность часто было просто невозможно, в связи с чем и само преступление могло остаться безнаказанным. Вместе с тем факт норм уголовного права, направленный на защиту жизни простых людей от своевластия представителей привилегированных сословий, имел место.

Для правильного определения вины суд должен был выявить причинную связь между деянием виновного и последствием.

В государственных судах наиболее часто применялись следующие наказания: имущественные наказания, конфискация и штрафы; смертная казнь; телесные наказания; выдача преступника потерпевшему (для обработки долгов или для казни); тюремное заключение; изгнание и объявление вне закона; лишение чести; покаяние; лишение занимаемой должности (разд. 2–4, 11, 12) [1, с. 101–213, 276–312, 312–324].

Имущественные наказания и штрафы были самыми распространенными наказаниями. Они могли применяться как основной или дополнительный вид наказания. Деньги могли идти в пользу потерпевшего, его родных, государства или судей [1, с. 62].

В Статуте 1588 г. было записано, что преступник или его жена и дети могут передаваться потерпевшему не в качестве подневольных, а для обработки определенной денежной суммы (разд. 12, ст. 11) [1, с. 316–317].

Тюремное заключение было двух видов: легкое (в верхней части замка) и тяжелое (в подземелье, с цепью на шее). На содержание невольника деньги должен был давать он сам и его близкие или потерпевшие, по обвинению которых преступник был приговорен к тюремному заключению (разд. 4, ст. 31, 32) [1, с. 164–166].

Изгнание и объявление вне закона применялось в основном к преступникам-феодалам, которые скрывались от суда, когда обвинялись в совершении тяжких преступлений, за которые могло быть наказание в виде смертной казни (разд. 4, ст. 30) [1, с. 162–164].

Лишение чести было дополнительной мерой наказания для шляхты. Оно означало утрату привилегий данного сословия и всего поместья. Лишались чести шляхтичи, которые убежали с поля битвы, изгнанники, преступники, которые были осуждены к смертной казни, но потом помилованы (разд. 11, ст. 13).

При покаянии осужденный должен был прилюдно в церкви или костеле четыре раза в год объявлять людям о своем преступлении. В случае нанесения оскорбления шляхтичу виновный мог быть осужден публично просить прощения у шляхтича, что могло происходить в суде или другом общественном месте (разд. 11, ст. 15).

Таким образом, Статут 1588 г. является одним из важнейших источников уголовного права рассматриваемого периода.

1. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 : тэксты, даведнік, каментарыі / рэдкал.: І.П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск : Беларус. сав. энцыкл. імя П. Броўкі, 1989. 573 с.

ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВ ПРАВА В ОТРАСЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

УДК 340.142

Л.О. Мурашко

О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ РЕШЕНИЙ КОНСТИТУЦИОННЫХ СУДОВ

Традиционно роль решений конституционных судов в национальных правовых системах и прежде всего государств постсоветского пространства связывается с возможностью посредством решения отменить (отнести к неприменимым) любой «подконституционный» акт. За последнее время наиболее авторитетными учеными и практиками высказывались точки зрения о судебно-прецедентной природе решений конституционных судов [6, 10], о нормативно-доктринальной их природе [1]; хотя присутствуют точки зрения и о том, что акты конституционных судов являются нормативными правовыми актами, правоприменительными, источниками права и др. Данная дискуссия органично дополняет полемику о природе самого органа конституционной юстиции [8, 9], продолжая еще традиционную для советского периода дискуссию о судебном правотворчестве. Несмотря на схожесть белорусских и российских правовых подходов во многих сферах правового регулирования и общее «правовое прошлое», по отношению к актам конституционных судов имеются существенные различия как на практике, так и в научных разработках.

Если анализировать вопросы природы решения с точки зрения формально-юридического подхода, отраженного в законе «О нормативных правовых актах Республики Беларусь», то решения Конституционного суда Республики Беларусь являются нормативными правовыми актами [8], однако их правовая природа иная, чем норм кодексов или Конституции, с чем согласны многие исследователи [5, 7]. Законодательное закрепление характера актов судебного правотворчества (высших судебных органов) в белорусской системе законодательства способствует более целостному правоприменению, но в теоретическом плане оставляет место для дискуссии. Отнесение решений конституционных судов к источникам права является преобладающей точкой зрения среди белорусских ученых [2, с. 99; 9, с. 58]. С этим согласны зарубежные ученые, в частности К. Стоичев, который, характеризуя конституционный кон-

троль, отмечает, что конституционный суд становится законодателем, и его решения по толкованию конституции имеют природу источников права, или, точнее, дополнительных источников права [13].

Белорусские конституционалисты не пришли к единому мнению о природе актов конституционных судов. Высказываются точки зрения, что наличие правотворческой функции у конституционных судов – общепризнанный факт, что решениями Конституционного суда создаются нормы права, по юридической силе которые идут вслед за положениями Конституции [3, с. 56]; Конституционный суд фактически выполняет квазиправотворческую функцию [8, с. 274]; акты Конституционного суда нельзя отнести к какому-нибудь из известных видов источников действующего белорусского права по целому ряду признаков (например, сами по себе заключения Конституционного суда Республики Беларусь не содержат норм права), как и к известным видам актов индивидуально-правового характера [9, с. 60].

Наиболее прямым представляется путь характеристики решения Конституционного суда как нормативного правового акта исходя из сущностных признаков не столько решения, сколько данного вида источника права, нормативность которого очевидна. Такой подход заключается в том, чтобы на основании признаков нормативного правового акта, которые во многом совпадают с признаками решения Конституционного суда (особенно для государства с правовой системой, относящейся к романо-германской правовой семье), причислить решение к нормативным правовым актам.

Если же исследовать нормативность как сущностное свойство решений конституционных судов не как актов, форма которых определена законодателем (как в Беларуси) или не определена (как в России), а исходя из их природы, то этот признак является внутренне присущим решениям конституционных судов о проверке конституционности акта. Во многих странах мира оспаривание нормативного правового акта государственным органом ведет к обязательности принятого Конституционным судом решения для всех участников правоотношений [12, р. 21].

Часто вопрос о природе решений Конституционных судов рассматривается сквозь призму толкования – как особое толкование норм Конституции [11, с. 5–12]. Толкование национальной Конституции является традиционным полномочием Конституционных судов. Что касается казуального толкования как толкования правовой нормы судом при ее применении в ходе разрешения конкретного дела, то Конституционный суд при рассмотрении конкретного дела о соответствии того или иного нормативного правового акта Конституции также дает казуальное толкова-

ние конституционной нормы в процессе ее применения. Мы согласны, что в отношении решения Конституционного суда как источника права основным источником права выступает национальная Конституция, производным (дополнительным) – решение Конституционного суда, в связи с чем данные акты должны применяться вместе [1, 4].

Представляется, что толкование Конституционным судом конституционных норм подчиняется общим правилам толкования: новая норма не создается; речь идет о применении нормы Конституции при разрешении конкретного дела; особый характер толкования в этом случае выражается в его значении для правовой системы: нормативный характер казуального толкования Конституции обусловлен природой конституционного правоприменения, согласно которой общий характер конституционных предписаний предполагает особую значимость толкования этих предписаний, их общеобязательность. Конституция служит критерием конституционно-правового толкования нормы, проверяемой с точки зрения соответствия Конституции. Норма может признаваться не соответствующей или соответствующей Конституции, или (что характерно для российского опыта) сохранять свою силу и действовать в пределах ее конституционного толкования.

1. Бондарь Н.С. Нормативно-доктринальная природа решений Конституционного Суда РФ как источников права // Журн. рос. права. 2007. № 4. С. 75–85.

2. Василевич Г.А. Источники белорусского права: принципы, нормативные акты, обычаи, прецеденты, доктрина. Минск : Тесей, 2005. 133 с.

3. Василевич Г.А. Правовая природа актов Конституционного Суда Республики Беларусь и их юридическое значение // Весн. Канстытуц. Суда Рэсп. Беларусь. 2005. № 1. С. 48–57.

4. Василевич Г.А. Правовые акты особой формы: их место и роль в развитии национальной правовой системы // Теория и практика правотворчества и правоприменения: Республика Беларусь в условиях интеграционных процессов : тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф., Гродно, 13–14 апр. 2007 г. / Гродн. гос. ун-т ; редкол.: И.Э. Мартыненко (отв. ред.) [и др.]. Гродно, 2007. С. 21–23.

5. Загайнова С.К. Судебный прецедент: проблемы правоприменения. М. : Норма, 2002. С. 138–157.

6. Зорькин В.Д. Прецедентный характер решений Конституционного Суда Российской Федерации // Журн. рос. права. 2004. № 12. С. 3–19.

7. Колоколова Э., Мартынич Е. Прецедентное право: от советской идеологии к международной практике // Рос. юстиция. 1994. № 12. С. 20–21.

8. Пугачев А.Н. Судебный конституционный контроль : учеб.-метод. комплекс. Новополоцк : Полоц. гос. ун-т, 2009. 388 с.

9. Сільчанка М.У. Акты Канстытуцыйнага Суда Рэспублікі Беларусь у сістэме крыніц сучаснага беларускага права // Весн. Канстытуц. Суда Рэсп. Беларусь. 2006. № 4. С. 51–62.

10. Сільчанка М.У. Паняцце і віды крыніц сучаснага беларускага права // Весн. Канстытуц. Суда Рэсп. Беларусь. 2008. № 2. С. 79–89.

11. Хабриева Т.Я. Толкование Конституции Российской Федерации: теория и практика / Рос. акад. наук, Ин-т государства и права. М. : Юристъ, 1998. 243 с.

12. Shteinberger G. Models of Constitutional Jurisdiction. Strasbourg : Council of Europe Press ; Croton : Manhattan Pub., 1993. 51 p.

13. Stoichev K. Constitutional Justice in Bulgaria: Rules and Tendences // Venice Commission of Council of Europe [Electronic resource]. 2013. URL: http://www.venice.coe.int/WCCJ/Papers/BUL_Stoichev_E.pdf (date of access: 20.01.2013).

УДК 343.2

А.Л. Савенок, Е.А. Бритова

ОБ ИСТОЧНИКАХ УГОЛОВНОГО ПРАВА

Прошло 12 лет с момента вступления в силу Уголовного кодекса Республики Беларусь 1999 г., который вобрал в себя основные теоретические идеи, опыт законотворческой практики и законодательной техники советского уголовного права, базирующиеся во многом на теоретических разработках дореволюционных юристов, ряд положений Модельного уголовного кодекса для государств – участников СНГ и учел опыт разработки и применения Уголовного кодекса Российской Федерации, других стран СНГ и стран дальнего зарубежья. Этот период был ознаменован постепенным становлением и развитием нового этапа правового регулирования уголовных отношений, значительно отличающегося от предыдущих периодов. Такая многоплановость правовых документов, использованных при разработке УК, обусловила и актуальность исследования источников уголовного права, перечень которых в различных государствах не совпадает.

В толковом словаре русского языка С.И. Ожегова под источником понимается начало, основание чего-нибудь; место, откуда исходит что-нибудь; письменный памятник, документ, на основе которого строится научное исследование. Как правильно отмечает А.А. Мясин, в науке общей теории права понятие источника права до сих пор принадлежит к числу дискуссионных [1, с. 9]. В теории уголовного права под источником предлагается понимать акты, определяющие преступность и наказуемость деяния, а также те, которые устраняют уголовную ответственность. Согласно ч. 2 ст. 1 УК предполагается, что единственным источником уголовного права является уголовный закон. Тем не менее в научной и учебной литературе высказывается мнение, что уголовный закон не является единственным источником уголовного права. При этом чаще всего подразумевается судебный прецедент, поскольку на его

основе, не изменяя текста уголовного закона, судебная практика может значительно изменяться. И это касается не только оценочных понятий, содержание которых во многом зависит от сложившейся судебной практики, но и моментов окончания различных преступлений в зависимости от особенностей конструкции объективной стороны. Поэтому, как представляется, ссылка нижестоящих судов в отдельных случаях на решения Верховного суда Республики Беларусь будет способствовать правильно-му разрешению конкретных уголовных дел и в целом не противоречит принципам уголовного закона и уголовной ответственности, тем более что в действительности судьи в своей деятельности ориентируются на складывающуюся в вышестоящих судах практику. Другое дело, что данный процесс необходимо совершенствовать. Реальным шагом в этом направлении было бы расширение доступа к судебным решениям, в том числе и через сеть Интернет. В конечном итоге это будет способствовать повышению эффективности действия уголовного закона. Формируя прецедентную практику, судья осуществляет толкование уголовного закона, поэтому судебный прецедент всегда будет вторичным по отношению к уголовному закону. Следовательно, являясь производным по отношению к уголовному закону, судебный прецедент реально будет способствовать дальнейшему становлению судебной власти в нашей стране.

Отдельно следует рассмотреть вопрос о соотношении норм, содержащихся в УК, с нормами иных отраслей права, регулирующих те сферы общественных отношений, которые не могут быть охвачены уголовно-правовыми нормами. Нельзя не согласиться с И.Я. Козаченко, по мнению которого «взаимодействуя с другими отраслями, уголовное право активно на них воздействует» [2, с. 80]. Нормы уголовного права, регулирующие или охраняющие те или иные общественные отношения, формируются уже после принятия нормативных правовых актов иных отраслей права, регулирующих эти вопросы. Кроме того, многие положения Конституции Республики Беларусь, международно-правовых актов являются важнейшим основанием криминализации деяний, что свидетельствует об их основополагающей роли при определении преступности и наказуемости деяний. Ввиду того, что закон, который нарушается, по времени должен предшествовать закону, по которому назначается наказание, в научной литературе был выдвинут тезис: уголовное право является обслуживающей отраслью и уголовно-правовые нормы выступают в качестве санкций, подкрепляющих силу тех или иных организационных нормативных предписаний. Иными словами, речь идет о том, что уголовно-правовые нормы являются охранительными для других отраслей, регулирующих различные общественные отношения.

На наш взгляд, с такой постановкой вопроса согласиться нельзя. Дело в том, что правовые нормы в силу системности права могут обеспечиваться как типичными только для данной отрасли средствами, так и методами, характерными для других отраслей. Однако нельзя согласиться и с тем, что структурные элементы уголовно-правовой нормы находятся в законодательных актах, относящихся к иным отраслям права: диспозиция – в государственном праве, а санкция – в уголовном. Безусловно, ни с точки зрения формальной определенности правовых норм, ни с точки зрения нормативной логики такая позиция не может быть оправдана, так как нормы иных отраслей лишь расширяют и конкретизируют отдельные положения уголовного законодательства, в целом не влияя на основания привлечения к уголовной ответственности, к которым относится только совершение преступления, характеризующегося признаками, предусмотренными УК, и запрещенного им под угрозой наказания (ст. 10, 11 УК).

Нормы уголовного права являются самостоятельными и как все правовые нормы носят представительно-обязывающий характер. Во многих случаях, формулируя составы преступлений, они учитывают положения иных отраслей права и при необходимости развивают и детализируют их, поэтому не следует противопоставлять уголовно-правовые обязанности правам, предусмотренным в других отраслях права. В социальной природе нет и не может быть норм, которые бы только регулировали или только охраняли. Уголовно-правовые нормы принимаются с учетом не только действующего законодательства иных отраслей, но и всей правовой системы. Многие из них прямо или косвенно направлены на охрану отношений, регулируемых другими отраслями права. Вместе с тем нормы иных отраслей так или иначе должны соответствовать положениям уголовного законодательства, расширяя сферу его действия, что подтверждается наличием в Особенной части УК ряда бланкетных норм, которые отсылают правоприменителя к положениям других нормативных правовых актов для определения наличия или отсутствия признаков состава преступления в совершенном деянии. Конечно, важно при этом обращать внимание на то обстоятельство, чтобы нормы иных отраслей права соответствовали положениям уголовного права, что может быть достигнуто и путем повышения уровня юридической техники. К сожалению, до настоящего времени эффективной процедуры согласования уголовно-правовых норм с иными нормами не выработано. Процесс правоприменительной деятельности имеет некоторые недостатки. Такое положение дел не способствует повышению эффективности уголовного закона.

1. Мясин А.А. Нормативный договор как источник права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. Саратов : Сарат. гос. акад. права, 2003. 29 с.

2. Козаченко И.Я. Санкции за преступления против жизни и здоровья: обусловленность, структура, функции, виды / под ред. М.И. Ковалева. Томск : Изд-во Томс. ун-та, 1987. 232 с.

УДК 343

В.С. Гайдельцов

ИСТОЧНИКИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКОГО ПРАВА КАК ЭЛЕМЕНТ СИСТЕМЫ ФОРМИРУЮЩЕЙСЯ НОВОЙ ПРАВОВОЙ ОТРАСЛИ

Отрасль права, как известно, является одним из наиболее крупных элементов системы национального права. Критерии, позволяющие отнести ту или иную совокупность правовых норм к самостоятельной отрасли права, на протяжении десятилетий не единожды изменялись как по объему, так и по содержанию. Этот вопрос был предметом ожесточенных не только юридических, но и политических дискуссий, которые не теряют своей остроты до настоящего времени [5, 6, 11]. Такова же судьба становления и оперативно-розысского права, совпавшего с явлениями планетарного масштаба, в первую очередь развала Советского государства и возникновения на постсоветском пространстве целого ряда суверенных государств, создающих свои национальные правовые системы.

Прежде чем характеризовать источники оперативно-розысского права, следует остановиться на особенностях этой уникальной правовой отрасли. До 1992 г., т. е. до принятия в Республике Беларусь первой редакции закона «Об оперативно-розыскной деятельности», названная деятельность не только не была предметом открытого общественного обсуждения, но практически все научные разработки в данной сфере носили закрытый характер и сосредоточивались в ведомствах, ее осуществляющих. Такая ведомственная разобщенность сохраняется до сего времени.

В результате даже само понятие «оперативно-розыскная деятельность» носит крайне неопределенный характер. Достаточно сказать, что само ее название пришло из сферы деятельности органов внутренних дел [1, 12]. Как показывает исторический генезис, сутью оперативно-розыскной деятельности являлось и является негласное получение информации для решения стоящих перед органами внутренних дел задач. В органах государственной безопасности адекватная деятельность носила совсем иное название [7]. Неслучайно первые разработки откры-

тых нормативных правовых актов разграничивали эту деятельность по ведомственному критерию [8, 9]. Однако, законодатель принял иное решение и сегодня мы имеем единый закон «Об оперативно-розыскной деятельности» для всех государственных органов вне зависимости от решаемых ими задач. Таким образом, объективно возникла задача определения единых подходов всех ведомств к реализации положений закона [4]. Решить ее применительно к организации и тактике оперативно-розыскной деятельности невозможно, ибо эта информационная сфера в силу требований закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и закона «О государственных секретах» является недоступной для гласного обсуждения. Следовательно остается область правовых дефиниций открытого характера, совокупность которых мы и предлагаем рассматривать как оперативно-розыскное право. Тем не менее вот уже более 20 лет добиться хотя бы относительного единства в признании факта существования такой отрасли права не удастся. Мало того, правовую регламентацию общественных отношений в сфере негласного получения информации как только не именуют. Это и уголовно-розыскное право [13], и сыскалогия [2, 14] и т. п. Появляются работы, которые фактически ставят знак равенства между контрразведывательной, разведывательной и оперативно-розыскной деятельностью [3]. Это только мешает взаимопониманию. Это не позволяет в свою очередь дать характеристику оперативно-розыскных правоотношений, без чего невозможно говорить о правовой природе как негласного содействия граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, так и используемых этими органами оперативно-розыскных мероприятий.

Нет попыток определить даже на уровне научной дискуссии юридическую суть негласного получения информации, что не дает возможности подтвердить уникальность оперативно-розыскной деятельности по отношению к другим видам деятельности юридической.

Названные нерешенные в первую очередь научные проблемы лишают возможности дать полную теоретически обоснованную характеристику источников оперативно-розыскного права и возможности их реализации в оперативно-розыскной работе. Тем не менее полагаем необходимым особо остановиться на характеристике такого источника оперативно-розыскного права, как нормативный правовой акт. Речь в первую очередь о Конституции Республики Беларусь. В ней в отличие от советских редакций зафиксирована возможность правоограничений, т. е. создана конституционная основа применения в процессе обеспечения национальной безопасности, в том числе и в сфере борьбы с преступностью, оперативно-розыскной деятельности при наличии осно-

ваний, указанных в законе, ибо негласное осуществление оперативно-розыскной деятельности связано с ограничением конституционных прав и свобод граждан. Таким образом, названные положения Конституции Республики Беларусь объективно создали предпосылки для формирования новой правовой отрасли.

Закон Республики Беларусь как источник оперативно-розыскного права, к сожалению, не содержит ответа на целый ряд концептуальных вопросов. В первую очередь, назвав исчерпывающий перечень оперативно-розыскных мероприятий и возможность использования полученной с их помощью информации в уголовно-процессуальном доказывании, он не определил механизм трансформации оперативно-розыскных данных в доказательства по уголовному делу. В результате на постсоветском пространстве уже появилось такое «уникальное» понятие, как «негласные следственные действия» [10].

Таким образом, одним из элементов формирования оперативно-розыскного права можно рассматривать разработку Оперативно-розыскного кодекса Республики Беларусь, который бы содержал не только блок материальных, но и блок процессуальных правовых предписаний.

С учетом негласного характера оперативно-розыскной деятельности ее организация и тактика регулируются закрытыми ведомственными правовыми актами, которые также являются источниками оперативно-розыскного права, но сфера их действия уже обычного нормативного правового акта. Они не могут содержать нормы, ограничивающие права и свободы граждан, а распространяются лишь на должностных лиц, непосредственно участвующих в осуществлении оперативно-розыскной деятельности, т. е. регулируют надлежащее исполнение ими своих служебных обязанностей.

1. Басецкий И.И. Место и роль оперативно-розыскной деятельности в правовом государстве // Судебно-правовая реформа: концепция и пути ее реализации в Республике Беларусь : материалы респ. науч.-практ. конф., Минск, 26–28 февр. 1992 г. Минск : Акад. милиции МВД Респ. Беларусь, 1992. С. 254–257.

2. Басецкий И.И. Основные направления и пути развития оперативно-розыскной практики ОВД, законодательства и соответствующей теории // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. 2012. № 1 (23). С. 30–33.

3. Басецкий И.И., Родевич В.Ч. Новые подходы к содержанию ОРД // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. 2012. № 1 (23). С. 194–197.

4. Басецкий И.И., Климов И.А., Синилов Г.К. Актуальные проблемы развития теории и совершенствования практики ОРД в современных условиях // О направлениях дальнейшего совершенствования оперативно-розыскной деятельности на государственной границе Республики Беларусь : материалы науч.-практ. конф. Минск, 1999. 226 с.

5. Венгеров А.Б. Теория государства и права : учебник. 4-е изд. М. : Омега-Л, 2007. 608 с.

6. Вишневский А.Ф., Горбатов Н.А., Кучинский В.А. Общая теория государства и права : учеб. пособие / под общ. ред. В.А. Кучинского. 2-е изд., доп. Минск : Амалфея, 2004. 688 с.

7. Гайдельцов В.С. Некоторые актуальные проблемы правового регулирования оперативно-розыскной деятельности // Общество в условиях трансформации социально-экономической системы: проблемы экономики и права : сб. ст. Ч. VI. М. : Ин-т правовой экономики, 2004. С. 125–128.

8. Закон об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации. Комментарий / под ред. А.Ю. Шумилова. М. : Юрид. лит., 1994. 128 с.

9. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» / отв. ред. и рук. авт. коллектива А.Ю. Шумилов. М. : Вердикт-1, 1997. 208 с.

10. Кримінальний процесуальний кодекс України. Науково-практичний коментар : у 2 т. / Є.М. Блажівський [та інш.] ; за заг. ред. В.Я. Тація, В.П. Пшонки, А. В. Портнова. Харків : Право, 2012.

11. Лазарев В.В., Липень С.В. Теория государства и права : учеб. для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М. : Спарк, 2000. 511 с.

12. Научно-практический комментарий к Закону Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» / И.И. Басецкий [и др.]. Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2001. 135 с.

13. Шумилов А.Ю. Об уголовно-розыском праве в России (краткое изложение некоторых основных положений формирующейся отрасли российского права) : лекция. М. : Изд-во Шумилова И.И., 1997. 32 с.

14. Шумилов А.Ю. Феномен научных школ профессионального сыска. М. : Изд-во Шумилова И.И., 2007. 159 с.

УДК 343.291

Б.В. Асаёнок, А.М. Быстриков

СРОКИ ДАВНОСТИ В СВЕТЕ ПРИНЦИПОВ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Уголовное право является одной из самых старых и исторически устоявшихся отраслей права. Многие из его институтов являются практически неизменными многие десятки, если не сотни лет. К одному из таких институтов относятся сроки давности привлечения к административной ответственности. Нам не удалось обнаружить однозначно определенных истоков данного института, но приблизительно с середины XIX в. он получает законодательную «прописку» практически во всех европейских государствах, причем нормы о сроках давности предусматривают почти безусловное применение, безотносительное к каким-либо условиям. Таким образом, если лицо, совершившее преступление, в течение определенного срока эффективно скрывалось от уголовного преследования, то такое лицо с истечением сроков давности переставало считаться со стороны государства и законодательства преступником.

Однако следует ли считать такое положение правильным? Если рассматривать сроки давности освобождения от уголовной ответственности как правомерные лишь с точки зрения того, что они закреплены в Уголовном кодексе Республики Беларусь (ст. 83), то да, их применение, без сомнения, законно. Но мы считаем, что следует в данном случае рассмотреть вопрос о соответствии сроков давности духу уголовного закона, по крайней мере что касается соответствия их принципам уголовного закона и принципам уголовной ответственности (ст. 3 УК).

Первое очевидное противоречие касается соотношения сроков давности с принципом неотвратимости уголовной ответственности (ч. 4 ст. 3 УК). Сложно говорить о том, что каждое лицо, виновное в совершении преступления, должно понести ответственность, если закон предусматривает безоговорочное освобождение от нее по истечении более или менее длительного срока. Относительно сроков давности следует сказать, что их применение делает практически бессмысленной такую задачу уголовной ответственности, как исправление виновного лица. Получается, что лицо, избегавшее ответственности, исправляется также эффективно, как и находящееся в местах лишения свободы, а иногда даже и быстрее, поскольку максимальные сроки давности значительно ниже максимальных сроков лишения свободы. Можно ли считать такое положение полезным для государства, общества и конкретного человека?

С учетом сказанного следует также поставить вопрос о несоответствии сроков давности принципу равенства граждан перед законом (ч. 3 ст. 3 УК), поскольку указанный принцип требует равного привлечения к уголовной ответственности лиц вне зависимости от расы, пола, имущественного положения, а также других обстоятельств. Этими другими обстоятельствами является деятельность по раскрытию и расследованию преступлений, которая в одном случае позволила привлечь виновное лицо к уголовной ответственности, а с другой – дала возможность лицу избежать такой ответственности. В силу различной напряженности этой деятельности потенциально равные для государства преступники по-разному исполнили свою обязанность отвечать за совершенное преступление.

Очевидно, что сроки давности не дают в полной мере реализоваться и принципу личной виновной ответственности, поскольку не позволяют привлечь к уголовной ответственности именно то лицо, которое виновно в совершении преступления.

Принцип справедливости (ч. 6 ст. 3 УК) устанавливает, что наказание и иные меры уголовной ответственности должны учитывать характер и степень общественной опасности преступления, обстоя-

тельства его совершения и личность виновного. Однако этот принцип не работает, поскольку никаких мер уголовной ответственности по истечении сроков давности к виновному лицу не применяется. Кроме того, односторонность действующего уголовно-правового закрепления принципа справедливости не охватывает его важной социально-правовой компоненты. Справедливость уголовного закона (и уголовной ответственности) должна касаться не только виновных в совершении преступлений, но и тех лиц, которых этот закон защищает. И если виновное лицо освобождается от уголовной ответственности за свое общественно позитивное поведение (например, заглаживание вреда), то в этом можно усмотреть некую долю справедливого отношения к пострадавшим от преступления лицам. Имеется ли справедливость к ним в том, что преступник освобождается от ответственности по истечении сроков давности?

Аналогичный подход мы считаем правильным применительно к принципу гуманизма (ч. 7 ст. 3 УК). Одна из составляющих этого принципа гласит: лицу, совершившему преступление, должны быть назначены наказание или иная мера уголовной ответственности, необходимые и достаточные для его исправления. В этой фразе отражается не только то, что виновное лицо не должно подвергаться излишним страданиям. Во-первых, такое лицо однозначно должно быть привлечено к уголовной ответственности, лишь так может быть реализован принцип гуманизма в рамках норм уголовного права. Во-вторых, меры уголовной ответственности применяются к нему для его исправления, т. е. гуманизм направлен не только на него, но и на общество, иных людей, которые не должны страдать от его противоправной деятельности.

Анализ принципов уголовного закона и уголовной ответственности позволяет говорить о том, что сроки давности, предполагающие императивное и безусловное освобождение лица от уголовной ответственности, находятся в определенном противоречии. Источником данного противоречия является то, что применение сроков давности прекращает уголовные правоотношения между виновным лицом и государством. Мы же считаем, что нормы уголовного законодательства только тогда следует считать соответствующими правовыми и законными, когда они способствуют, а не противоречат духу уголовного закона, который находит отражение в его принципах. В силу этого представляется целесообразным обратить на современном этапе развития науки уголовного права внимание на то, насколько в существующих правовых реалиях могут быть применимы нормы о сроках давности.

ГАРАНТИИ ПРАВ И СВОБОД ЛИЧНОСТИ В ИСТОЧНИКАХ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

Реализация задач уголовного процесса регламентируется уголовно-процессуальным законом, содержащим в себе соответствующие правовые нормы, которые в совокупности составляют уголовно-процессуальное право.

Уголовно-процессуальное право представляет собой систему социально обусловленных правовых норм, регулирующих деятельность органов дознания, следствия, прокуратуры и суда при производстве по уголовным делам, включающую в себя права и обязанности субъектов, участвующих в уголовном процессе, а также возникающие в стадиях возбуждения, расследования и разрешения уголовных дел правоотношения.

Исторически так сложилось, что уголовно-процессуальное право имеет относительно небольшое количество источников. В соответствии со ст. 1 УПК Республики Беларусь к ним относятся только законы, перечень которых определен в кодексе.

Составной частью уголовно-правовой процессуальной системы являются международно-правовые акты – декларации, конвенции, договоры, соглашения, закрепляющие общепризнанные принципы и правовые нормы. В современной отечественной юриспруденции в качестве важнейших из них признаются Конституция и УПК.

Главным источником уголовно-процессуального права является Конституция, в которой определяются многие принципы уголовного процесса, закрепляются гарантированные ею свободы, права и обязанности граждан. УПК является кодифицированным источником уголовно-процессуального права и представляет собой систему норм, подробно регламентирующих порядок и последовательность проведения процессуальных действий.

Конституция имеет прямое действие и преимущественную юридическую силу по отношению к другим законам. Это касается и УПК.

Конституция регламентирует целый ряд важнейших вопросов уголовно-процессуального права. В частности, в Конституции названы важнейшие принципы, нашедшие отражение в УПК: принцип законности, осуществления правосудия только судом, уважения чести и достоинства личности, неприкосновенности личности, охраны прав и свобод человека и гражданина, неприкосновенности жилища, тайны переписи

ски, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, презумпции невиновности, состязательности, обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту и др.

Концептуальную основу составляет принцип равенства перед законом, обуславливающий право гражданина без всякой дискриминации на равную защиту прав и законных интересов. В уголовно-процессуальной сфере этот принцип трансформировался в несколько положений, связанных с особенностями и определенными сложностями в предоставлении защиты прав и свобод личности, обеспечении ее социальной безопасности, поскольку существуют процессуально обоснованные ограничения в правах некоторых субъектов, связанные с их статусом. Например, в ст. 10 УПК предусмотрено, что суд, орган уголовного преследования обязаны обеспечивать защиту прав и свобод лиц, участвующих в уголовном процессе, создавать предусмотренные кодексом условия для ее осуществления, своевременно принимать меры по удовлетворению законных требований участников уголовного процесса. Никто не может быть понужден к исполнению обязанностей, не предусмотренных УПК, либо к отказу от своих прав. Никто не должен понуждаться к даче показаний и объяснений против самого себя, членов своей семьи, близких родственников. Однако здесь же оговаривается возможность наложения на эти права некоторых ограничений в соответствии с кодексом: в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц.

Одновременно с этим субъектам, чей процессуальный статус изначально предусматривает такие ограничения, предоставляются дополнительные гарантии:

подозреваемый, обвиняемый имеют право на защиту;

орган уголовного преследования и суд обязаны разъяснить подозреваемому, обвиняемому их права и обеспечить возможность защищаться установленными законом средствами и способами, а также обеспечить охрану их личных и имущественных прав;

в предусмотренных законом случаях лица, ведущие производство по материалам и уголовному делу, обязаны обеспечить участие защитника подозреваемого, обвиняемого, в некоторых случаях за счет средств местного бюджета.

При этом в случае причинения лицу вреда в период уголовного процесса в результате нарушения его прав и свобод он подлежит возмещению. Государство при этом обеспечивает защиту чести и достоинства личности, неприкосновенность жилища и личной жизни, тайну переписки,

ски, создавая фундаментальную основу для реализации, пожалуй, самого важного общемирового уголовно-процессуального принципа презумпции невиновности. Никто не может быть признан виновным в преступлении, если его вина не будет в предусмотренном законом порядке доказана и установлена вступившим в законную силу приговором суда. Обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность (ст. 26 УПК). При этом не допускается никакого принуждения к даче показаний и объяснений против самого себя, членов своей семьи и близких родственников. Полученные таким образом доказательства не имеют юридической силы.

Таким образом, можно отметить, что положения Конституции, являясь источником других правовых норм, получают свое развитие соответственно целям и задачам отрасли. В уголовно-процессуальной сфере это приобретает очевидные черты, поскольку гарантии соблюдения прав и свобод в ней всегда соотносятся с реальными возможностями и необходимостью ограничений.

УДК 341.6(341.9)(340.130)

В.А. Литвинко

ИСТОЧНИКИ ПРАВА В МЕЖДУНАРОДНОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ

В эпоху глобализации и растущей кооперации экономических связей между странами мира для адекватного правового регулирования общественных отношений немаловажным является вопрос источника регулирования этих отношений. Не затрагивая вопрос целесообразности использования одного из двух многозначных терминов – «источник права» или «форма права», – учитывая то, что еще в римском праве традиционным является термин «источник права», отметим, что нормы права, как и всякое общественное явление, также имеют формы своего внешнего выражения, объективного существования.

В современном правоведении под источниками той или иной отрасли права понимают формы, при помощи которых фиксируются, закрепляются, официально выражаются правовые нормы, регулирующие общественные отношения, составляющие предмет соответствующей правовой отрасли [1, с. 305].

Поскольку любое правовое образование (и международный гражданский процесс, как и право, не исключение) является продуктом

человеческого ума, учитывающим объективные различия социально-экономического и политического содержания общественных отношений, возникают новые сферы взаимодействия членов общества в развитии уже сложившихся отношений.

Первичным критерием выделения в правовой системе той или иной отрасли права является группирование правовых норм по признаку однородности регулируемых ими общественных отношений, отличительной особенностью отношений, составляющих предмет международного гражданского процесса, является присутствие в них иностранного элемента и частноправовой характер этих отношений. В международном гражданском процессе, как и в МЧП, отношения, составляющие его предмет, регулируются при помощи двух групп правовых норм: нормы прямого действия – непосредственно регулируют поведение, устанавливают права и обязанности участников этих отношений; коллизионные нормы – не устанавливают прав и обязанностей, а лишь указывают, право какого государства должно быть применено для урегулирования правоотношения в конкретном случае.

Таким образом, материально-правовые и коллизионные нормы, регулирующие отношения частноправового характера, осложненные иностранным элементом, являются нормами МЧП. Следовательно формы, в которых находят выражение эти нормы, и являются источниками МЧП.

Выделяют четыре вида источников МЧП: международные договоры, внутреннее законодательство, обычай, судебная и арбитражная практика.

Важность того или иного вида источников МЧП в разных государствах неодинакова. Кроме того, в одной и той же стране в зависимости от того, о каких правоотношениях идет речь, применяются нормы, содержащиеся в различных источниках [2, с. 50].

С учетом всего вышеизложенного источники МЧП можно определить как выраженные в международных договорах и обычаях, актах внутреннего законодательства материально-правовые и коллизионные нормы права, регулирующие и направленные на регулирование осложненных иностранным элементом отношений частноправового характера.

Унификация материальных норм МЧП осуществляется в международных договорах. Целью заключения международного договора коллизионного характера является максимальное обеспечение так называемого международного соответствия судебного решения, т. е. ситуации, при которой судебное решение будет идентичным независимо от того, в какой стране это решение вынесено [3, с. 36]. Ценность источников, в которых содержатся унифицированные коллизионные нормы, в том, что, во-первых, в некоторых случаях они позволяют устранить пробле-

лы в национальном законодательстве при регулировании отношений с иностранным элементом; во-вторых, придание единообразия зачастую разрозненным коллизионным нормам актов внутреннего законодательства придает некоторую определенность отношениям международного сотрудничества.

К числу наиболее значительных из региональных кодификаций в области МЧП принадлежит Кодекс Бустаманте, являющийся приложением к Конвенции о международном частном праве 1928 г. Он действует в отношении большинства государств Латинской Америки [4, с. 92–93].

Еще одним вопросом, требующим разрешения, является вопрос о наличии хотя бы специального Модельного закона о международном частном праве и процессе. В Беларуси его нет. Коллизионные нормы, относящиеся к сфере МЧП, содержатся в ГК и ГПК, КоБС, Кодексе торгового мореплавания.

Дискуссионным является также вопрос об «относимости» внутренних материальных норм к МЧП. Этот вопрос поднимал, например, И.С. Перетерский, относивший нормы внутреннего законодательства, которые непосредственно, без применения коллизионной нормы, регулируют отношения с иностранным элементом, к МЧП, а Л.А. Лунц – нет. При этом М.М. Богуславский, соглашаясь с первой позицией, подчеркивал, что речь при этом идет не об общих нормах гражданского законодательства, подлежащих применению к правоотношениям с иностранным элементом в силу отсылки к ним коллизионных норм, а о специальных нормах, непосредственно устанавливаемых государством для регулирования внешнеэкономических отношений или отношений по научно-техническому, культурному сотрудничеству [2, с. 23].

Таким образом, в зависимости от того, какой точки зрения придерживаться, внутренние источники МЧП либо будут ограничиваться актами, содержащими только коллизионные нормы (например, кодексами, в которых коллизионным нормам МЧП отведены специальные разделы), или же будут представлены актами, содержащими как материально-правовые, так и коллизионные нормы. Для МЧП Республики Беларусь присущ второй подход.

Внутренние источники МЧП от внешних отличаются системностью, иерархичностью, исключительной компетенцией того или иного государства как суверенного образования, исходящего при их формировании из своих национальных интересов, интересов международного сотрудничества.

Таким образом, особенностями источников международного гражданского и частного права является их двойственность. С одной сто-

роны – это международные договоры и международные обычаи, а с другой – акты внутреннего законодательства. Положение о том, что вступившие в силу международные договоры Республики Беларусь являются составной частью действующего законодательства, не умаляет этой особенности, поскольку международные договоры не сливаются с внутренним законодательством, а занимают особое положение среди актов внутреннего правотворчества. Среди прочих особенностей можно отметить следующие:

нормы МЧП содержатся в актах, являющихся источниками различных отраслей национального права (гражданского, семейного, трудового, банковского, гражданского процессуального и др.), что делает их источником и МЧП, т. е. источники МЧП носят межотраслевой характер;

международные договоры, регулирующие частноправовые отношения с иностранным элементом, являются источниками только МЧП;

в МЧП на международном уровне и на национальном отсутствует единый кодифицированный акт, содержащий нормы МЧП и являющийся только источником МЧП;

среди источников МЧП есть акты, содержащие коллизионные нормы, что не всегда присуще источникам, относящимся к отраслям внутреннего права.

1. Вишневский А.Ф., Горбатов Н.А., Кучинский В.А. Общая теория государства и права. Минск : Тесей, 1999. 559 с.

2. Международное частное право: современные проблемы / Н.Р. Баратынц [и др.]. М. : Междунар. изд. группа «Право», 1994. 507 с.

3. Сильченко Н.В., Толочко О.Н. Теоретические проблемы учения о нормах МЧП // Государство и право. 2000. № 1. С. 35–39.

4. Звеков В.П. Международное частное право : учеб. для вузов по специальности «Юриспруденция». М. : Юрист, 2004. 701 с.

УДК 796:34(476)

Е.В. Борщёва

ИСТОЧНИКИ СПОРТИВНОГО ПРАВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Спорт в настоящее время представляет собой не просто средство для укрепления здоровья и физического развития человека. Это крупномасштабная индустрия, затрагивающая широкий комплекс общественных отношений, касающихся проведения спортивных мероприятий, соревнований различного уровня, продажи прав на трансляцию спортивных

мероприятий, производства спортивной одежды и спортивного инвентаря, строительства спортивных сооружений, разрешения различного рода спортивных споров, регулирования поведения болельщиков во время спортивных соревнований, использования различных видов рекламы при проведении спортивных мероприятий и т. д. Спорт – сфера, в которую вкладываются огромные финансовые средства, представляющая собой одну из сторон потенциала страны, определяющая в том числе и оценку государства на международной арене. Неслучайно в связи с этим пристальное внимание, которое в последнее время уделяется в Республике Беларусь правовой регламентации спортивных отношений. Вместе с тем анализ нормативных правовых актов свидетельствует о значительных пробелах в правовом регулировании спортивных отношений.

В последнее десятилетие ученые-юристы обсуждают вопрос о возможности выделения такой отрасли права, как спортивное. Существует две основных позиции по данному вопросу: во-первых, спортивное право рассматривается как самостоятельная отрасль права; во-вторых, спортивное право рассматривается как комплексная отрасль законодательства. Вместе с тем никто из ученых не отрицает необходимости разработки комплексного правового регулирования спортивных отношений в Республике Беларусь.

Существуют различные модели правовой регламентации спортивных правоотношений: кодифицированная модель (Франция, Испания, Бразилия и др.), модель свода законодательства (США, Замбия и др.), сложноуровневая некодифицированная модель (Швейцария, Австрия, Германия и др.), симплифицированная модель (Ирландия, Исландия, Мальта и др.), законодательство стран, где правовое регулирование в области спорта не развито (Марокко, Намибия и др.).

В некоторых странах право на занятие физической культурой и спортом прямо закреплено в Конституции (Португалия, Бразилия, Куба и др.), однако чаще предусматривается обязанность государства по развитию физической культуры и спорта (Украина, Российская Федерация, Армения, Таджикистан и др.). Так, например, в Конституции Греции закреплено, что спорт находится под защитой и верховным надзором государства, а физическое воспитание греков – важнейшая обязанность государства.

В ч. 3 ст. 45 Конституции Республики Беларусь закреплено, что право граждан Республики Беларусь на охрану здоровья обеспечивается также развитием физической культуры и спорта, мерами по оздоровлению окружающей среды, возможностью пользования оздоровительными учреждениями, совершенствованием охраны труда. Конституция Республики Беларусь прямо не закрепляет право граждан на занятие

физической культурой и спортом, но такое право закрепляется в ст. 6 закона от 18 июня 1993 г. № 2445-ХІІ «О физической культуре и спорте». Таким образом, право на занятие физической культурой и спортом является производным от конституционного права граждан Республики Беларусь на охрану здоровья.

Основой правового регулирования спортивных правоотношений в Республике Беларусь в настоящее время является закон «О физической культуре и спорте». Вместе с тем следует отметить, что данный закон определяет в некоторой мере понятийный аппарат правового регулирования физической культуры и спорта и при этом содержит незначительное количество собственно регулятивных правовых норм. Большинство правовых норм изложены в данном законе как бланкетные, что не способствует эффективному регулированию общественных отношений. Так, например, вопросы оказания безвозмездной спонсорской помощи организациям физической культуры и спорта регламентируются указами Президента Республики Беларусь от 3 ноября 2011 г. № 497 «Об оказании поддержки организациям физической культуры и спорта», от 1 июля 2005 г. № 300 «О предоставлении и использовании безвозмездной (спонсорской) помощи» и некоторыми другими подзаконными нормативными правовыми актами. В законе «О физической культуре и спорте» данные вопросы прямо не урегулированы, хотя преамбула гласит, что закон определяет правовые и экономические основы деятельности в сфере физической культуры и спорта. Вместе с тем следует отметить, что экономическая составляющая в спорте относится не только к определению вопросов о субъектах и формах оказания спонсорской помощи.

В современном спорте выделяется несколько его видов: любительский, профессиональный, адаптивный (три основных направления в мире – паралимпийский, сурдлимпийский, специальный олимпийский). Каждый из названных видов спорта должен быть соответствующим образом регламентирован.

Правовая регламентация любительского спорта содержится в нескольких нормативных правовых актах: законе «О физической культуре и спорте», указе Президента «Об оказании поддержки организациям физической культуры и спорта» и др.

Недостаточно в Республике Беларусь регламентируются вопросы профессионального спорта и спорта высоких достижений. Постановлением межпарламентской ассамблеи государств – участников СНГ 31 мая 2007 г. был принят модельный закон «О профессиональном спорте». Однако в национальном законодательстве подобный нормативный

правовой акт в настоящее время отсутствует. Основная проблема правового регулирования профессионального спорта заключается в том, что нормы, регламентирующие спортивные отношения в области профессионального спорта, должны не только соответствовать основам правовой регламентации Республики Беларусь, но и соответствовать нормам так называемого «мягкого права», определяющим регулирование отдельных видов спорта на уровне различных международных спортивных ассоциаций и федераций.

Существуют и проблемы в правовой регламентации труда профессиональных спортсменов и тренеров. Нормативным правовым актом, регламентирующим особенности режима рабочего времени работников организаций физической культуры и спорта, является постановление Министерства спорта и туризма Республики Беларусь от 14 апреля 2008 г. № 14 «Об утверждении Инструкции об особенностях регулирования труда работников организаций физической культуры и спорта». На законодательном уровне особенности труда профессиональных спортсменов и тренеров не регламентируются. В юридической практике встречаются гражданско-правовые, трудовые или смешанные договоры, заключаемые с данными категориями работников. Как справедливо отмечает в своих работах председатель Высшего хозяйственного суда Республики Беларусь В.С. Каменков, данные вопросы нуждаются в научном осмыслении и нормативном закреплении.

Постановлением межпарламентской ассамблеи государств – участников СНГ 25 ноября 2008 г. был принят модельный закон «О паралимпийском спорте», однако следует отметить, что модельные законы носят лишь рекомендательный характер и не являются нормативными правовыми актами прямого действия, их положения могут лишь учитываться при формировании национального законодательства. До настоящего времени никакого специального нормативного правового акта, регламентирующего адаптивный спорт в Республике Беларусь, не принято. Некоторые аспекты правовой регламентации спортивных отношений, где субъектами выступают инвалиды, содержатся в законе от 23 июля 2008 г. № 422-З «О предупреждении инвалидности и реабилитации инвалидов» и в законе от 11 ноября 1991 г. № 1224-ХП «О социальной защите инвалидов в Республике Беларусь».

В юридической литературе активно обсуждается вопрос о возможности создания Спортивного кодекса Республики Беларусь, который объединит все правовые нормы, регламентирующие вопросы физической культуры и спорта. В ряде стран уже действуют подобного рода нормативные правовые акты. Например, Французский спортивный кодекс

является межотраслевым комплексным нормативным правовым актом, состоящим из 1674 статей. В настоящее время разработан проект Спортивного кодекса Республики Беларусь, включающий более 150 статей. Его принятие будет способствовать обеспечению системного и логически последовательного правового регулирования отношений в области спорта и физической культуры.

УДК 340.130

Н.В. Осокина

ИНФОРМАЦИОННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО КАК ИСТОЧНИК ПРАВА

В современном мире существенно возросла роль информации как в жизни отдельного человека, так и государств, чему способствовало быстрое развитие и формирование глобальных трансграничных информационных и телекоммуникационных систем, охвативших все мировое пространство и вошедших практически в каждый дом. Нельзя отрицать, что информация стала мощным ресурсом наряду с природными, финансовыми, трудовыми, а возможно и превзошла их. Информация становится товаром, который охотно продают и покупают, она становится оружием, используемым в информационных войнах и противоборствах. Появляется новая дисциплина «Правовая информатика», изучение которой способствует формированию и развитию у будущих юристов теоретических знаний и практических навыков оптимальной организации информационных процессов, применения информационных технологий и информационных систем в юридической деятельности, разрешения юридических конфликтных ситуаций.

Современное общество все чаще характеризуют как информационное общество, в котором информация и знания превалируют над сельским хозяйством, промышленностью, услугами. Информационные процессы (создание, распространение, переработка, хранение и использование информации) должны быть урегулированы правом. Правовое регулирование полностью будет возможно, когда совокупность правовых норм будет применима ко всем возможным субъектам, объектам и особенностям информационных отношений. Информационное законодательство охватывает законодательство Республики Беларусь как по видам нормативных правовых актов, так и по отраслям законодательства и находится на стадии становления

Анализируя вышесказанное, в составе информационного законодательства можно выделить:

нормы Конституции Республики Беларусь. Так в ст. 28 Конституции закреплено, что каждый имеет право на защиту от незаконного вмешательства в его личную жизнь, в том числе от посягательства на тайну его корреспонденции, телефонных и иных сообщений, на его честь и достоинство. Ст. 34 гарантирует гражданам Республики Беларусь право на получение, хранение и распространение полной, достоверной и своевременной информации о деятельности государственных органов, общественных объединений, о политической, экономической, культурной и международной жизни, состоянии окружающей среды, закрепляет обязанности государственных органов в данной сфере, кроме того, в ней закреплено, что пользование информацией может быть ограничено законодательством в целях защиты чести, достоинства, личной и семейной жизни граждан и полного осуществления ими своих прав. Ст. 51 закрепляет общедоступность ценностей отечественной и мировой культуры, находящихся как в государственных, так и общественных фондах, охрану законом интеллектуальной собственности;

отрасли законодательства, нормативные правовые акты которых посвящены вопросам информационного законодательства (законы Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации», от 28 декабря 2009 г. № 113-З «Об электронном документе и электронной цифровой подписи»);

отрасли законодательства, нормативные правовые акты которых включают отдельные информационно-правовые нормы. Например, закон Республики Беларусь от 5 января 2013 г. № 16-З «О коммерческой тайне». В ч. 3 ст. 8 закреплено, что наряду с мерами, указанными в ч. 2 этой статьи, владелец коммерческой тайны вправе применять не запрещенные законодательством технические средства и методы защиты информации, а также другие меры, не противоречащие законодательству. Примером может быть новая редакция ст. 140 ГК «Нераскрытая информация», в которой закреплено понятие информации, условия установления в отношении информации режима коммерческой тайны, защита информации, составляющей коммерческую тайну. Сюда же можно отнести и гл. 31 УК «Преступления против информационной безопасности».

Нами рассмотрена не вся совокупность информационного законодательства, а лишь отдельные источники, которые, по нашему мнению, отражают особенности источников правовой информатики.

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПЕРЕЧНЯ И КЛАССИФИКАЦИИ ПРИНЦИПОВ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОХРАНЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Принципы права рассматривали многие ученые. Интерес к исследованию этой категории не иссяк, поскольку принципы представляют собой основополагающие начала, определяющие содержание норм различных отраслей и институтов права, их место в системе права.

В законодательствах государств – участников СНГ, несмотря на схожесть решаемых органами и службами государственной охраны задач, используемых ими форм и методов, закреплены различные перечни принципов осуществления государственной охраны. Унификации национальных законодательств в определенной мере способствовало модельное законодательство, поэтому нормы-принципы, изложенные в модельном законе «О государственной охране», в той или иной мере трансформированы в законодательство некоторых государств – участников СНГ. В то же время анализ правовых положений свидетельствует, что в национальных законодательствах широко представлены иные принципы. Данное обстоятельство, по-нашему мнению, может определяться рядом причин:

наличием различных общетеоретических подходов к определению сущности, содержания и квалифицирующих признаков принципов права, что объективно находит свое отражение в праве государственной охраны;

особенностями нормотворчества в государствах – участниках СНГ, характеризующимися различными взглядами на формирование закреплённых в законах норм-принципов;

недостаточной научной разработанностью вопросов правового регулирования государственной охраны, в том числе его основополагающих положений, которые находят свое воплощение в правовых принципах.

В ст. 3 закона Республики Беларусь от 8 мая 2009 г. № 168-З «О государственной охране» в качестве норм-принципов закреплёны следующие принципы осуществления государственной охраны:

законности;

уважения и соблюдения прав, свобод и законных интересов граждан Республики Беларусь, иностранных граждан, лиц без гражданства; профессиональной этики;

приоритета предупредительных мер;
непрерывности;
координации и взаимодействия;
единоначалия в руководстве силами и средствами государственных органов и иных организаций, привлеченных для обеспечения безопасности охраняемых лиц и охраняемых объектов;
сочетания гласных и негласных методов и средств деятельности;
подконтрольности и поднадзорности.

В то же время анализ действующего законодательства и правоприменительной практики позволяет поставить вопрос о целесообразности выделения иных принципов осуществления государственной охраны. По нашему мнению, из содержания закона «О государственной охране» и иных правовых актов в сфере государственной охраны могут быть предложены следующие принципы:

соответствия мер по осуществлению государственной охраны угрозам безопасности охраняемых лиц и охраняемых объектов, уровню их общественной и государственной значимости;
разумной достаточности;
комплексности и системности применения мер по осуществлению государственной охраны;
постоянной боевой и мобилизационной готовности;
сочетания самостоятельности и независимости органа государственной охраны при принятии мер по осуществлению государственной охраны и полноты ответственности за их обоснованность и действенность.

Перечень принципов осуществления государственной охраны Республики Беларусь остается открытым и может быть дополнен другими принципами.

Анализируя сформулированные в законодательстве и вытекающие из его содержания принципы права государственной охраны, полагаем возможным предложить авторский вариант их классификации, исходя из различных критериев. Предлагаемые подходы к классификации принципов права государственной охраны являются одними из множества возможных вариантов. А.С. Автономов верно заметил, что одну-единственную модель системы категорий права построить нереально, ибо согласно одному из системных принципов, а именно множественности описания, возможно бесконечное количество моделей одной и той же системы, каждая из которых отражает только один из ее аспектов [1, с. 340].

Исходя из сферы действия, принципы осуществления государственной охраны могут подразделяться:

на общеправовые, свойственные всем отраслям системы права Республики Беларусь: законности, уважения и соблюдения прав, свобод и законных интересов граждан Республики Беларусь, иностранных граждан, лиц без гражданства;

межотраслевые, характерные для группы отраслей, имеющих публично-правовую направленность: подконтрольности и поднадзорности, профессиональной этики, приоритета предупредительных мер, разумной достаточности;

отраслевые, затрагивающие преимущественно область административного права: координации и взаимодействия, сочетания гласных и негласных методов и средств деятельности, постоянной боевой и мобилизационной готовности;

правового института государственной охраны: единоначалия в руководстве силами и средствами государственных органов и иных организаций, привлеченных для обеспечения безопасности охраняемых лиц и охраняемых объектов; соответствия мер по осуществлению государственной охраны угрозам безопасности охраняемых лиц и охраняемых объектов, уровню их государственной и общественной значимости; непрерывности; комплексности и системности применения мер по осуществлению государственной охраны; сочетания самостоятельности и независимости органа государственной охраны при принятии мер по осуществлению государственной охраны и полноты ответственности за их обоснованность и действенность.

По специфичности принципы права государственной охраны подразделяются на две группы:

собственно правовые (законности; уважения и соблюдения прав, свобод и законных интересов граждан Республики Беларусь, иностранных граждан, лиц без гражданства; подконтрольности и поднадзорности);

деятельственные (иные вышеуказанные принципы).

По источнику принципы права государственной охраны могут быть дифференцированы следующим образом:

нормы-принципы, зафиксированные в ст. 4 закона «О государственной охране»;

принципы, вытекающие из содержания нормативных правовых актов в сфере государственной охраны.

1. Автономов А.С. Правовая онтология политики: к построению системы категорий. М. : Инфограф, 1999. 383 с.

ИСТОЧНИКИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ ЗАЩИТЫ ВАЖНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБЪЕКТОВ

В решении проблемы повышения безопасности и энергообеспечения Республики Беларусь важную роль играет атомная энергетика, которая в настоящее время занимает заметное место в энергетическом балансе ряда стран (более 33 % в Европе). Она является одной из наиболее динамично развивающихся отраслей энергетики и играет системообразующую, стабилизирующую и природоохранную роль [1].

На современном этапе развития атомной энергетики жизненно необходимо обеспечение физической защиты объектов использования атомной энергии (ОИАЭ), которое представляет собой совокупность правовых, организационных мероприятий, инженерно-технических средств и действий подразделений охраны с целью предупреждения, своевременного обнаружения несанкционированных действий на ОИАЭ.

Указом Президента Республики Беларусь от 12 ноября 2007 г. № 565 «О некоторых мерах по строительству атомной электростанции» было принято решение о начале проведения работ по строительству атомной электростанции в Беларуси. В этой связи вопрос правового регулирования физической защиты ОИАЭ приобрел особую актуальность.

В соответствии со ст. 2 закона от 3 июня 1993 г. № 2341-ХІІ «О внутренних войсках Министерства внутренних дел Республики Беларусь» одной из основных задач внутренних войск является охрана особо важных государственных объектов (ОВГО) и специальных грузов. АЭС, безусловно, относится к числу таких объектов. Употребляя терминологию Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ), внутренние войска выполняют задачу по физической защите ядерного материала. Для ее качественного выполнения необходимо наличие четких однозначных правовых предписаний.

В настоящее время в Беларуси произошли значительные изменения в сфере усовершенствования национальной законодательной базы, которые подтверждают выполнение нашим государством международных обязательств. Все правовые источники, регулирующие охрану ОВГО и специальных грузов, можно условно разделить на две группы:

- международные правовые акты;
- национальные правовые акты.

Основополагающим международным документом является конвенция МАГАТЭ «О ядерной безопасности», которая вступила в силу 24 октября 1996 г., а для Республики Беларусь – 27 января 1999 г.

Важнейшим международным документом является конвенция МАГАТЭ «О физической защите ядерного материала», принятая в Вене 26 октября 1979 г., она вступила в силу 8 февраля 1987 г., после того как была ратифицирована 21 государством. Главной задачей конвенции является обеспечение защиты ядерного материала от несанкционированного доступа во время международной перевозки (включая экспорт, импорт и транзит). В целом конвенция представляет собой эффективный инструмент обеспечения ядерной безопасности.

Подписанный Президентом Республики Беларусь указ «О некоторых мерах по строительству атомной электростанции» положил начало разработке и принятию национальных источников, регулирующих все вопросы, связанные с атомной энергетикой.

Центральное место в системе национальных нормативных правовых актов занимает закон от 30 июля 2008 г. № 426-З «Об использовании атомной энергии». В ст. 1 этого закона закреплено определение физической защиты как комплекса технических, организационных и иных мер, направленных на сохранность ОИАЭ и предотвращение несанкционированного доступа к ним. В гл. 6 закона закреплены конкретные требования физической защиты ОИАЭ.

На основании абзаца 9 ст. 5 закона «Об использовании атомной энергии» Совет Министров Республики Беларусь 27 сентября 2010 г. принял постановление № 1385 «Об утверждении положения о физической защите объектов использования атомной энергии», которым определяют условия и порядок обеспечения физической защиты ОИАЭ.

Уголовным кодексом Республики Беларусь предусмотрена уголовная ответственность за нарушение правил обеспечения физической защиты ядерных материалов.

В настоящее время с целью придания системного характера правового регулирования физической защиты ОВГО и специальных грузов необходимо принять концепцию физической защиты ОВГО и специальных грузов, предусмотреть в ней создание системы межведомственных, ведомственных нормативных правовых актов, определяющих все вопросы взаимодействия государственных органов, иных организаций в области обеспечения физической защиты ОВГО и специальных грузов, а также создание системы локальных и объектовых нормативных правовых актов для определения основных систем обеспечения безопасности.

1. Об утверждении Государственной программы «Научное сопровождение развития атомной энергетики в Республике Беларусь на 2009–2010 годы и на период до 2020 года» : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 28 авг. 2009 г., № 1116. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

УДК 340(075.8)

Г.А. Лукашев

ОСОБЕННОСТИ ИСТОЧНИКОВ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Одними из исторически сложившихся источников международного права, занимающих важное место в становлении международного законодательства, являются международные договоры и международно-правовой обычай. Субъектами, участвующими в данного рода отношениях и тем самым влияющих на формирование и развитие международного права в целом, зачастую выступают ведущие государства с различными правовыми системами, поэтому для более глубокого изучения вопросов, проблем и сущности международного права необходимо рассмотреть и провести анализ источников права основных правовых систем данных государств.

На мировой арене преобладают англосаксонская и романо-германская правовые системы. В последнее время из-за роста численности населения, эмиграции и политических событий глобального масштаба набирает вес религиозное право, но его нормы еще в очень малой степени затрагивают международное законодательство, поэтому рассматривать источники данного права как международного пока рано. Соответственно описанию и сравнению подвергнутся источники права в англосаксонской (общей) и романо-германской (континентальной) правовых семьях.

Известный французский ученый Р. Давид, написавший классический труд «Основные правовые системы современности», отмечал, что в самом общем плане источник права рассматривается как один из путей, средств или способов формирования той или иной правовой системы. Необходимо обозначить базовые признаки разделения романо-германской и англосаксонской правовых семей: наличие или отсутствие писаного права, деления права на частное и публичное, а норм права – на императивные и диспозитивные, доминирование в системе источников судебного прецедента либо нормативного правового акта, характер и степень воздействия на право таких форм общественного сознания, как политика и мораль, наличие кодификации, жесткой иерархии источ-

ников права, детальной структурированности права, уровень соотношения правовой системы и природы права, признание или непризнание юридической силы «нетрадиционных» источников права, отождествление либо дифференциация права и закона.

Наличие деления права на частное и публичное считается одним из наиболее очевидных признаков романо-германской правовой семьи, заимствованных еще из древнеримского права. Однако основной причиной такого ярко выраженного деления является преобладание (и качественное, и количественное) нормативных правовых актов, обладающих высшей юридической силой, государственных источников права (последние в настоящее время служат первоначалом не только публичного, но и частного права, подтверждая формальность данной дифференциации). Реальная власть в руках публичных институтов принуждает государство к популяризации частного права, подчеркиванию его значения в целях собственной легитимации в среде гражданского общества.

Отсутствие подобной дифференциации в англосаксонском праве детерминировано вторичностью в ней роли государственных источников права, первичностью источников права гражданского общества и соответственно отсутствием необходимости завоевания общественного признания. С данным критерием также тесно связаны такие признаки деления правовых систем, как отсутствие в англосаксонском праве дифференциации императивных и диспозитивных норм права.

В то же время нормы англосаксонского права обладают обязательностью (императивностью) не в силу государственного установления, а вследствие собственной диспозитивной авторитетности. Эта же особенность характерна и для системы источников права англосаксонской правовой семьи.

Еще одним признаком, отличающим две данные правовые семьи, называют наличие писаного права в романо-германской системе и его отсутствие в англосаксонской. Данный критерий в рамках общего права связан в основном с распространенностью такого неписаного источника права, как судебный прецедент. Он представляет собой заранее не писанные нормы права, появляющиеся казуально. Такая особенность англосаксонского права связана с органичным характером системы его источников. Это право основано на справедливости, разуме и правосознании судьи, не подгоняется под ранее созданные рамки, удовлетворяющие исключительно государственные интересы, а создается здесь и сейчас.

Судебное право для гражданского общества англосаксонских стран настолько авторитетно, что не требует государственного (писаного) закрепления, оно легитимно и авторитетно по своей природе. Система источников

романо-германского права абстрактна. Данные источники служат обезличенными, заранее установленными государством рамками поведения.

Система источников романо-германского права практически полностью формируется за счет государственных источников права, а в Великобритании и большинстве стран, входящих в состав англосаксонской правовой семьи, в некоторой степени за счет консерватизма, преданности традициям достаточно большое влияние на развитие источников права оказывают интересы и источники права гражданского общества.

Кроме того, необходимо отметить, что особенностью стран континентального права является наличие разветвленного деления права на институты, субинституты, отрасли, подотрасли. Данная характеристика не свойственна общему праву.

Система источников континентального права не самоуправляема, она нуждается в регулярном внешнем вмешательстве, дроблении на структурные единицы и т. п. В отличие от нее система источников общего права характеризуется не только уже обозначенной органичностью, но и связанностью с природой права (а не исключительно его содержанием), самоуправляемостью, саморазвитием.

Таким образом, из вышесказанного можно сделать следующие выводы:

системе источников англосаксонского права свойственны следующие особенности: органичность, моральная обогащенность, самоуправляемость, аполитичность, дезтатизм, доминирование судебных прецедентов, казуальность, легитимность, внутренняя авторитетность, преобладание связи с гражданским обществом, синкретичность, открытость, эффективный механизм самовосполнения и генезиса, оличенность, доминирование содержательных элементов, таких как разум, правосознание;

системе источников романо-германского права присущи: закрытость, механичность, политико-юридическая насыщенность, этатизм, абстрактность, необходимость внешнего государственного управления, доминирование нормативных правовых актов, внешняя авторитетность, несоответствие природе права, нелегитимность, доминирование формальных элементов: законов, государственной воли и т. п.;

особенностью систем источников права, оказывающих доминирующее влияние на формирование и развитие правовой семьи, является позиционирование государства и государственного права, их соотношение с гражданским обществом и правом гражданского общества. Так, превалирующее значение первых двух характерно для стран романо-германского права, англосаксонская же правовая семья стремится к поддержанию равновесия и баланса интересов между двумя данными полюсами.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алексейчикова Наталья Николаевна – доцент кафедры историко-правовых дисциплин Могилевского высшего колледжа МВД Республики Беларусь, кандидат исторических наук.

Алёхно Юрий Романович – старший преподаватель кафедры юридических дисциплин факультета внутренних войск Военной академии Республики Беларусь.

Асаёнок Борис Валерьевич – профессор кафедры правового обеспечения деятельности органов пограничной службы Института пограничной службы Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Баранова Алла Саввична – доцент кафедры педагогики Минского государственного лингвистического университета, кандидат педагогических наук, доцент.

Борщёва Елена Владимировна – доцент кафедры теории и истории государства и права Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Брайчук Лариса Михайловна – старший преподаватель цикла гражданско-правовых и уголовно-правовых дисциплин кафедры юридических дисциплин факультета внутренних войск Военной академии Республики Беларусь.

Бритова Елена Александровна – адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь.

Булгак Дмитрий Витольдович – начальник цикла государственно-правовых дисциплин кафедры юридических дисциплин факультета внутренних войск Военной академии Республики Беларусь.

Быстриков Алексей Михайлович – курсант Института пограничной службы Республики Беларусь.

Вениосов Александр Владимирович – профессор кафедры теории и истории государства и права Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Вишневский Алексей Федорович – профессор кафедры теории и истории государства и права Академии МВД Республики Беларусь, доктор исторических наук, профессор.

Воропаев Дмитрий Александрович – магистрант кафедры теории и истории государства и права Академии МВД Республики Беларусь.

Гайдельцов Владимир Сергеевич – профессор кафедры теории и истории государства и права Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Горбатов Николай Алексеевич – профессор кафедры теории и истории государства и права Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Гронский Александр Дмитриевич – доцент кафедры гуманитарных дисциплин Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники, кандидат исторических наук, доцент.

Данилов Виктор Азариевич – доцент кафедры теории и истории государства и права Академии МВД Республики Беларусь, кандидат исторических наук, доцент.

Данькова Лариса Ивановна – старший преподаватель кафедры теории и истории права Гродненского филиала БИП – Институт правоведения.

Дерюгин Алексей Александрович – заместитель начальника кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского военного института внутренних войск МВД России, кандидат юридических наук.

Дубрава Надежда Михайловна – адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь.

Ермолич Светлана Яковлевна – старший преподаватель кафедры социальной работы Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка, кандидат педагогических наук.

Завальный Андрей Николаевич – доцент кафедры теории государства и права Национальной академии внутренних дел (Украина), кандидат юридических наук.

Калинина Эльза Алексеевна – профессор кафедры публичного права Международного университета «МИТСО», кандидат юридических наук, доцент.

Кийко Николай Владимирович – адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь.

Киселев Александр Александрович – доцент кафедры социальных наук Военной академии Республики Беларусь, кандидат исторических наук, доцент.

Козел Александр Александрович – профессор кафедры теории и истории государства и права Академии МВД Республики Беларусь, кандидат философских наук, доцент.

Козик Андрей Леонидович – первый проректор Международного университета «МИТСО», кандидат юридических наук, доцент.

Кучинский Владимир Александрович – профессор кафедры теории и истории государства и права Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, профессор.

Лапанович Сергей Федорович – доцент кафедры теории и истории государства и права Академии МВД Республики Беларусь, кандидат исторических наук, доцент.

Лапина Ирена Александровна – заведующая кафедрой экономики и управления высшей школы Республиканского института высшей школы, кандидат юридических наук, доцент.

Леднёва Анфиса Семеновна – профессор кафедры юридических дисциплин факультета внутренних войск Военной академии Республики Беларусь, кандидат исторических наук, доцент.

Литвинко Вера Алексеевна – доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Белорусского государственного экономического университета, кандидат юридических наук.

Лукашев Герман Анатольевич – курсант Военной академии Республики Беларусь.

Матвийчук Сергей Борисович – преподаватель факультета внутренних войск Военной академии Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Мелеховец Юрий Александрович – профессор кафедры теории и истории государства и права Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук.

Мурашко Александр Иванович – доцент кафедры теории и истории государства и права Академии МВД Республики Беларусь, кандидат исторических наук.

Мурашко Людмила Олеговна – заместитель начальника экспертно-правового управления Конституционного суда Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Новикова Виктория Сергеевна – студентка Белорусского государственного экономического университета.

Осокина Наталья Владимировна – старший преподаватель кафедры уголовного права и криминалистики Полоцкого государственного университета.

Павлов Вадим Иванович – начальник кафедры теории и истории государства и права Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Павлющик Сергей Владимирович – начальник цикла гражданско-правовых и уголовно-правовых дисциплин факультета внутренних войск Военной академии Республики Беларусь.

Рябоволов Владимир Анатольевич – соискатель Института национальной безопасности Республики Беларусь.

Савенок Анатолий Леонидович – первый заместитель начальника Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Слободчиков Николай Афанасьевич – профессор Международного гуманитарно-экономического института, кандидат юридических наук, доцент.

Смоленок Борис Владимирович – курсант Могилевского высшего колледжа МВД Республики Беларусь.

Сороковик Иван Александрович – доцент кафедры теории и истории государства и права Академии управления при Президенте Республики Беларусь, кандидат исторических наук, доцент.

Сорокин Ян Викторович – курсант Могилевского высшего колледжа МВД Республики Беларусь.

Сувалов Олег Николаевич – заместитель начальника кафедры теории и истории государства и права Академии МВД Республики Беларусь, кандидат исторических наук.

Шабуневич Светлана Николаевна – старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Академии управления при Президенте Республики Беларусь.

Цобкало Андрей Анатольевич – доцент кафедры теории и истории государства и права Академии управления при Президенте Республики Беларусь, кандидат исторических наук, доцент.

Юцов Игорь Александрович – научный сотрудник отделения организации научной работы факультета внутренних войск Военной академии Республики Беларусь.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
-------------------	---

ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВ ПРАВА В ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Павлов В.И. Схоластическо-метафизические истоки классической общей теории права: к вопросу начал рецепции римского права на Западе	6
Кучинский В.А. Понятия формы и источника права в контексте современного правопонимания	19
Завальный А.Н. Дialeктика разграничения категорий «источник» и «форма» в теории права	24
Козик А.Л., Калинина Э.А. Формы (источники) права как средство его бытия (существования)	27
Горбатов Н.А. О соотношении источников нормативного и индивидуального правового регулирования	32
Козел А.А. Справедливость как идейно-смысловой источник и сущность права	40
Вишнеўскі А.Ф. Да праблемы эвалюцыі крыніц мусульманскага права	45
Мелеховец Ю.А. О роли правосознания в формировании источников права	54
Шабуневич С.Н. Источники права как основные критерии отличия правовых систем	60
Дубрава Н.М. Нормативные правовые акты высших органов судебной власти как источники белорусского права	62
Кийко Н.В. Некоторые проблемы совершенствования порядка использования терминов «права» и «законные интересы» в законодательстве Республики Беларусь	67
Воропаев Д.А. Усмотрение в правоприменительной деятельности и его влияние на правоприменительное решение	70
Брайчук Л.М., Булгак Д.В. Зарождение и развитие источников права	73
Данькова Л.И. Становление судебного прецедента как источника права в романо-германской правовой системе	75
Новикова В.С. Проблема определения правовой доктрины	79
Баранова А.С. Культурные права человека: история и современность	82
Ермолич С.Я. Мифологические источники правовых представлений	85

ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВ ПРАВА В ИСТОРИКО-ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Слободчиков Н.А. О достоверности исторических фактов о белорусской государственности	88
--	----

Сувалаў А.М. Арганізацыйна-прававыя мерапрыемствы па забароне публікацыі беларускіх тэкстаў лацінскім шрыфтам у Расійскай імперыі	91
Вениосов А.В. Роль обязательных постановлений местных Советов в организации административно-правовой охраны общественного порядка в СССР в 20-х гг. XX в.	96
Данилов В.А. Развитие советского законодательства о детях (1941–1953 гг.)	99
Саракавіч І.А. І.М. Даніловіч – адзін з пачынальнікаў айчыннага крыніцзнаўства	102
Ляднёва А.С. Замежныя крыніцы даследавання гісторыі дзяржавы і права Беларусі	106
Смоленок Б.В. Памятники канонического права XVI–XVIII вв. – источник по уголовному праву	109
Алексейчикова Н.Н. Каноническое право XVI–XVIII вв. – важнейший источник семейного права	112
Лапановіч С.Ф. Законы, правілы і распараджэнні па ўладкаванню бежанцаў як крыніца даследавання напрамкаў сацыяльнай палітыкі царскага ўрада ў заходніх губернях у гады Першай сусветнай вайны (1914–1916 гг.)	115
Мурашко А.И. Нормативные правовые акты Российской империи как источники для исследования истории жандармской железнодорожной полиции	130
Гронский А.Д. Рапорты командиров русских отрядов как источник сведений о потерях сторон в период восстания 1863–1864 гг.	133
Киселев А.А. Школы полицейских урядников в белорусских губерниях	138
Павлюшук С.В. Генезис правового регулирования воинской службы в истории Беларуси (IX – конец XVIII в.)	143
Дерюгин А.А. Чрезвычайные правовые режимы в период Великой Отечественной войны: юридические основания и механизм реализации	146
Алёхно Ю.Р. Конституция Японии 1947 г. как формальный (юридический), идеологический и материальный источник японского экономического чуда	149
Сорокин Я.В. Статут 1588 г. – источник уголовного права XVI в.	151

ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВ ПРАВА В ОТРАСЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Мурашко Л.О. О правовой природе решений конституционных судов ...	155
Савенок А.Л., Бритова Е.А. Об источниках уголовного права	158
Гайдельцов В.С. Источники оперативно-розыскного права как элемент системы формирующейся новой правовой отрасли	161
Асаёнок Б.В., Быстриков А.М. Сроки давности в свете принципов уголовной ответственности	164

Лапина И.А., Цобкало А.А. Гарантии прав и свобод личности в источниках уголовно-процессуального права	167
Литвинко В.А. Источники права в международном гражданском процессе: некоторые вопросы	169
Борщёва Е.В. Источники спортивного права Республики Беларусь	172
Осокина Н.В. Информационное законодательство как источник права ..	176
Рябоволов В.А. Проблемные вопросы определения перечня и классификации принципов осуществления государственной охраны Республики Беларусь	178
Матвийчук С.Б., Юцов И.А. Источники правового регулирования физической защиты важных государственных объектов	181
Лукашев Г.А. Особенности источников международного права	183
Сведения об авторах	186

Научное издание

ИСТОЧНИКИ ПРАВА: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Материалы республиканской
научно-практической конференции
(Минск, 27 февраля 2013 г.)

Редакторы *Е.А. Соколова,*
Е.В. Сурмачевская, К.В. Яковлева
Технический редактор *С.И. Гайдук*

Подписано в печать 02.09.2013. Формат 60×84¹/₁₆.
Бумага офсетная. Ризография. Усл. печ. л. 11,16. Уч.-изд. л. 11,46.
Тираж 100 экз. Заказ 168.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования
«Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь».
ЛИ № 2330/706 от 01.04.2013.
Пр-т Машерова, 6, 220005, Минск.